

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

3
'95

ЗАХВАТ

ФОТО А.АЛЕКСАНДРОВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

3 '95

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная
коллегия.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
Э.П.КОПЫЛОВА.

Верстка
Л.А.ПЕТРОВОЙ.

Корректор
И.Н.ИНЮШИНА.

На первой
странице обложки:
прапорщик
Н.В. РЮМИНА.

За участие в
спасении раненых
в Чечне представ-
лена к государст-
венной награде.

Фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Зона особого внимания

КИСЛЫЙ Ю. Чечня: зима тревоги нашей	2
КАРПОВ Б. Самый Грозный город	14
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России.	20

Войска: проблемы, события, люди

КИРИЛЕНКО А. Такая жаркая быль.....	22
МУЧАК И. Провиантмейстер.	26
УШАР А. Заморочка, или Повесть о том, как три мужика всем начальникам угодили.	30
ЯГОДИН А. "Он уехал, но не в часть, а на кладбище..."	32
ПАЛУХИН С.: "Мы не уступаем Карловым Варам"....	37

Как это делается "у них"

ЦЫГАНКОВ В. "Государству виднее..." (внутренние войска Китая)	40
--	----

К 50-летию Победы

КРИВЕЦ В. Низкий поклон вам!	44
МОРОЗ В. Рожденные для боя	46

Проза. Поэзия

СЕРБА А. Здравствуй, пластун! (повесть, начало)	50
РОМАНЕНКОВА Л., ИГНАТЬЕВА М., ДУНАЕВСКАЯ Т. Пространство любви (стихи)	63
КРИСТИ А. Два рассказа	65

Калейдоскоп интересов

ГРУНТОВСКИЙ А. Русский бой удалый	71
АФАНАСЬЕВ В. Вынужденный перерыв	76
Шахматный клуб	78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистр. № 011420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 31.01.1995 г. Подписано к печати 28.02.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 453. Тираж 7500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 3500 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 5000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, В-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефоны: 61-82-57,
361-81-71.

Острые осколки с войны

ПОД ГОРОДОМ ГРОЗНЫМ...

*И горел погребальным костром закат
И волками смотрели звезды из облаков
Как раскинув руки лежали ушедшие*

в ночь

*И как спали вповалку живые не видя
снов*

Виктор ЦОЙ
"Легенда".

Ночь холодная. Жуткая. Впитавшая в свой черный саван дым и гарь. Исторгающая в безмолвные глубины вселенной стоны, крики, плач, мат раненых. Восемнадцатилетних солдат.

И он рядом с ними, среди них...

Лежат на снегу под чадающим "бэтром", сжимая, кто в сознании, гранаты закованными пальцами. Другие... тяжелые... отключаясь, убегая от лютой боли и холода в спасительный обморок-сон... бессознательный мрак, просят... шепчут... выплакивают хрипло и беспомощно: "Не оставляйте... нас, пацаны... Если навалятся абреки... взорвите. Лучше смерть, чем пытки в плену...".

Он, маленький сержант, осторожно шевелит ногой, перетянутой резиновым жгутом.

—Тер... Ох... Ну же! Терпимо!

И... есть еще патроны, много патронов... Живем!

А они... Там... Трое у стелы в скверике, справа от Дома культуры (где когда-то крутили кино и устраивали дискотеки, а к подножию обелиска в День Победы пионеры и ветераны возлагали венки — когда это было? и было ли вообще?). Четверо за-

стыли возле "бэтра", смявшего ограду школьного двора. Выскочили, открыли ответный огонь, тут их и... Из окон пулеметными очередями... в упор... И рядом с кабиной раскуроченного взрывом "Урала" с пушкой-двухстволочкой... Он, Санал, помогая раненым доползти до укрытия, видел, как факелом пылал... кто? Саня Кутырев? Колян? Или Пашка... Не видеть бы! И еще там, в темноте... возле зенитки...

Ее первой и подбили. Профессионально, снайперски, одной гранатой (есть чему поучиться у чеченских "профи!").

А он еще раньше почувствовал: сейчас что-то произойдет. Прямо кожей ощутил сквозь липкую дремоту подкравшееся лихо... Когда они заблудились, стали разворачиваться, офицер занервничал... (ну откуда тебе знать, Санал, что карта "сотка" подвела твоих командиров: не обозначен на ней тупик в конце центральной улицы станицы Петропавловской, где тебя, все сводное подразделение во главе с двумя майорами, ждали...).

Оглушительно рывкнула "труба". Машинально, по звуку, определил: РПГ-7. В умелых руках — страшное оружие против брони.

Расчет накрыло капитально. Намертво.

Брызнув бенгальскими искрами, дымный гриб вырос...

Потом выстрелы "эрпэгешек" слились в автоматические очереди — так они, душманы, быстро, одну за другой, вгоняли в стволы кумулятивные гранаты.

Загорелся "бэтр".

Лейтенант Кабулов (по понятным причинам фамилии офицеров и прапорщиков в материале изменены) поставил свою броню бортом напротив покоренной

"зушки" — забрать раненых. Его тоже подбили.

— Круговую оборону! — срывающимся голосом заорал Вадик Кульчицкий.

Те, кто мог двигаться, залегли около восьмиколесного подранка.

А дальше — как в кровавом мареве. Он, младший сержант Хантыев, отстреливался, командовал, пытаясь управлять огнем растерявшихся поначалу ребят.

Горячее впилось в ногу. Он ненадолго "поплыл".

Тем временем куда-то исчез раненный в голову майор, старший группы. Вместе с уцелевшим "бэтром", в который они хотели затащить окровавленных солдат, да вот не успели — БТР дал деру. А где еще одна "коробочка"? С другим майором? Успевшая развернуться перед Домом культуры еще до начала обстрела. Неужели тоже смылась, бросив их на произвол судьбы? Или не услышал там начштаба батальона грохота РПГ?

Ох, сейчас не до этого... Сначала — жгут. Потуже. Промедол. Иглой шприца в то место, где вишнево набухает выцветший узор камуфляжа...

Голоса лейтенантов... Кабулова и Уткина... Частые выстрелы. Выводят уцелевших из-под огня...

"А мы?! — хотелось крикнуть. — Бросаете нас?"

И тут — он глазам своим не поверил — Жека Остроухов, наводчик, нырнул в люк горящего "бэтра". Шевельнулась башня. И пошли хлестать огненные пулеметные струи. По окнам школы. По крыше ДК. По углам школьного двора.

Кто б мог подумать: простой солдат Евгений Остроухов, такой же, как все...

Прикрывал их, уходивших...

"А мы?!"

Умолк ПКТ — кончились боеприпасы, крупнокалиберный Владимирова заклинило — и через минуту заговорил Женькин автомат, присоединяясь к нестройному хору очередей из-под "бэтра", где укрылись за колесами не сумевшие уйти...

Теперь их, способных отбиваться, — горстка.

Дважды отмечен пулями Остроухов. Отключился младший сержант Вадим Кульчицкий: раздроблено плечо. Теряет сознание рядовой Алексей Кузнецов...

Вдалеке слышится рев танка.

— Ура, наши!

Ответное гаханье "труб", злобный пулеметный лай взхлеб.

Не пробьются...

Стало быть, одна надежда — на самих себя.

— Будем живы — не помрем...

Если б не этот проклятый, вгоняющий в дрожь колотун...

— Идут...

— Вижу, Хлеб!..

Слив плечо с прикладом, он пытается нащупать невидимой мушкой силуэт крадущегося душмана, почти неразличимого в белом маскхалате.

— Т-твую дивизию, да сколько ж вас?! Три... пять... десять!

Короткая очередь (экономить боеприпасы, до рассвета еще далеко!) на мгновение заглушает стоны бойцов.

Живая цель, судорожно дернувшись, метнулась за угол дома.

В унисон застрочил автомат рядового Василия Хлебникова.

Молодчага, Васек! Кровит задетая спина. Скрипит зубами от боли, но ствол не выпускает.

Швырнул гранаты рядовой Дмитрий Гнамм. И скорчился, ужаленный бандитскими пулями.

Вдвоем они теперь. Два "малыша", Вася и Санал. Два птенца-подранка, еще способных отбиваться отседающих врагов, защищать себя и братишек. Посади одного на другого — в аккурат два метра выйдет в вышину. Чем не батыр-богатырь?!

Неравный бой продолжался...

Их пытались расстрелять из крупнокалиберных пулеметов, гранатами забрасывали:

— Сдавайтесь, русские!

"Малыши", русский и калмык, держались насмерть.

— Хрен вам, волчары!!!

В три часа ночи, так и не сумев расправиться с горсткой храбрецов, банда покинула станицу.

А на рассвете, подняв руки, к бэтэзру приблизились старик и двое молодых мужчин:

— Не стреляйте, парни, мы — не боевики. Сами от них натерпелись. Клянемся Аллахом, спасти вас хотим!

Мирные трудяги-чеченцы укрыли воинов в своих домах, переодели, дали воды, оказали первую медицинскую помощь.

Спасибо им, простым добрым людям.

...Утром в Петропавловскую вошла бронегруппа полка.

— Не надо благодарности! Они же как сыновья мне, ваши солдаты, — сказал офицером пожилой седовласый мужчина, спрятавший восьмерых раненых бойцов в подвале. — Сын мой, Муса, служил во

Сереги, Игоря, Саши, Андриюхи... Иваны!
Неторопливо расшнуровав пудовые от налипшей грязи ботинки-берцухи, стряхивают с ног черные смердящие портянки.

— Ой, у тебя пальцы отморожены, и у тебя... Кошмар! Когда ж вы успели? Ну ничего, сейчас мазью помажем, перебинтуем — как рукой снимет. А тебе, родненький, — градусник... И пилюли. Горишь ведь! Простыл! Кашляешь! И не возражай, не возражай, слышь! А то как отправлю в тыл... — роется в камуфляжной сумке с красным крестом.

— Ага, в тыл... А воевать за меня кто будет, ты, женщина, что ль? Анекдот лучше послушай, не ругательный... Обхочешься! Ползет, значит, абрек. А на встречу наш разведчик. Столкнулись лбами! Душман...

Рассмешить санинструктора солдатик с торчащим из-под мышки градусником не успел...

В палатку по скользким земляным ступеням кубарем скатился взводный:

— Рота, к бою! Абреков засекли!

Ворча и чертыхаясь, бойцы лихорадочно пеленают водянисто-белые ноги, вприхивают их в заскорузлые дерьмодавы-грязеступы, напяливают "броню", хватают автоматы. Спавшие рыбками выныривают из ватных мешков. Последними словами костерят "духов".

Шуршит, похрустывает устилающий теплую землю камыш...

Жалобно блеет и сыплет мелкими ка тышками привязанный у входа бесхозный барашек — шашлык к Новому году...

Воинственный язг затворов...

А с "передка" доносятся хриплые команды ротного:

— Слева пять, дальше сто! Прицел семь! Профессор, готов? По отметке три! Очередью — огонь!

Так-так-так-так-так! — подскакивая на тонких ножках и пережевывая ленту с выстрелами, деловито зачистил вздернувший хоботок АГС-17, гранатомет автоматический станковый — очень убедительный противопехотный аргумент.

Д-д-д-у-м-м, д-д-д-у-м-м! — заглушил сердитого паучка старший его братец, противотанковый гранатомет.

И веселые голоса бойцов и офицеров:

— А по нему если?!

— А еще, так его раззтак!

— Левее возьми, Профессор!

— Ай, красавчик! Раздолбаем всех шакалов!

"Есть упоение в бою..."

— Сигаретой угостите, — просит Таня.

— Без фильтра...

— Сойдет, не до жиру...

— Вам бы в тыл. Здесь опасно...

— А если кого-то ранят?

Смолит по-солдатски, с жадным затыгом, слизывая с губ горькие табачные крошки. Пальцы подрагивают в унисон очередям...

Никак не могу проглотить тугой комком, застрявший в горле. Ловлю себя на желании — поклониться ей низко. С благодарностью руку поцеловать. За всех мальчишек-окопников.

Смотрит мне в глаза. Роняет под каблук сигарету.

У нее семейная трагедия, о которой не то что писать — думать страшно. Муж погиб...

И боязно ей тут, в двух шагах от передовой... И не уйдет она отсюда...

Храни тебя Бог, милая женщина!

Сестра.

Сестренка.

Сестричка.

Тебя и твоих боевых коллег. Санинструкторов рядового Таню Николаеву и младшего сержанта Любу Борисову, фельдшеров прапорщиков Галину Константинову и Сергея Александрова, хирурга старшего лейтенанта Айдара Адылова, терапевтов капитанов Сергея Викторова, Фрида Кошкарева и майора Виктора Михайлова, исполняющего обязанности начальника медслужбы войскового оперативного резерва эпидемиолога капитана Олега Славина. А также всех некомпантов дивизий, бригад и полков, действующих в Чечне. Потому как пуля-дура, осколок-подлец не разбирают: есть у тебя ствол, или нет; ни броню не щадят, ни полевую "скорую помощь"-таблетку".

А целители так нужны здесь, на "передке"!

Кстати, бывают случаи, когда без оружия даже некомпантам на этой войне ну никак не обойтись. Бандиту-наемнику ведь что красный крест, что белый флаг, что командир, что доктор — все едино: за голову "гяура" до полутора тысяч долларов президент Дудаев отстегивает.

Вот и санитарный борт, летевший за раненым офицером, коварно подбили "Стрелой" негодяи в масхалатах, хотя видели прекрасно: не боевая это машина.

...В составе десанта, посланного на двух бэтэрах к месту падения "вертушки", отправился, прихватив автомат, старший лейтенант Адылов. Невзирая на то, что место хирурга во время боя — не за броней и не на нейтральной полосе под пуля-

ми, а в ПМП, он, Айдар, решил усилить собою группу спасателей, надеялся на чудо: возможно, люди еще живы (вертолет взорвался у самой земли), и тогда... Тогда решающую роль в их судьбе будет играть каждая минута, отвоеванная доктором у курносой...

Словно злой рок преследовал полк в тот день...

Одна "семидесятка" — гроб на колесах — по закону подлости заглохла на полпути до пылающих обломков. Другая начала пятиться, попав под минометный обстрел противника. Не дожидаясь вызванных на подмогу танков, воины короткими перебежками, прикрывая друг друга огнем, устремились к телам врачей и авиаторов: время поджимало — дудаевцы могли, опередив, добить уцелевших (вдруг кто-то живет еще... вдруг?!)..

Рядом с командиром десанта, офицером оперативного отделения дивизии Виктором Гавриковым, бежал хирург. Смертельно рискуя, спешил на *свою* работу.

Они успели. Застали в живых борттехника (вскоре исстрадавшаяся душа капитана Анастасия Савчука отлетит от изуродованного, обгоревшего тела) и старшего лейтенанта медицинской службы Владимира Ермолова (его сердце, несмотря на героические усилия лучших реаниматоров госпиталя Бурденко, через три недели тоже перестанет биться). Командир экипажа майор Александр Гасан, второй пилот старший лейтенант Олег Смирнов и подполковник медицинской службы Сергей Похлебин погибли...

Воины-спасатели с доктором-старшею чудом сумели под свирепым огнем вывезти доживающих и убиенных, не долетевших на "вертушке" с крестом... Благо, танки подоспели, заткнули минометные жерла этих... Даже эпитет бранный подобрать затрудняюсь. Ибо дать возможность эвакуировать с поля боя окровавленных беспомощных мужчин — святое дело. А кто преступил...

"НАШИ ПРИШЛИ!"

В палатке дымно, накурено, хоть топор вешай. Беседуют бойцы:

— Будь все проклято — и эта война, и те, кто довел до нее Россию. К нам бы сейчас их или сынков ихних, на "передок"!

— Во-во, пусть месячишко-другой помесят грязь, вшей покормят!

— Ну, рассмешили, хлопцы... К нам, к окопникам? Нет, у них другие планы. Наварить побольше бабок на нашей крови, как на дудаевской нефти наваривали.

— А правда, что Дудаев подкупил московских журналистов? Наверное, за всю историю ни в одной стране такого не было: армия воюет, а родная пресса ее травит и восхваляет противника. Вы случайно не знаете фамилию нашего геббельса, который управляет газетной войной против служивых? Приветик охота передать... Напомнить, как на Руси поступали с иудами.

— Расслабься, дружище. Они от суда отмажутся. Правда же, товарищ подполковник?

— Наверное. Только кроме людского есть еще и Высший суд. Там со всех спросят. По самому большому счету.

— Когда это будет! Сегодня жирных котов взять за хвосты! Сегодня!

— Фиг с ними, пацаны, пусть мафиози и политики снимают свой навар, а мы будем здесь свое дело делать. Коли началась война, надо сражаться...

— А если мамы приедут, чтобы забрать вас отсюда?

— Обижаете, товарищ подполковник! Среди нас трусов нет. Мы должны отомстить за гибель наших товарищей в Петропавловской. Каких парней потеряли!

— Да, наведем здесь порядок, победим басмачей, а потом и домой можно...

— Пошла она на ... эта война! Но раз уж кинули нас сюда, пускай решительнее командуют, а то гнием в окопах без толку. Скорее на Грозный!

— Эх, ударить бы три года назад, пока они не успели организовать свою армию! Не было бы таких потерь...

Вот он, российский характер! Мальчики, воспитанные на западных видиках, рэпе и "Сникерсах", в лихую годину доказали, что вылеплены из того же генетического теста крутого замеса, что и предки их, воевавшие на этой земле для прирастания России новыми владениями. Не всякая армия сумела бы сохранить боевой дух в таких адских условиях, а наши стойко переносят чудовищные тяготы и лишения и готовы стать авангардом в направлении главного удара.

Броней на Грозный!

А говорили, потерянное, развращенное диким рынком поколение...

МАЛЕНЬКИЕ ФРОНТОВЫЕ ЭПИЗОДЫ.

Приходит боец в ПМП.

Ногам худо. Совсем невагому.

— *Снимай ботинки. Вот градусник, меряй температуру! И давай ужинать с нами, — приказывают капитан Славин и старший лейтенант Адылов.*

Охотно подчиняется.

Ест неторопливо, по-крестьянски подерживая ложку лоптем черствого хлеба. А голоден! Ну видно же...

Качает головой, вздыхает, шмыгает носом — явно стесняется грязных обветренных рук.

— Кормят в полку неплохо, — облизывает губы. — Только остывает каша в термосах, пока до "передка" дотащат. А у вас в тылу — лафа...

— Так, солдат, — перебил его доктор, — ноги у тебя хреновые, лечить надо, температура тридцать семь и пять. В общем, переночуешь в "таблетке", а там посмотрим...

Заискрившуюся в глазах радость поспешно гасит, зашторивает мальчишеской упрямой суровостью:

— Не-е, бинтуйте, и пойду я... У нас в роте каждый боец на счету...

Расслабившись, греется, покашливает, блаженно курит после горячего сытного ужина.

— Спасибо вам большое, наелся, отдохнул! Пора!

Резкими движениями шнурует берцы, вешает на плечо автомат и ковыляет в громыхающую темноту. К своим.

Мужчина!

Вспоминаю: Хантыева чуть ли не насильно отправили в госпиталь.

— Мне ж повезло, у меня самое легкое ранение, — упрямился маленький сержант, — бегать не буду, буду с "бэтра" "мочить", только не увозите!

Легкое... Проникающее осколочное!

...По данным радиоперехвата — вскоре подтвердившимся — дудаевцы собирались нанести по району обороны полка удар батареями "Град".

Приказ командира: всем, кроме боевых подразделений, ускоренным маршем — в глубокий тыл.

Легкий ажиотаж...

Уехали.

"Град" — штука серьезная.

И вдруг обнаруживается: женщин-сестричек отправить забыли...

— Это еще что за сюрприз? Нашли время в жмурки играть! Скоренько в "бэтр", и чтоб через минуту... Как долбанут — одни сапоги останутся.

— А мы думали, к медслужбе приказ не относится: здесь у нас не тыловое, а самое что ни на есть боевое подразделение.

Так и не уехали...

СЛОВА В ДИКТОФОН.

Подполковник Сергей Быков, офицер оперативного отделения соединения Российской армии:

— Восхищен внутренними войсками! Никогда не думал, что ваши офицеры и солдаты так подготовлены к боевым действиям.

Оперативный полк ВВ, к которому я был прикомандирован для обеспечения взаимодействия и корректировки огня артиллерии, держал переправу через Терек в районе станиц Червленая—Николаевская.

Совершив марш, мы заняли оборону на указанном рубеже и стали окапываться. Ночью с криками "Аллах акбар!" пошли боевики из Николаевской. Человек двести, не меньше. Вы бы видели, как искусно организовали систему огня и управляли боем ротные и взводные, как стойко, мужественно держались солдаты... Особенно запомнился спецназовец по прозвищу Ваучер. Одно слово — хозяин в своем окопе. Все удобно оборудовал, приспособил, пристрелялся, замаскировался. При отражении атаки его пулемет не умолкал ни на минуту.

Отбились без потерь...

О командире части, начальнике штаба — целую статью можно написать. Настоящие профессионалы! Сманеврировали колонной, направили боевые подразделения в обход лесопосадки, по полю, и обвели вокруг пальца дудаевских наблюдателей, выдали полк за батальон — абреки дуриком и поперли, не подозревая, какие силы против них выставлены.

А боевой дух, а чувство чести, профессиональной гордости у офицеров! Вот вам и взвешники!

После этого боя решил подать рапорт о переводе в войска МВД. Понравилось у вас, чертей краповых!

Красноречивая деталь. Этот полк оперативного назначения, прибывший в район боевых действий с Дальнего Востока, сформирован совсем недавно, Чечня — его первая горячая точка...

На начальном этапе операции по восстановлению законности и конституционного порядка так же решительно и активно действовали военнослужащие других частей при выполнении боевых задач в Долинской, Ассиновской, Малом Бамуте и других населенных пунктах. А из станицы Ищерской сводная группа спецназа и ОМОНа вытеснила местных "ополченцев"

без единого выстрела, захватив при этом два танка противника. Концентрация значительных сил, быстрота и внезапность их применения, мощное броневое прикрытие позволили избежать кровопролитной сшибки: боевиков как ветром сдуло.

Надо было видеть радость высыпающих к бэтээрам русских людей:

— *Наши* пришли! Освободители!

Их было совсем немного, коренных жителей станицы. Большинство казаков, прокляв хищный дудаевский режим, давно покинули родные дома. Остались престарелые и малоимущие, не сумевшие добыть средств для выезда за пределы республики и обустройства на новом месте.

Чтобы записать их жалобы, пропитанные кровавыми слезами, и сотни магнитофонных кассет не хватило бы, тут нужны тома и тома уголовных дел.

— У меня, сынки, горе! — плакал седой как лунь дедушка. — Приехали средь бела дня чечены с автоматами, выломали дверь, увезли телевизор и холодильник. Ну где мне теперь продукты хранить? "Молчи! — пригрозили. — Все равно скоро содохнешь!". И защиты просить не у кого. Кругом беспредел...

— Школа два года не работала. Там размещалась ихняя "гвардия" — бывшие зеки из алпатовской колонии.

— Дочку нашу изнасиловали нехристи...

— А у нас... А нас... А у соседней...

— Только не уезжайте, родимые! — вцепилась в рукав омовца статная молодая. — Троиш на постой пуцу!

— Не уедем, не уедем, красивая! Будет теперь в станице наш гарнизон.

Беспредел творился не только в Ищерской. Концлагерем, адом крошечным стала для русских вся республика, объявленная независимой, свободной от правовых и моральных законов "райской зоной".

"Не покупайте дом у тети Маши, все равно этот дом будет нашим!" — глумились над беззащитными людьми, лишая их крыши над головой.

"Русские, не уезжайте! Нам нужны рабы и проститутки", — развешивали на стенах плакаты, уготовив "иноверцам" участь рабочей скотины.

Отчаявшись найти справедливость у местных вождей, казаки направляли письма, обращения, заявления в российские органы власти. Просили защитить, помочь эвакуироваться. Тщетно. Долгое время Центр отмалчивался: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

А как спастись безоружному национальному "меньшинству"?

Дружно игнорировала проблемы русских в Чечне и наша свободная правдолюбивая пресса, покрывшая себя неувядаемой славой в деле восхваления благородных "рыцарей-ополченцев" и обличения "зверств" российских "оккупантов".

"Мы, жители станицы Ассиновской, вынуждены обратиться к Вам с просьбой оказать нам действенную помощь по защите наших гражданских прав.

В связи с ослаблением позиций России на Кавказе... идет беспредел в отношении русских в буквальном смысле, уничтожение, повторение геноцида 1921 года.

...Мы являемся изгоями из своих домов, хотя здесь проживаем мы и наши предки более 200 лет.

В течение двух последних лет с приходом чеченской полиции на территории ст. Ассиновской царит полнейший разбой, грабеж, нет общественного порядка...

...Раньше в станице проживало 7.200 русских, в настоящее время русского населения осталось 2.400 человек".

(Далее перечисляется 90 фактов грабежей, разбойных нападений, зверских избиений, групповых изнасилований несовершеннолетних девочек, выселений из домов под угрозой оружия, угона личных автомобилей и сельхозтехники, глумления над человеческим достоинством, духовными ценностями православных).

Из обращения жителей станицы Ассиновской к Президенту России. Май 1994 года.

— Кто-то должен нести ответственность за то, что здесь творилось? Или нет? — спросил офицер оперативного управления ГУКВВ подполковник Александр Клинов, принимавший участие в подготовке и проведении блестящей операции по освобождению Ищерской. И, с сомнением покачивая головой, перевел разговор на другую — самую актуальную в тот день военную тему: — Ищерская не Грозный. Из города боевиков так просто не выкуришь. Чувствую, много крови прольем. Не спешить бы, тщательнее подготовиться...

Правда твоя, Александр Николаевич! Воздавая дань тактическому мастерству отцов-командиров, восхищаясь мужеством офицеров и солдат внутренних войск, оплеванных ядовитыми "комсомольцами", честно и мужественно повторим вслед за теми, кто по ноздри хлебнул лиха на этой войне:

— Не доучились!

И кто знает, чего в том больше — вины или беды нашей?

Когда армия и войска правопорядка финансируются по остаточному принципу, разве организуешь полнокровный учебный процесс в условиях, максимально приближенных к боевым? А восполнять пробелы в овладении ратной наукой за партами, решая теоретические вводные, — себе дороже получается. Кровью оплачиваем долги Минфина, жлобство озабоченных экономией бюджета парламентариев.

На счастье — не оскудел русский характер... В этом и спасение наше.

БТР. БОЙ: СЛОВА (КОМАНДЫ. КРИКИ) В ДИКТОФОН.

— Триста четыре, почему у тебя, как истуканы, стоят открытые, почему не в укрытии люди? Всех в укрытие!

Ответ по рации.

— Плохо, что не успел! Попробуй сейчас вдоль элеватора, вдоль элеватора осторожно на эту площадку...

Шестой, прием! Какого хрена БТР кормой поставил? Поставь ... твою мать, поставь нормально лобовой броней!

И ты, "Буря"! Разверни "бэтр" скорей... В эфире! Не мешайте, пожалуйста!.. Броней вперед, лобовой!

Наводчик, перед нами А-образный столб и две цистерны! Слева танк и душманы в маскхалатах!.. Не видишь? Хреново, дружище! А-образный! Ну столб прямой с подпоркой! Ориентир! Не врубаешься? Мой хороший, дорогой, как же с тобой можно воевать, золотце? Они сейчас долбанут по нам из гранатометов, и... Ну смотри еще раз внимательнее! Видишь?

— Теперь вижу!

— Молодец! Из КПВТ — огонь по скалам!

— Расстояние, расстояние?..

— А что тебе прицел показывает?

— Не увеличивает...

— Не понял... Что не увеличивает?

— Не увеличивает прицел...

— Ой, горе ты мое! Спал на занятиях?! Ну, двоечник, погоди! Расстояние — двести! Целься хорошенько, золотой! Огонь!

Пулеметный грохот...

— Готов!

— Ни хрена не готов! Он уши прижал, а ты даже по ушам не попал, а! Ну ничего, награда найдет героя! Повтори!..

Триста седьмая "коробочка", вокруг белого здания — вперед! Закрой люк, чтобы не мешал, поверни пулемет! И становишься справа — броней на Грозный!

Да, боевого задора — с лихвой. А вот умения воевать не хватает. Пока. Сколько еще в войсках таких наводчиков, у которых прицелы "не увеличивают", механиков-водителей, впадающих в панику при пустяковой поломке боевой машины, офицеров, забывших, в какую сторону заворачивается на карте "улитка".

Не случайно в дни затишья в частях идет напряженная боевая учеба. Вот и Стариков, по приказу с КП передислоцировав полк на более выгодный в тактическом отношении рубеж и воспользовавшись передышкой, организовал занятия с боевой стрельбой и гранатометанием.

Ну а в то промозглое туманное утро, несмотря на некоторые неувязки и нестыковки, элеватор у противника все же отбили.

Подползли танки, пушечки-двухстволки подтянулись, и бой завязался по всем правилам...

Через десять дней здесь будет находиться база сводной группы внутренних войск, СОБРа и ОМОНа. Отсюда колонна бэтэзров с десантом из элитных подразделений МВД пойдет на Грозный...

ГЕНЕРАЛ ВОРОБЬЕВ НАРУШАЕТ ПРИКАЗ...

Утро 31 октября.

До одури смолим, томимся, ждем сигнала "Вперед!".

Греемся у костров.

Вдоль дороги, которую утром долго сотрясала броня генерала Рохлина, выстроились "коробочки" оперативной бригады — "такси" для омовоцев и собровцев. Задача войск — следуя по пятам армейских частей, доставить в город команды штурмовиков и "чистильщиков", обеспечить поддержку огнем во время их боевой работы. Плюс разведка, сопровождение колонн с боеприпасами и тыловыми грузами, вывоз раненых. Плюс... Да мало ли какие вводные еще поступят. В кустах сидеть не придется, пока крутые "профи" будут гасить очаги сопротивления противника.

Руководит операцией генерал-майор милиции Виктор Воробьев. Начальник штаба передового КП — войсковой офицер полковник Владимир Мамонтов. Его зам — полковник Дмитрий Челноков, Дим Димыч. Нормальный расклад. Все трое — самые что ни на есть боевые офицеры, опытные, рискованные, искусные в своем деле. Прошедшие огонь и воду (еще бы медные трубы!) в стреляющих регионах и криминогенных котлах. Знающие цену жизни рядового бойца.

91

Увешанные стволами, "трубами" и пулеметными лентами спецназовцы и омоновцы, горбатые, неуклюжие в тяжелой "броню", обступив машины, плотно знакомятся с "таксистами" — водителями, наводчиками, командирами экипажей: вместе в бой идти.

— В армии я такой же "коробочкой" рулил...

— Клево, рвант водилу — будешь за него...

— Мужики, предупреждаю — на башню задницами не давить, пулемет не поверну...

— Да уж, кому-то повезет на "крыше" кататься, за броней всем места не хватит.

— Не бойсь: влепят кумулятивной, останешься жив, отпевать будем тех, кто внутри. А начнут куковать "кукушки", хреново придется "ковбоям" наверху. Так что выбирать... От судьбы все равно не спрячешься.

Философическую фразу деловым тоном изрекает мой новый знакомец сержант-контрактник Евгений Александров, инструктор разведроты, он же наводчик по совместительству.

Женя воин бывалый. Срочную служил в ВДВ. Прошел Нахичевань. "Там была тоже конкретная работа", — кивнет равнодушно. Потом зона осетино-ингушского конфликта. Ранение, контузия. "Подробности? К чему?!" После дембеля, затосковав по достойному мужскому делу, стал обивать пороги штаба бригады оперативного назначения ВВ. Полгода терпеливо ждал приказа: "То штаты контрактников еще не утверждены, то на Кавказ сорвались, погуляй до возвращения из горячей точки... Зато теперь доволен! Наша БРОН ничем не хуже десантуры".

Доволен и я. Перед выездом колонны из Моздока выбрал — совершенно случайно, навскидку — именно этот БТР, с таким-то боевым стрелком. А потом выяснится: это еще и персональное "таксо" начальника разведки части. Совсем красота: от чего-то от чего, а от информационного голода теперь не усохну.

Проинструктировав омоновцев в новеньком обмундировании (как на парад приодели), Женя толкнул дремавшего водителя:

— Чуть не забыл, Кузя! Давай обменяемся адресами. На всякий случай. Блокнот есть? Прекрасно! Да, еще: будешь вкалывать промедол, если, не дай Бог, подранят, выдавливай все без остатка и не разжимай шприц, пока не выдернешь иглу. Усек? И вам, товарищ подполковник, — к сведению...

— Без тебя знаю, — сонно проворчал Кузя, роясь в нагрудном кармане. — Ученный...

Кузя, ефрейтор Игорь Кузнецов, выглядит значительно старше своих девятнадцати. С виду — матерый мужик с неизбывной суровинкой в воспаленных от недосыпу глазах. Молчаливый, обстоятельный, уверенный в себе. Он, как и Женя, старший его товарищ, еще покажет себя в деле.

А дело — вот оно, грядет с командирской вводной.

— Кончай перекур, заводи! — проскальзывают в люки подполковники Александр Клинов и Александр Майоров, врио комбрига и одновременно главный "куратор" разведчиков. Оба хмурые, озабоченные.

— Мост через Нефтянку взорван, проинформировал "старший брат". Будем искать объездной путь. Вперед!

Стремительный рывок, и вот уже БТР — один на один с пустынной, затканной туманом дорогой.

Шелест карт в руках офицеров...

— Кузя, направо — на этот проселок. Обороты! Женя, готовность!

А он и так — в готовности. Будто слился с наглазником прицела. Палец ласково поглаживает кнопку электроспуска. Ворончатый хобот КПВТ — маятником по сторонам...

Распаханная гусеницами колея выводит на самую окраину Грозного, к подвижному КП армейского корпуса Рохлина.

Короткое совещание с подбежавшим полковником.

Отвернув наушник шлемофона, Майоров морщит лоб, переспрашивает: туго со слухом после контузии в одной из горячих точек, по которым мотается аж с 89-го. А тут еще бабахает где-то неподалеку.

Порядок! Согласовали все вопросы со "старшим братом", уточнили маршрут. Промчались по нему. "Сфотографировали" окрестности, поминутно высовываясь из люков...

— Не берегут себя офицеры, — с досадой откинулся Женя на спинку сиденья, когда "бэтр" затормозил у базы. Кивнув, Игорь с шумом выдохнул горький папиросный дым.

Пронесло...

Я еще вспомню эти слова сержанта.

Не берегут себя на войне. Ни офицеры, ни бойцы, ни генералы.

— А "кто сберег свои нервы, тот не спас свою честь"...

Время — к сумеркам.

Чертов мост!

Наконец длинная колонна с десантом на броне и в тесных чревах бэтээров — пошла. "Коробочка" Майорова с машинами спецотряда быстрого реагирования — в составе боевого разведдозора.

— Напоминаю, огонь только по окнам с выбитыми стеклами! Чтоб мирный народ от нас не пострадал! — перекрикивает натужный рев двигателя командир омоновцев подполковник милиции Анатолий Михайлов.

Туман впереди пропитан чем-то зловецесизым.

— Граница города! — задраив командирский люк, обернулся Майоров.

Слева в окне здания — вспышка. Еще! Колонна отзывается бешеными очередями.

Едка пороховая гарь. Оглушительный грохот Женькиных пулеметов. Искристые всполохи за триплексами. Горят и жалят из снайперских стволов дома.

А туман фиолетово уже плотнеет: на Кавказе рано ложатся сумерки.

Короткими "перебежками"-рывками вперед и вперед. С огнем и сквозь огонь.

"Ковбои" спешиваются. Пригибаясь, урываются за ползущими "коробочками". По глазницам окон — прицельно...

Майоров — само хладнокровие. Пальцы на ларингофонах. Запрашивает базу:

— "Сфера"! Я — "Утес"! Вышли на заданный рубеж. Быстро темнеет! Уточните дальнейшую задачу! Не слышу! Повторите!

А за броней, похоже, неладное творится.

Стучат прикладами:

— Люки! Скорее! У нас раненые!

Одного, бесформенно-неподвижного, заслоняя спинами, передают на руки высунувшимся автоматчикам. Другой, удивленно вскрикивая и матерясь, падает сверху на колени Михайлову.

Тот бережно обнимает бойца:

— Куда попало, сынок?! Ну, потерпи... Сейчас... промедол... Командир, худо ему!

Майоров высовывается из люка, подает команды омоновцам. И снова ларингофоны к горлу:

— "Сфера"! "Бэтры" пошли водить хороводы! В темноте всех, к дьяволу, погут... Погубим же людей!.. Нет, управление не потерял... Есть раненые... На базу? Понял!

Пока развернулись, собрали под огнем рассыпавшуюся колонну, прошла целая вечность.

И — черепашим ходом в темноте крошечной...

— Саша, быстрее, прошу! Один у меня — очень тяжелый!

Раскалялись башенные стволы. От огня и лютых матюгов наводчика.

Командуя по рации, Майоров спокойно, несуетливо бил автоматными очередями из лобовой бойницы. Ему помогал водитель. Зажав руль коленями, поливал свинцовым веером из люка. Ай да Кузя, показал высший пилотаж! Кто там утверждает что настоящим профессионалом может быть только контрактник?

Так, километр за километром, прорвались к элеватору. Без потерь, если раненых не брать в расчет.

А в это время где-то далеко-далеко от войны, в уютных теплых квартирах, люди провожали старый год. Стреляли пробки, пенилось в бокалах шампанское. На экранах телевизоров шумел карнавал... И все желали друг другу мира и счастья.

Здесь, в трех верстах от ада, никто не завидовал чужому. Радовались своему: Новый год встречаем целыми-здоровыми. И переживали за братьев-армейцев. Плохая им досталась доля. Видать, кому-то наверху очень хотелось приподнести новгодний подарок тем, кто еще выше: дворец Дудаева взят, боевики сдаются пачка-

22

ми и трофеев не счесть... Спешили. Шашки подвысь! Рысью марш, марш!

А может, была в том стратегическая целесообразность? Суровая политическая необходимость? Может быть.

Вождем и штабам виднее.

Разжигая новогодние костры, чтоб согреться и подкипятить консервированную кашу с тушенкой, офицеры и бойцы МВД еще не знали о масштабах боевых действий на улицах Грозного, о трагедии и подвиге честно исполнявших свой долг десантников, мотострелков, танкистов. Как десятками гибли, сгорая в подбитых боевых машинах, необстрелянные, плохо обученные солдаты. Как отступали, штурмовали, упорно держались гордые ВДВ и затюканная пехота. Как роковые ошибки допускали порой артиллеристы...

Выпили. Не за старый и не за Новый год.

За здоровье генерала Воробьева. По глотку шампанского, передавая солдатскую кружку из рук в руки.

Это он распорядился отвести бронегруппу на базу. Нарушил приказ: любой ценой закрепиться в городе. Доказал старшему начальнику: оставлять на ночь глядя людей в лабиринте незнакомых улиц, под огнем противника, знающего все ходы и выходы, как пять своих пальцев, — равносильно самоубийству. Вернее, убийству. Некому будет к утру выполнять задачу. Некому!

— Ведь командиров даже схемами Грозного снабдить не успели. Хотя бы туристскими — на первое время. Заблудились, к примеру, "бэтры", пошли гулять по переулкам да туликам, и привет... "Эй, мальчик, как тут к боевикам проехать?" — "А вот так, дяденьки!" И вслед из "трубы" — бац! Это у них здорово получается — горькая новогодняя шутка. Но по жизни.

— Будет вам и белка, будет и свисток, мужики, не расстраивайтесь. Когда боевиков разоружим. Знаете, сколько листовок для них отпечатали? Прочтут, проникнутся — и штыки в землю. А схемы задним числом стратеги наштампуют — для победных отчетов.

— Заладили: схемы, карты. Главное — люди. Вон Александр Нилович Майоров подсутился и раздобыл ксерокопию, Дим Димыч посдействовал, от сердца предпоследнюю оторвал. Одной на всех хватило! Организовано ввел и вывел колонну. Воробьев Виктор Васильевич, боевой генерал, не боялся пойти супротив ветра, спас людей. Наш человек! Здоровья ему и долголетия!

И эти слова вскоре вспомнятся мне...

А сейчас все мысли поглощены судьбами офицеров, с которыми успел познакомиться

накоротке в часы томительного утреннего ожидания.

Многие без квартир, так сказать, бомжи в камуфляже. По шесть-восемь месяцев в году проводят в горячих командировках. Их семьи едва сводят концы с концами, потому что жены не могут найти работу, а у военных известно какая зарплата (и нет никакой надежды на прибавку: война — дорогое "удовольствие"). Они боятся погнубнуть, ибо тогда родные останутся без крыши над головой. И рискуют смертельно, потому как воинский долг к тому обязывает. Их зазывают нувориши в ряды своих "ландскнехтов", суля золотые горы, они сохраняют верность войскам: честь дороже. Политиканы и вальяжные чиновники держат их за окопное быдло, отказывая в самом необходимом. А они — цвет нации, надежда и опора России. Той, которая есть, и которая будет. Простите за пафос, мужики, — знаю, не любите его...

На часах — 22.00...

— Сидим до курантов? — спрятал зевок капитан Александр Колчин. — У меня еще бутылка шампанского есть. Энзэ. По чуть-чуть, или?..

— Вы как хотите, а я — или! — устало улыбнувшись, поднялся с ящика Нилыч. — Завтра трудный день.

Слово командира — закон.

Сняв мокрые берцы, я растянулся во весь рост в теплом, уютном и таком родном "бэтре" рядом с Майоровым, Женей и Кузей. И ненадолго почувствовал себя счастливым. Ну, почти... Впервые за много дней.

Клинова не было с нами. Он работал в "кэшээмке" начальника штаба вместе с другими офицерами управления. До рассвета...

Нужно было перелопатить гору информации, чтоб теперь уж не пятиться, действовать наверняка.

А день, как и предполагал подполковник Майоров, и впрямь был очень трудный. В Грозный силы правопорядка вошли, спины больше не показывали. Закрепились на консервном заводе. И сразу же приступили к боевой работе.

Лиха беда — начало...

Про то — отдельный рассказ.

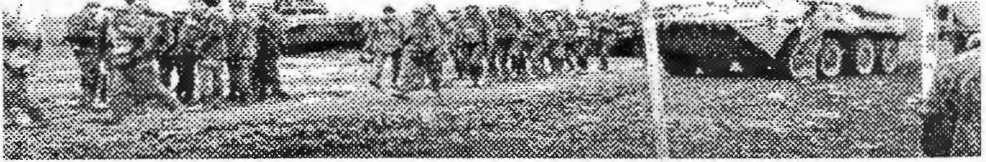
Подполковник Ю.КИСЛЫЙ.

Фото автора и В.УТЕНКОВА.

Моздок — Петропавловская — Грозный.

Декабрь 1994 — январь 1995.

Самый Грозный Город

Наша бригада оперативного назначения входила в него 13-го, в старый Новый год. Несуеверный, все же подумал о чертовой дюжине. В сознании прочно сидел зазубренный, острый, доставший до сердца осколок недавних событий, от которых содрогнулась Россия 31-го, в последний день прошлого года.

У переправы через Нефтянку — постоянные заторы. Вместо взорванного моста положили металлический пролет. По нему и пешком-то идти страшновато — перил нет, а под ногами, несмотря на многочисленные пупырья заклепок, скользко.

Пока перебиралась — "коробочка" за "коробочкой" — наша колонна, военный люд потихоньку стал атаковать фотокора. Излюбленные места для всей снимающей братии — стела с надписью "Грозный" по одну сторону моста и табличка с тем же суровым словом — на другом берегу. Каждый хочет здесь отметить, сделать снимок в дембельский альбом. Фотокору же надо беречь пленку для будущих съемок там, в городе. Исключение делает лишь для своего Комбрига и двух саперов из другой бригады — 131-й Майкопской мотострелковой.

Раз уж щелкнул затвор фотокамеры, надо записать и фамилии бойцов — это старшины срочной службы Алексей Крахмалев и Жираслан Мамышев. Они фотку заслужили, они наводили эту переправу.

Номер их бригады — 131. Сегодня 13-е. А 31-го именно эта бригада входила в ночной Грозный город. В цифрах этих против своего желания вижу какую-то кабалистику. Тогда вся чеченская война — деяние дьявола? "Мы-то видели, сколько наших ребят полегло там — всех по этой же дороге обратно везли" — слова эти записал я в самом начале своего блокнота и вспомнил их, содрогнувшись, через несколько дней, когда на Старопромысловском шоссе увидели страшную картину — апофеоз войны, итоги новогоднего штурма, трупы российских военных: одни —

скальпированные, другие — сгоревшие и изъеденные собаками до неузнаваемости. Они лежали с Нового года до православного Крещения небурными. Выходит, не всех вывезли обратно по Петропавловскому шоссе...

Но вернемся к переправе, к въезду в Грозный, чтобы не забегать в репортаже вперед. Так и в цепи наступающих лучше не лезть вперед, чтобы не получить слева или справа от своих же. "Не высывайтесь!" — советовали нам все без исключения еще в Москве. Не всегда получалось. И за рамки сюжета, чую, выскакать придется, поскольку грозненские впечатления настолько круто сплывались в горький, страшный, раздирающий душу комок, что почти невозможно разделить наблюдения, разговоры, переживания на главные и неглавные.

Слева по маршруту движения бригады была опасная "зеленка", как на афганский манер военные именуют и лесопосадки, и скверы, и парки, и садовые участки. Зеленого здесь сейчас ничего нет, кроме нас самих. Лес — серый, трава тоже похулая. А вот мы — зеленые и по цвету формы, техники, и, чего уж там скрывать, по опыту ведения именно такой войны. Даже офицеры, прошедшие не одну горячую точку, вот так в большой город не входили.

"Зеленку" обрабатываем из всех видов имеющегося оружия: крупнокалиберные пулеметы, зенитные установки, гранатометы, автоматы молотят так, что на прочесывание лесочка первый батальон идет уверенно и смело — разве может остаться кто-то сопротивляющийся после такой огневой подготовки? Трусцой преодолев ложбину в несколько сот метров, цепь солдат поднимается на невысокий вал, по которому тянется дорога-грунтовка, сбегает в прозрачный без листьев лесок и...

"Назад!" Кажется, несколько голосов враз прокричали это алогичное в наступ-

лени слово. В двух шагах от себя мы увидели мины. Это были припасы к 82-миллиметровой "трубе". Беглого взгляда достаточно, чтобы определить — это позиция дудаевцев, которые обстреливали переправу и одну из главных дорог на Грозный. Надо отдать должное — место выбрано толково: естественное мощное укрытие за земляным валом, небольшое расстояние до хорошо пристрелянной цели, скрытые пути отхода через "зеленку". Они и ушли, оставив пустые ящики из-под мин, какое-то свое барахло в шалаше, одноразовые шприцы (взбадривались наркотой на "работе") и... сюрпризы для нас. Брошенные позиции оказались заминированными.

Костя, наш сосед по бэтэзру, распорядился быстро — дал указания своим саперам подорвать мины накладным зарядом. Батальон отступил, залег за насылью. Не успели выкурить по сигарете, как грохнул взрыв.

Преследовать бандитов не стали — они могли увести нас в сторону, отвлечь от выполнения поставленной задачи. "Зеленку" обработали вызванные авианаводчики "вертушки". Мы пошли вперед — на Грозный...

Нетропавловское шоссе казалось безлюдным. Осмотр домов в частном секторе не дал каких-то заметных результатов — нашли обрез ружья, охотничий патронташ. А на территории промышленного предприятия были оборудованы капитальные позиции боевиков: у проломов в кирпичной стене открыты окопы, десятки бутылок с горючей смесью, рассыпанный

артиллерийский порох, противогазы, стреляные гильзы. Когда и куда ушли? Когда и где огрызнутся?

А огрызнулись они скоро. Батальон через сотню-другую метров попал под обстрел снайперов. Там, где Петропавловское шоссе имеет "карман" с бензоколонкой, нам пришлось задержаться. Привалившись к стволу дерева (потолще выбирать не пришлось, укрылся за тем, что оказалось ближе), включил диктофон:

"Пантера", "Пантера", я — "Медведь"! Прием". — "Значит, предпоследний БТР обстреливает снайпер, методически обстреливает. Вот они, абреки, открыли огонь! Я пока дальше туда пройти не могу. Как понял меня? Прием". — "Туда надо подъехать и разобраться в конце концов с этими б... (несколько голосов сразу, неразборчиво)". — "Давай направо! Хорош, хорош! Направо (неразборчивые переговоры)". — "241-й — 228-му, прием". — "Хорошо, внимательно, сейчас будут обрабатывать белый дом, из БТРов, понял?" — "Что, выходим?" — "Белый дом будут обрабатывать БТРами, понял? Поехали назад! Закрывай люки!" — "Этаж? Мы его весь обрабатываем, понял, да?" — "Левее возьми! Осветителем вперед! "Луну" вперед! Вперед "Луну"! (Лязг, очередь из пулемета)". — "Давай по этим окошкам за... из ПКТ! Еще давай!" — "В чем дело, Старый?" — "Патрон перекосило!" — "Да у тебя мешок уже полный гильз! Высыпай!"

Стенограмму пора прервать, дабы не утомлять глаз читателя обилием кавычек и восклицаний. Шум боя надо слышать. Но

для неподготовленной аудитории он будет шокирующе груб и примитивен — словарь небогат, зато матерщины столько, что у благовоспитанного человека подскочит кровяное давление. Но куда денешься — идет боевая работа, страшная, неэстетичная, грязная...

На ночевку встали на бывшей базе ХОЗУ МВД Чечни. Теперь понятно, откуда на позициях боевиков неподалеку целые пачки милицейских погон. Была на базе, наверняка, и форма — милицейская, общевойсковая, камуфляжная, — Россия снабжала ведь свою неотъемлемую часть. Уж не боевиков ли в этой форме принимают теперь зачастую за российские войска и ОМОНЫ?

Комбриг проводит традиционное совещание стоя, собрав офицеров в кружок в забитом машинами дворике. Тьма, хоть глаз выколи, только мигает крошечный огонек диктофона. "...Очистили на 150 метров в глубину кварталы вдоль маршрута движения, накрыли три огневые точки снайперов-боевиков, осуществили разведку маршрута на завтрашний день. Будем работать в сторону аэродрома, должны очистить два квартала, которые примыкают к кладбищу, до выхода из города. Сейчас первоочередная задача — обеспечить посадку самолетов на Северный аэродром. Там уже и взлетка подготовлена. Командиры! Построить личный состав, осмотреть оружие, чтобы ни у кого не оказалось патрона в патроннике. Дальше — продумать отдых..."

Нам, журналистскому подразделению количеством в 2 (два) человека, остается

забить два сидячих места в КамАЗе, да по-братски разделить банку говядины, тушенной в собственном соку, разогреть ее нет ни желания, ни сил, ни условий — у походной кухни и без нас полно народу. Пригревшись в кабине, обсуждаем события минувшего дня, прогнозируем завтрашний. Это хорошо, что "сели на хвост" Комбату-1: симпатичному капитану вручил нас на сохранение перед операцией Комбриг, и решаем быть здесь до конца (до конца нашей командировки, во всяком случае). Комбат-1, во-первых, на острие событий, а во-вторых, при нем и связь, и самый меткий в бригаде снайпер. Словом, обеспечили мы себе классное место в боевых порядках: и увидеть можно самое интересное, и с боевыми парнями в самой крутой ситуации не пропадешь.

Предвкушая эти самые крутые ситуации, мой друг с "ником" невзначай бросил: "Как думаешь, завтра на кладбище будем?". "Ничего себе вопросик!" — подумал бы непосвященный. А вопрос-то был без всякого тайного подтекста — на кладбище сидели боевики дудаевские и вели оттуда огонь.

Свойны на кладбище попасть можно запросто. Утром, в самом начале прочесывания, ждали, пока подтянутся на исходный рубеж соседи слева и справа. Ногам тяжело держать лишний пуд — броник и сферу. — присел с бойцами, привалившись к стене. Вдруг за углом, в каких-то трех метрах, одиночный выстрел и звяк каски, упавшей на асфальт. Все встрепенулись — кого-то "щелкнул" снайпер? Оказалось — случайный выстрел, слетела

каска с напуганного бойца. Долго матерились. Потом со смехом подначивали оплошавшего. С первого дня заметил — на территорию временной дислокации части все заходят после операции, только разрядив и проверив оружие. БТРы стоят, подняв стволы пулеметов: неровен час кто-то из ночующих в машине заденет кнопку электроспуска.

Нужно ли надевать бронезилет и стальной шлем? После первого боевого дня решил — нужно. Дабы не прослыть легкомысленным, невоенным. Так экипирован и заместитель командующего Московским округом внутренних войск, и начштаба бригады, и главный мой авторитет — Комбат-1. Почему должны отличаться от них мы с фотокором? Еще одно интересное наблюдение на этот счет. Во время операции слышу гневно-недоуменный вопрос командира ОМОНа: "А это что за Рэмбо у нас?" Подходит их боец, на голове которого лишь вязаная шапочка. "Где сфера?" — в голосе командира металл. — "Сломалась". — "Марш в БТР! Потом разберемся!". Вот так у них поставлено дело. Таскают по пуду мужики (не считая оружия и спецсредств) и приговаривают: "Лучше бегать в броне, чем лежать в цинке".

Московский ОМОН прибыл вчера вечером, разместился вместе с бригадой. Мужики крепкие, матерые, после первой холодной и тесной ночевки рассуждают категорично: "Спать нам необязательно — кормежка и чистка города! Быстрее разгоним абреков — быстрее домой уедем". В принципе они правы, хотя спать перед операциями следует нормально. Многие из знаменитого отряда служили в десанте,

разведке, участвовали в серьезных милицейских операциях. А заместитель командира батальона и вовсе оказался нашим — служил в одной из частей ОДОНа. Владимира я узнал только здесь, в Грозном, хотя слышал о нем давно, даже собирался писать о нем очерк. Он прошел не одну горячую точку, награжден орденом "За личное мужество", медалью "За отвагу". Но так уж вышло — в войсках не встретились. Теперь он служит в ОМОНе, который на время "чистки" Грозного придан внутренним войскам.

Впрочем, "придан" вовсе не означает какой-то подчиненности, хотя старшим оперативным начальником является наш Комбриг. Опыт действий такой боевой спарки следовало бы обобщить под заголовком "ОМОН на броне БРОН". Дайте срок — напишем. А пока наблюдаем, как внимательно приглядываются наши солдатики к боевой работе старших товарищей, а те, в свою очередь, заботливо опекают зеленых на стреляющих грозненских улицах. Перекрестки перебегают, обязательно прикрывая друг друга, войдя в новый квартал, занимают господствующие "высотки" для зоркого снайперского наблюдения. Прекрасно владеют всеми видами оружия — автоматом, "подствольником", РПГ. Досматривая машины и обыскивая задержанных, по характерным признакам вычисляют бандитов. Мужчина средних лет уж очень как-то невозмутимо прогуливался по улице, где, кроме нашего батальона, никого и не было видно. Джинсовая курточка и спортивные брюки — одежда явно не для января. Документов никаких. В карманах только белый лоску-

ток и... шагомер. На "туриста" из Риги (?!) надели наручники и отправили на фильтрационный пункт. Кто он — снайпер, артоводчик? Очень похоже.

В том, что те и другие действуют в Грозном повсюду, мы убедились на собственной, что называется, шкуре. Пока батальон поджидал соседей на уравнительном рубеже, нас капитально засекли — мины стали падать все ближе и ближе, одна, вторая, третья. После очередного взрыва Комбат протянул руку за угол дома, где мы стояли, и поднял горячий еще осколок. Подбрасывает злодея на ладони, смеется: "Горяченький!" — "Оставь на память, — говорю капитану, а у самого мысль: "А ведь следующий такой "сувенир" запросто может достать". Комбат и без меня это понял — дает команду рассредоточиться и перебежками выдвигаться вперед. Скачками, скачками — вперед, через перекресток! Мы-то убежали. Не успел укрыться сержант Саша Павлов. Парадокс войны — командира минометного расчета накрыли "коллеги" с той, бандитской, стороны. Мина упала метрах в шести от КамАЗа с расчетом, в кабине вылетели стекла, Павлов получил ранения в ноги.

Дудаевские минометы, установленные на машинах, причиняли много беспокойства в Грозном. В первые дни нашей работы 82-миллиметровые "кегли" летели на нас с территории соседнего завода "Красный молот". Этот "молот" ковал для дудаевской армии автоматы "борзс" (мы их видели на складе изъятых оружия), здесь же ремонтировалась побитая в боях бронетехника боевиков. Но "Красный молот" — зона ответственности армейцев, которые уже начинали методически обрабатывать его артиллерией. Там жет, слева от нас, еще один печально знаменитый объект противника — Дом печати, где находился опорный пункт со всем необходимым для долгой упорной обороны. С Дома печати прекрасно простреливались подходы к еще одному "осиному гнезду" — двору Главчеченснаба. Этот объект предстояло брать Комбату-1 с товарищами...

Бандитов в этом районе было много — их видели в гостинице "Актер" и в больнице, и на предприятии "Западные электросети", и в детском саду, и в школе. Здесь, на Старопромысловском шоссе, остались разбитые и сожженные боевые машины Российской Армии, внутри и вокруг которых — трупы, трупы, трупы... Сердобольные русские хотели похоронить бойцов и командиров — моджахеды не позволили. Бандиты ночевали в оставленных жителями квартирах, забирали последнее, за-

ставляли женщин готовить еду, обстирывать. Разбой и насилие стали образом жизни дудаевцев.

Едва внутренние войска и омовцы появились на улицах, там и сям стали отворачивать калитки. Нам навстречу выходили испуганные, изможденные, голодные люди. Слышали мы примерно одно и то же: "Слава Богу, сынки, что вы пришли! Ой, как же мы намучались за эти три года! Добейте проклятых бандюг, может, хоть вздохнем теперь. Храни вас Бог!"

Первая попытка батальона выйти на Старопромысловское шоссе оказалась неудачной. Минометный и автоматный обстрел был достаточно силен — двое наших были ранены. Солдату пуля пробила кисть руки, повредив при этом и ручной пулемет, а сержанту прошила плечо. Решили долбануть опорный пункт боевиков из "шайтан-трубы", как называют СПГ-9 — своего рода боевая стажировка расчетов. Последовала команда отойти на исходный рубеж. Штурм перенесли на завтра...

На доме с выбитыми окнами табличка — "Улица им. Тучина Г.В. Тучин Георгий Владимирович, 1914 — 1945 г. Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны". Сегодня и на этой улице война. А земляк грозненцев, погибая на той еще войне, думал, наверное, что отдаст жизнь свою во имя вечного мира на земле.

Прижавшись к кирпичному забору, ждем команды. Оттуда, где засели боевики, тянется вереница местных жителей с санками, тележками, нагруженными картонными коробками, мешками. Старики и женщины поясняют, что на складах Главчеченснаба остались запасы кильки в томатном соусе, газированной воды в пластиковых бутылках и... коньяка. Вот и тащат, кто сколько успел ухватить. На территории базы в бомбоубежище засели моджахеды. Сейчас они и прикрываются женщинами, зная, что русские солдаты стрелять по ним не станут. "А сколько их?" — "У ворот человек шесть, двое с гранатометами, трое, кажется, с пулеметами..."

Комбат мучительно раздумывает, как действовать, чтобы и душманов не упустить, и своих ненароком не зацепить. Нервничая ждем, пока один за другим добытки продовольствия утянут свою поклажу в безопасный тыл. Подгоняем: "Давай, давай, бабка, шевелись!" — "Ой, сыночки, не могу быстро, ноги болят!" — "Тьфу, старая, ноги у тебя болят! А голову если снесут?" — "Ой, господи, что ж делать! Nate водички, попейте хоть, родимые!" — "Да некогда, мать, скорей проходи! А ты, дед, куда? А ну, назад, назад тебе

говорят! Коньяка, что ли, насосался, не соображаешь?"

В двух метрах впереди нас примостился наш меткий Снайпер. Он докладывает Комбату: "Товарищ капитан, вижу гранатометчика! У ворот стоит! С РПГ!" — "Видишь — бей!". Винтовочный выстрел треснул мгновенно. "Попал!" — "Бей следующего!" — "Там они местными прикрываются, все бегают!" — "Тьфу, суки! Ну ниче-ниче!"

И каждый дождался своего часа: батальон взял бандитское логово, наголодавшиеся ловцы кильки благополучно утащили добычу домой, трое бандитов остались лежать в воротах. Уцелевшие сегодня дудаевцы бежали, прихватив оружие. А то, что осталось, свидетельствовало однозначно — сдавать эту базу бандиты не собирались. Встречать нас хотели ПТУРом — в дверном проеме осталась тренога, трубу они успели утащить. На территории обнаружили противотанковые мины, в бомбоубежище, где на столе остались недоеденными те же кильки, трофеи были поинтереснее: пять армейских радиостанций различных модификаций, белые маскировочные халаты, медицинские носилки, перевязочный материал, командирские сумки, фонари и прочее военное имущество. Были здесь и пустые ящики из-под снарядов к БМ-21 "Град".

Огненный град летел на головы наших солдат, которые лезли в Грозный прежде нас. Вот они лежат неподалеку. И только сейчас к ним пробилась однополчане. Жутко видеть припорошенные снегом растерзанные трупы. Больно видеть и живых их однополчан, у которых сердца, конечно, разрываются гуще наших. Черноусый подполковник, который помогал нам обрабатывать объект своей "бээмпэшкой", нагибается над одним погибшим, над другим и произносит глухо, скрипя зубами, не обращаясь ни к кому: "Гады! Гады! Всех добивали!" Документы находим только у одного — достав из нагрудного кармана военный билет, подполковник с трудом раздирает слипшиеся от крови, смерзшиеся странички. Успеваю прочитать: "Клюев Алексей Вячеславович, Безенчукский райвоенкомат Самарской области, в/ч 65349".

Говорить трудно, нет слов, в висках стучит... Спрашиваю у армейского паренька, приехавшего с подполковником: "Ваши?" Он выдавливает: "Да..." — "А тебя как зовут?" — "Сержант Толманов Николай". — "Откуда сам?" — "Из Санкт-Петербурга". Вот и встретились в Грозном армейцы и взвэшники. Нам осталось лишь подсказать им еще: "Вон там, на перекрестке Старопромысловского шоссе и улицы Та-

суева ребята лежат, один на тротуаре, похоже, офицер, а там вон, у ограды, только ребра остались — видно, собаки обгрызли..."

В одном из домов нашли камуфлированную куртку с нашивкой — золотой волк на фоне восходящего (скорее, заходящего) солнца. Бродят, рыскают здесь еще "волки" серые, черные, белые, одинокие... Золотой вот шкуру свою камуфлированную бросил, переделался в штатское платье, нацепил белую повязку и пошел в толпе мирных грозненцев за гуманитарной пайкой, среди солдатских матерей из России затесался и на территории военной базы в Моздоке. Ходят, высматривают, вынюхивают, гадят там и сям.

Наш Снайпер, сразивший боевика-гранатометчика первым же выстрелом, насчет волков имеет свое мнение, охотничье: "Это такой противный зверь, в натуре которого заложено убийство. Даже если он сыт, но встретил, к примеру, лося, то непременно постарается подкрасться и перегрызть горло. Есть не станет, просто убьет и бросит..."

"Время волков... В этих словах каждый справедливо усмотрит образ текущего бытия. Подлое, неуютное, безжалостное время". Это написал натуралист, а мне остается лишь процитировать его в подтверждение своего мнения о волках двуногих. Еще до командировки в Чечню раз пять-шесть не меньше видел по российскому ТВ кадры, снятые в Грозном (любят телевизионщики "потусторонний" взгляд на войну), — на бронетранспортере сидят дудаевцы и держат на поводке натурального живого волчару. С волками жить?

Что дальше? Один российский воин в звании майора поделился своими соображениями по чеченскому вопросу: "Все равно надо наводить порядок! Люди уже устали. Гибнут здесь и страдают все: и мы страдаем, и местные. Иногда жалко бывает местных, иногда просто злораду душит — посмотришь на трупы этих пацанов, лежащих... Но это однозначно, что, как говорится, враг будет разбит, победа будет за нами!"

Возвращались через ту же переправу. Узенький, скользкий, не слишком надежный мостик между войной и миром.

Полковник Б.КАРПОВ.
Фото О.СМИРНОВА.

г.Грозный.
Январь 1995.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

В феврале обстановка на территории Чеченской Республики по-прежнему оставалась сложной. После завершения военного этапа дальнейшая миссия восстановления законности, порядка и гражданских прав населения перешла в компетенцию Министерства внутренних дел Российской Федерации. По решению Совета безопасности РФ Объединенное командование группировки федеральных войск на территории Чеченской Республики возглавил заместитель министра внутренних дел РФ, командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Анатолий Куликов.

1 февраля. В ночь с 31 января на 1 февраля дудаевские боевики предприняли безуспешную попытку отбить у федеральных сил населенный пункт Самашки. Накануне поселок был взят с боем частями и подразделениями внутренних войск и морской пехоты. По имеющимся данным, там располагалась база боевиков. Во время боя отличился рядовой внутренних войск И. Овечкин. Он заменил раненого механика-водителя и вывел боевую машину из-под обстрела.

В столице Чечни приступили к работе войсковые комендатуры, организованы раздача хлеба и гуманитарной помощи, медицинское обслуживание населения.

Морально-психологическое состояние личного состава внутренних войск высокое. Нередко солдаты и сержанты срочной службы, получив законную возможность вернуться в места постоянной дислокации частей, наотрез отказываются покидать боевые порядки, как например, сержант Войтенко, рядовые Иванов, Фатеев, Славный.

3 февраля. Внутренние войска совместно со спецподразделениями милиции за истекшие сутки изъяли 23 единицы нарезного оружия, 6562 единицы боеприпасов, 10 единиц боевой техники, в том числе 1 танк и 3 БМП. В боевых столкновениях уничтожено 157 боевиков и 37 единиц боевой техники. По подозрению в совершении преступлений задержано 39 граждан.

4 февраля. Продолжается разоружение незаконных вооруженных формирований. Бандиты устраивают засады на дорогах, нападают на одиночных военнослужащих и машины, ведут огонь группами снайперов. В Грозном боевики действуют так — ночью проникают в город по подземным коммуникациям. Несколько суток ведут боевые действия, а потом возвращаются на базу.

Командиры частей внутренних войск в поисках путей мирного разрешения проблемы разоружения банд боевиков встречаются с населением, ведут переговоры со старейшинами. Накануне в Октябрьском районе Грозного комендатурой жителям выдано 12 тонн продовольствия и медикаментов.

6 февраля. Внутренние войска выполняли задачи по очистке освобожденных районов от боевиков, несли службу на блок-постах. Ими задержано 10 подозреваемых в совершении преступлений, обезврежено 3 боевика. Изъято 3 единицы нарезного и 16 единиц гладкоствольного огнестрельного оружия, 1920 единиц боеприпасов. Проведено 6 колонн с продовольствием и гуманитарной помощью.

7 февраля. Освобождена значительная часть Грозного. Заметно дезорганизовано управление незаконными вооруженными формированиями.

Местное население все больше склоняется к мысли об отказе от вооруженного сопротивления федеральным войскам. Есть случаи изгнания боевиков из сел и станиц отрядами самообороны, которые население создает для защиты от дудаевцев.

8 февраля. В Грозном при проведении внутренними войсками и спецподразделениями милиции совместной операции изъято 196 гранатометов "Муха", 2 пулемета КПВТ, пулемет ПКТ, 66 выстрелов к гранатомету, около 9000 единиц боеприпасов, осмотрено 153 здания. В напряженном режиме работали комендатуры.

11 февраля. Проводились мероприятия по разоружению бандформирований в Ленинском и Заводском районах Грозного, а также в окрестностях станицы Ассиновская.

Дудаевские боевики продолжают оказывать вооруженное сопротивление в западном и северо-восточном районах Чечни. Некоторые населенные пункты хорошо подготовлены к круговой обороне.

13 февраля. На территории Ингушетии состоялись переговоры между Объединенным командованием федеральных войск на территории Чечни в лице генералов Анатолия Куликова и Анатолия Квашнина, с одной стороны, и начальником штаба дудаевских боевиков Асланом Масхадовым, с другой. На переговорах присутствовал вице-президент Ингушетии Борис Агапов. На первом этапе достигнута договоренность о прекращении огня из тяжелых видов оружия. Рассмотрен вопрос об обмене пленными и механизме передачи трупов боевиков чеченской стороне.

14 февраля. Войска объединенной группировки выполняли боевые задачи, вели активную разведку и прочесывание Грозного.

Силы МВД провели операции по разоружению боевиков в Октябрьском районе Грозного и в станице Ассиновская. Только одно из подразделений ОМОНа изъяло 4 автомата, пистолет, 2 обреза, 98 мин, 132 выстрела к гранатомету, 92 гранаты, 91 снаряд и более 13000 патронов.

В районе Гребенского моста — сам мост охраняется внутренними войсками — замечено появление вооруженных групп боевиков в милицейской форме.

16 февраля. Используя договоренность о прекращении огня и временную передышку, командиры незаконных вооруженных формирований восполняли потери в живой силе и вооружении, проводили мероприятия по вербовке добровольцев в отряды и группы боевиков в соседних республиках Северного Кавказа и Закавказья.

Командование объединенной группировки на аэродроме "Северный" провело совещание с командирами частей и их заместителями по работе с личным составом, посвященное улучшению взаимоотношений с местным населением.

17 февраля. С 00 часов части и подразделения группировки войск выполняли условия договоренности о прекращении огня, боевых действий не вели, в отличие от чеченской стороны — дудаевские снайперы в течение нескольких часов обстреливали подразделения железнодорожных войск, охраняющие мост через реку Терек (в 3 километрах юго-восточнее станции Червленая-Узловая). Ранено 2 военнослужащих.

21 февраля. В течение дня велись активные боевые действия. Вначале мотострелки захватили господствующие командные высоты в районе Новых Промыслов, а затем, нанеся поражение незаконным вооруженным формированиям в живой силе и боевой технике, населенный пункт Киров и район юго-западнее населенного пункта Алхан-Юрт. Завершено полное блокирование города Грозного.

26 февраля. В 18.00 обстрелян из миномета железнодорожный мост у населенного пункта Червленая, охраняемый заставой сводного отряда УВДТ. Жертв и разрушений нет.

В 21.15 находящийся в засаде войсковой наряд внутренних войск обнаружил группу боевиков и бронетранспортер. В результате перестрелки один из бандитов убит. Остальные и БТР отошли в направлении населенного пункта Закан-Юрт.

В 21.20 обстрелян войсковой наряд внутренних войск, охраняющий мост в населенном пункте Червленая.

В это же время наблюдателями КПП по охране моста через Терек обнаружен плот, который при обстреле его военнослужащими был уничтожен.

27 февраля. Войска объединенной группировки выполняли задачи в занимаемых районах, сосредоточив основные усилия на охране и обороне пунктов временной дислокации, объектов на коммуникациях, удержании достигнутых рубежей и выполнении задач комендантской службы.

Восстановление конституционного порядка на территории Чечни дается дорогой ценой. К сожалению, список потерь внутренних войск пополнился новыми именами — лейтенант Олег СОЛОВЬЕВ, рядовой Вадим СУБХАНКУЛОВ, сержант Андрей МАКАРОВ, рядовой Ильмат ВАХИТОВ, сержант Александр ЕРАХТИН, рядовой Олег СТРУКОВ, лейтенант Михаил ЛИТВИНЧЕНКО, сержант Алексей МИРОНОВ, рядовой Закир МУРТАЗАЕВ, полковник Павел ЗАЙЦЕВ, подполковник Олег КОЛОН, майор Владимир БАТРУКЕЕВ, старший лейтенант Виктор КЛОЧКОВ, старший сержант Юрий ФРОЛОВ, сержант Евгений ПИВЕНЕВ, рядовой Александр ПАНТЕЛЕЕВ, рядовой Владимир СУРОВЦЕВ.

По оперативным данным, на 28 февраля 1995 года погибло 72 военнослужащих внутренних войск и 379 получили ранения.

Подборку по оперативным данным
пресс-службы внутренних войск
МВД России
подготовил подполковник А.ПЕТРОВ.

Такая жаркая быль...

Эпизод первый Сидячая работа

На Кавказе даже бэтээры линяют, как рубашки под жгучим напалмовым солнцем. Это заметил капитан Игорь Митяков, когда после трехчасовой тряски по местным дорогам спрыгнул с борта, чтобы размять затекшие ноги. Темные и крупные, похожие на скворцов воробьи бесстрашно окружили боевую машину, вылавливая напуганную шумным мотором мошкарку. Серо-зеленая ящерица замерла у колеса, то ли еще не успев спрятаться, то ли уже найдет здесь спасительную для себя тень. Запах чабреца стал забивать вонь плавящегося асфальта. Так начинался день: мирно, погоже, без всяких там предвестий беды. Задача перед бойцами стояла обычная, несложная. Здесь вот, у Донгарона, определенное время побывать "шлагбаумом": досматривать вместе с представителями соответствующих местных органов, которые тоже должны сюда подъехать, автотранспорт, проверять документы пассажиров и пешеходов. Трасса пока была пуста, потому можно было чуть расслабиться, поглазеть на птах, ящерицу, перекинуться ничего не значащими фразами с водителем-механиком:

— На этих курортах наш бэтээр полинял, обрартил внимание?

Из люка высунулся солдат в черном шлеме, окинул взглядом броню:

— А и правда, товарищ капитан... Хотя... Это же пыль. Мы ведь по каким дорогам ехали?! Тут ее везде хватает.

Пыли, действительно, хватало. Вот и сейчас серое облачко начало приближаться со стороны селения. Митяков прищурил глаза, пытаясь

понять, что там происходит. Водитель поймал его взгляд:

— Скотину, наверное, на пастбище гонят, то-варищ капитан.— И лениво зевнул, расстегивая комбинезон.— Можно позагорать минут сто? А то вечно сижу в этой коробке и света белого не вижу.

— Хочешь видеть белый свет — быстро садись на место и не отрывай рук от баранки,— сказал Митяков.

Теперь он уже поднес к глазам бинокль и отчетливо разглядел приближающуюся толпу. Женщины, дети, старики... Мужчин не так много, но зато почти каждый — с автоматом. Милиционеры тоже вооруженные. Автобус, грузовики, легковые автомобили. Едут медленно, не обгоняя идущих.

Радист связался с базой, доложил обстановку, откуда ответили: ничего не предпринимайте, сейчас приедем. Солдаты приникли к приборам наблюдения. Они видели, как и впереди, и позади бэтээра, блокируя его ход, разворачиваются машины, как, поощряемая взрослыми, лезет под самые колеса пацанва. Сотни людей уже вокруг, как на митинге. Что им надо?

Оказалось, им надо, по их же мнению, не так и много. Солдаты помогают врагу, потому они должны сейчас оставить технику, оружие и уйти в свою часть.

— Условия неприемлемы,— сказал Митяков и захлопнул за собой люк.

Толпа начала заводиться, крики становились все более злыми, уже застучали по броне кулаки и камни. "Выходите, не то выкуривать будем!"

Игорь и не в таких переделках уже побывал, но в этой "коробочке" и ему сейчас стало не по себе. Солдаты рядышком сидят, лица напряжены, глаза чуть испуганы. Он ободряюще улыбнулся им:

— Дискутировать тут бесполезно, их сейчас

Четыре эпизода
из жизни
командира роты

любые слова еще в большую ярость привести могут. А что делать? Высказывайтесь, лучшие советы оформим как рацпредложения.

А сам прильнул к триплексу.

Разнобоя в высказываниях почти не было, все сводилось к одному: бросить чуть левее по курсу гранаты шумового действия, люди отхлынут от колес и тогда на полном газу, протаранив закрывающую ход машину...

— Двойка, орлы, двойка, — покочал головой Митяков. — Плохо по сторонам смотрите. Видите вон, метрах в двухстах, развалины дома? Люди в камуфляжах там возятся? Так вот, толпа нам не страшна, пока она так плотно бэтээр обступает, ничего с ним не сделает. А вот если разбегутся люди, то, боюсь, в дело вступят профессионалы, которые сейчас среди кирпича гнездятся. Как бы не с гранатометом они там... В общем, пусть люди шумят, а мы, пока наши не подъедут, анекдоты потравим. Этот слышали? Приезжает как-то лейтенант из командировки...

Через час к толпе подъехали офицеры из войсковой оперативной группы, комендатуры. Диалог у них с толпой, судя по всему, не получился. Уехала подмога, лишь морально подбодрив по рации: держитесь, мол, мы вас в беде не оставим. Еще через часа полтора новый кортеж застыл на перепруженной людьми дороге: сам глава временной администрации зоны ЧП с депутатами Госдумы, как раз работавшими в регионе, искал теперь контакт с теми, кто блокировал боевую машину. Результат оказался таким же: "Держитесь, поможем".

...Когда солнце далеко уже перевалило зенит, прибыл заместитель министра внутренних дел республики. Только его слова оказали должное действие на толпу. Разошлись пешие, разъехались владельцы машин... Правда, первыми все же убралась люди в камуфляжах, те, что гнездились среди развалин.

Уже позже, на базе, при разборе действий, Митякову сказали:

— Хорошо, что вы не пробовали прорваться. По оперативным данным, боевики готовы были бить по бэтэеру из гранатомета. Мы, признаться, немного боялись, что не выдержите сидения: ведь восемь часов в раскаленной коробочке, да еще когда снаружи такое творится.

— Обижаете, я же уже ученый, — развел руками капитан. — Соображаю, что на войне побеждают мозгами, а не ногами. Научен, как говорят, на горьком опыте.

Эпизод второй О науке побеждать

Впрочем, ноги в ратном деле играют тоже далеко не последнюю роль. Теоретически это он в военном училище освоил, практически — в Карабахе, где принял свой первый взвод. Чуть свободное время выдается — проводит занятия по физподготовке, тактике, рукопашному бою... "Делай, как я!" — и вперед, до седьмого пота. Подчиненные стонали: мол, дал же Бог командира! Ни себе, ни людям роздыху не дает.

Да и сверстники по училищу — многие из них тоже оказались в этой горячей точке — не всегда Игоря одобряли:

— Был курсантом — выкладывался ради оценок, но здесь-то зачем так пахать? Чтоб начальство похвалило, что ли? Солдат пожалей...

А он — десантируется с движущейся техники при полном параде, то бишь в бронике, с автоматом. Стреляет в прыжке по мишеням. Вырабатывает у своих мгновенную реакцию на звук, вспышку, на каждое движение "врага".

"Солдат пожалей"... Да для этого же и старался!

Было это... Черт, почти весь Карабах пройден, Митякову уже приходится чесать затылок, чтоб вспомнить, где было это. В Навлу? Ну точно, в Навлу.

Ночь, безлунная, теплая, убаюкивающая. Сверчка за километр слышно. Попробуй высидеть такую ночь в окопчике и не задремать ни на минуту. И дождаться, когда на востоке появится еще даже не рассвет, а серое неустойчивое марево, на фоне которого уже можно рассмотреть корявые силуэты дикой айвы... Можно-то, конечно, можно, но очень уж слипаются глаза: именно в эту пору в сон клонит как никогда...

Митяков неслышно впрыгивает в окоп к часовому.

— Не спишь, Бобчонок?

— Нет, товарищ лейтенант, хотя, наверное, теперь можно: ночь заканчивается.

— Не расслабляйся. "Можно"... Если кто вздумает на пост напасть, то именно это время и выберет из тех соображений, что глаза уже кое-что видят, а боец прикемарить может. Логично? Сменишься — тогда и отоспишься.

— Ясно, товарищ лейтенант. Только мне бы сейчас по "тропинке жизни" пройтись...

"Тропинка жизни" — это путь к отхожему месту, так его солдаты называли. Недалшний, понятное дело, путь, но взводный — вот же зануда! — и тут целую минуту напутствует: смотреть в оба, быть готовым ко всему... Бобчонок кивает головой, недовольно морщится — сколько, мол, можно об этом говорить! — но когда остается один на один с теменью, то ловит себя на мысли, что прав командир, лучшего времени для нападения на посты не придумаешь...

Человек вырос перед ним совершенно неожиданно, автомат незнакомца почти уперся в грудь солдату. Бокowym зрением Бобчонок уловил: и справа, и слева от него тоже стоят вооруженные боевики. Все ясно: пришли вырезать пост, забрать оружие. Стволы — с трех сторон, пальцы врагов на спусковых крючках. Что в этом случае учил делать капитан Митяков? Быть акробатом, в прыжке передернуть затвор, еще не приземляясь, дать очередь...

Выстрелы никого из бойцов не застали врасплох: сказались часы занятий. Бой был скоротечным, без потерь с нашей стороны, хотя одна бандитская пуля все же нашла цель: прошила навилет руку рядовому Бобчонку.

— Спасибо, ты нас спас, — сказал солдату Игорь, прежде чем того отправили в госпиталь.

— Это вы нас спасли, товарищ лейтенант, — ответил солдат.

И был в общем-то прав.

За тот бой поощрили и Митякова, и многих его подчиненных. Рядовой А. Бобчонок получил медаль "За боевые заслуги".

Теперь "пахать" на тактике и физподготовке стали и другие взводные.

Эпизод третий Родные и близкие

Человека формируют время и окружающая среда. Какое у нас сейчас время, об этом можно или говорить очень долго, или не говорить вовсе, а просто оглядеться вокруг. Огляделись? Горячо? Ну вот и все понятно. По этим горячим дорогам Игорь начал вышагивать сразу, после того как примерил лейтенантские погоны. В училище был взвод спецназа, попасть туда рвались многие, предпочтению, естественно, отдавалось самым-самым... Митякова взяли. Он до сих пор помнит первый урок, который преподавал "самым-самым" майор Крюков, командир роты: "Спецназ — элита войск. Элита — не потому, что в нем одни романтики с бицепсами или сорви-головы. Главное для спецназа — железная выдержка, дисциплина и, конечно же, интеллигентность. Офицер здесь должен подавать пример другим во всем: что в строевой подготовке, что в уважительном отношении к женщине, что в соблюдении этикета, скажем, за столом. Вот с этого войс и начнем..."

Вот с этого и начинал курсант Митяков. Такое начало давалось ему не только трудно: отец — кадровый военный, ракетчик, служил на Кубе, в различных гарнизонах Союза, имел награды, в числе которых — часы с дарственной подписью министра обороны СССР Маршала А.А. Гречко. Зачитывался книгами по истории русского офицерства. "Смотри, сын, как общество военного человека характеризовало. Ежели в погонах — то уже как само собой разумеющееся: интеллигентный, порядочный, патриот, превыше всего ценящий честь..."

В оперативную бригаду лейтенант Митяков поехал с отличной характеристикой. Первая командировка на юг не заставила себя долго ждать. Он еще даже как следует не перезнакомился со своими коллегами. С одним, правда, сдружился, с Олегом, новым замполитом из его же роты. Вместе оформляли ленинскую комнату, спешили, чтобы успеть закончить ремонт там до отъезда в Карабах. Успели и поехали.

Да, фамилия Олега была Бабах.

В Карабахе, под Шушой, старший лейтенант Тлока знакомил Игоря с условиями службы. "Крестьяне в поле работают, а мы должны их охранять, понял? Теперь смотри сюда: вон один валун, второй, третий. За первым и третьим лежат снайпера, забудешь об этом — шлепнут тебя. Так что просчитай их сектор обстрела и не высовывайся там, где не следует. Молодые,

знаю на своем опыте, предпочитают учиться, но тут такие уроки..."

Наверное, от злости на то, что военные не попадались на мушку снайперам, подчиненных Митякова обстреляли с проезжающего "уазика". Пули ударили по вагончику, никому вреда не причинили, но железо изрешетили. Сантиметрах в пяти над головой Игоря прожужжал тогда свинцовый шмель.

За правое ли дело сражался в Карабахе офицер и с кем конкретно сражался — тут у него сомнений никаких нет. За правое дело. С экстремистами-националистами. Не будь там бойцов, беда бы от междоусобной войны была неизмеримо большей. В мае девяносто первого под Лачином он на бэтэзере сопровождал колонну автотранспорта — в основном, женщин и детей, уезжающих подальше от выстрелов. Комбат сказал ему: боевики на беженцев охоту в горах устроить могут, твое первое дело — защитить людей. Не верилось: как это — стрелять в женщин? Но на горном серпантине по колонне ударили ручной пулемет и автоматы. На такой дороге было очень трудно совершать какой-нибудь маневр, однако Митяков исхитрился и заслонил бронированным бортом своей машины автобусы и грузовики, потом своим огнем подавил точки боевиков.

Когда он вывел колонну в безопасное место, армянки плакали и пробовали целовать ему руки. "Когда война закончится, приезжай в гости, как родного сына примем. Детям своим будем рассказывать, что ты нас от азербайджанцев спас". Не от азербайджанцев — от бандитов, от уголовников, растолковывал им офицер. Нация здесь ни при чем. У него были хорошие друзья и среди армян, и среди азербайджанцев. Тоже сынком называл его шестидесятилетний сельский философ Матлаб, не выпускающий из рук перламутровые четки. "Русские испокон веков нашу кавказскую горячность остужали, мы это понимали, но всегда — с опозданием. И на этот раз пойдем, хорошо бы, побыстрее".

Хорошо бы, но... Но столько пуль еще просвистело над головами Митякова и его товарищей! Да разве только над головами? Сколько друзей потеряно... В последний путь увозил он из Карабаха Олежку Бабака, посмертно получившего звание Героя Советского Союза. Хорошило его, не сдерживая слез над могилой... Когда родился сын, назвал Олегом.

"Скажи, кто твой друг"... Такие друзья, такие близкие у капитана Игоря Митякова.

Эпизод четвертый Незаконченный

Когда этот материал готовился к печати, Митяков убыл в очередную горячую командировку. Приедет — расскажет, что к чему. Вот тогда и появятся новые эпизоды. Дай Бог, чтобы они были поспокойней и потише.

Дай Бог, чтоб им не было конца.

Курсант А.КИРИЛЕНКО.

Читатель продолжает разговор

Трое в "лодке", не считая собаки

Пишет вам жена офицера внутренних войск, старшего лейтенанта медицинской службы — Шавструк Наталья Владимировна. Прочитала в 9-м номере за 1994 год статью подполковника А.Петрова "Общига приказала долго жить?" и не смогла удержаться, чтобы не взяться за перо: надоела такая жизнь — без перспектив на будущее и без всяких проблесков к лучшему.

Понимаю, что своим письмом только отнимаю у вас время и помочу вы мне и моей семье не в состоянии, но очень хочется поделиться мыслями, как и чем мы живем.

Мой муж закончил военно-медицинский факультет при Самарском мединституте. Получил направление на службу во внутренние войска, в Мурманск. Наивные — обрадовались! Думали — год за полтора, соответственно и с деньгами получше будет. Наконец-то вырвемся из вечного безденежья. У нас ведь растет дочь, ей сейчас пять лет, и, наверное, никому не надо объяснять, сколько денег стоит растущий ребенок.

В Мурманск мы не попали. Оказалось, что должность, на которую посылали мужа, уже занята. Попали в Санкт-Петербург. Вроде бы и радоваться надо — город-музей! Да только это одно горе.

Второй год живем в двенадцатиметровой палате нашей санчасти. Втроем, да еще с собакой. А что с ней делать? На улице не выгонишь: животное не виновато, что у людей условий нет. Мой муж — начальник этой самой санчасти. За одной стеной изолятор для инфекционных больных, за другой — стоматологический кабинет, в котором, как обычно, прием каждый день. У нас самая "лучшая" палата, так как в ней есть умывальник, пусть с холодной, но все же с водой. Горячей воды вообще нет. Целый день включен обогреватель, иначе в кафельных стенах невозможно как холодно.

Не стала бы вас утомлять описанием, что творится на 12 кв.метрах, когда там и "банно-прачечный комбинат", и "кухня", и "спальня", и прочие прелести. Но в этом котле, иначе и не назовешь, вместе с нами варится и наш ребенок. У нас нет такой возможности, как у старшего лейтенанта Евгении Эстриной, о которой вы писали, оставить его у родителей. Родители — у меня один отец, у мужа — одна мать, оба пенсионеры. Живут, как теперь принято говорить, в ближнем зарубежье, в Белоруссии. Перебиваются на мизерные пенсии и в силу массы обстоятельств не могут взять внуку к себе.

По сей день не прописаны. Мы — самые настоящие бомжи! И дела до нас никому нет и, видно, не будет.

Я, ко всему сказанному, участница ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году (удостоверение серии А № 282369). Туда нас тогда послало правительство бывшего Советского Союза. Нужны были медики, рабочая сила. Мы только сдали экзамены за 5-й курс мединститута и поехали на "борьбу" с радиацией. Чернобыль — тема особая. Наше правительство издало Закон "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС". И еще закон о внесении изменений и дополнений в предыдущий. У меня есть определенные льготы и права, в том числе и такое — на внеочередное вступление в жилищный кооператив, внеочередное получение жилья. Но мы нигде не прописаны, я не работаю. Кто нам, бомжам, внеочередное предоставит?

Много раз муж и я были на приеме у командира части полковника Мезенцева, его заместителя по тылу полковника Федяева (он же председатель жилищкомиссии). И что в итоге? Ничего! У части своего жилья нет. Раньше она арендовала комнаты в общежитии Кировского завода. Сейчас в приюте завод отказал — своим рабочим жить негде. Но в ноябре прошлого года после

приема у генерала Кожевникова нам все же предложили комнату в одном из рабочих общежитий. Скажу одно — человеку нормальному там жить нельзя. Во-первых, дебоши, пьянки, ругань, грязь, "лица с Востока", бесконечно обитающие у подружек и друзей. Мы прежде всего люди, извините меня, а не скоты. У нас ребенок, который все видит и слышит, все впитывает, как губка. Для чего и почему мы должны ломать психику девочку? И, во-вторых, не прописывают в этой общега военных.

Мы не пошли жить в те же условия, что имеем и сейчас, только с названием "общежитие". И я считаю, что правы.

Обидно, очень обидно, что с военнослужащими никто не считается, и, по сути дела, многие офицеры, прапорщики — самые бесправные люди в стране. Генерал Кожевников сказал ясное ясно: армия бедная, денег на покупку квартир нет, так что живите, где живете.

Была я на приеме в мэрии, и не один раз. Из мэрии письмо послали командиру части с ходатайством о жилье. А командир не отвечает.

В мэрии конкретно говорят о том, что нашу семью обязаны поставить в льготную очередь на жилье, так как я участница ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, совместно проживаю с мужем на одной площади. Но с моими здоровьем заработанными льготами никто считаться в части не хочет, ссылаются на приказы МВД, согласно которым вроде я к части отношения не имею. Выходит, я никто, а не жена офицера.

Написала много и, возможно, сумбурно. Но как жить дальше? Генерал Кожевников предложил поехать на Урал, если не устраивает жизнь в Питере. А там что? Изобилие квартир, которые нас ждут? Смешно!

Зачем такая служба, когда ты никому не нужен и никто не думает решать твои проблемы? Иной раз так и подмывает сказать мужу: "Увольняйся!" Вот только одно "но" — уволиться можно всегда, но очень уж страшно: не придется ли потом стоять на улице с протянутой рукой? Без дома, без работы и еще много чего "без"...

Домой, в Белоруссию, уехать можно всегда. Дом примет. Но кому объяснить все сложности жизни? Присяга России, гражданство — тоже не пустяки. На бывшей родной земле (ужасно звучит) будешь изгоем.

Просто рассуждать, сидя в кабинете, а в жизни все сложнее.

Извините, что отняла столько времени. Потому что очень хорошо понимаю всех героев статьи — сама нахожусь в такой ситуации.

Чего я хочу? Очень немногое — жить как человек, чтобы относились ко мне как к человеку, а не как к рабочей силе, которой кругом с избытком. Хотелось бы, чтобы вы напечатали все это. Пусть еще раз люди прочитают, как живут военнослужащие и их семьи, как правительство о нас заботится, как унижает нас бесконечно. Когда же будет предел беспределу? Сколько все это можно терпеть? Тысячи квартир продаются ежедневно, но кому? До каких пор мы с широко раскрытыми глазами будем ходить по супермаркетам и только облизываться, зная, что зарплата офицера едва хватает на самое необходимое. Если кто-то откликнется на мое письмо, буду только рада.

Здоровья вам всем и вашим семьям.

С уважением — жена старшего лейтенанта медицинской службы начальника медпункта части, участница ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году, мать единственной дочери, бездомная и безработная

Шавструк Наталья Владимировна.

"...А что до пайка солдатского, до сукна, то кормлю и одеваю тем, что дают. Это дело провиантское. Вот где корень зла. Тебе, сударь, по твоей склонности не в строю служить, не ротой командовать, а пойти бы тебе по провиантской части, — с насмешкой посоветовал полковник Суворову. — Ежели ты, сударь, Геркулес, то там и есть для тебя подвиг: очистишь сии авгиевы конюшни".

Сергей Григорьев "Александр Суворов".

ПРОВИАНТМЕЙСТЕР

а, солдат в полку, где служил Суворов, одевали и кормили плохо. Александру Васильевичу, будущему генералиссимусу войска российского, которого больше всех беспокоило, как одет, обут и накормлен ратник, и поручили это нелегкое "дело провиантское". Во все времена инициатива была наказуема. Современники свидетельствуют, что много копий довелось поломать молодому офицеру, воевавшему за каждую казенную копейку и с чиновниками, и с подрядчиками. Этот маленький пример из жизни великого полководца привожу отнюдь не потому, что пытаюсь предсказать головокружительную карьеру от провиантмейстера до генералиссимуса герою очерка. Наверное, благодарное слово сослуживцев, высокая оценка нелегкого труда начальника продслужбы сегодня дороже всех регалий и воинских чинов. Ибо канули в Лету те времена, когда о тыловиках говорили или хорошо, или ничего. Сейчас режут правду-матку в глаза независимо от должностей, рангов и предыдущих заслуг. И если однополчане говорят, что капитан Мазурин Михаил Александрович душой болеет за свое дело, профессионально ведет хозяйство — значит, это действительно так.

"Уазик", пробивая толстую пелену обильного снегопада, вез нас на территорию полкового овощехранилища, вотчину передового начпрод-соединения. Машину заносило в снежно-соляном месиве, она застревала в заторах на перекрестках, удлиняя время на дорогу почти вдвое. Торопиться было некуда, и это время я использовал для того, чтобы вместе с начпродом вспомнить его нелегкий армейский путь.

Мысль о том, чтобы жизнь посвятить военной службе, у Михаила появилась после школы. С прицелом на это и поступил в медицинское училище. Окончил успешно, срочную служил санитаринструктором роты. Усердие и профессионализм молодого медика заметили и предложили продолжить службу в качестве прапорщика.

Где-то слышал выражение: "Послушного судьба ведет, непослушного — тащит". Судьба к нему была благосклонна. Что еще можно пожелать, если твои планы совпадают с мнением командиров. Немного освоившись на должности фельдшера полкового медицинского пункта, прапорщик Мазурин начал подумывать о поступлении в Военно-медицинскую академию.

Однажды на полевом выезде он как представитель медицины проверил пункт приготовления пищи в полевых условиях. В полковой столовой это приходилось делать часто, и повара знали, что Мазурин спуску не даст. А здесь шеф-повар, молодой прапорщик, понадеялся на то, что разгильдяйство можно будет списать на полевые условия. В очаговых печах еле теплится огонек, солдаты вместо того, чтобы тщательно мыть котелки, лениво размазывали по поверхности застывший жир. Не чище была и посуда, в которую уже закладывали продукты для приготовления обеда. Хлеб, крупы, картошка хранились в антисанитарных условиях.

Мазурин разошелся не на шутку.

— Не могу же я все делать своими руками, — оправдывался шеф-повар. — Солдаты наряда ходят как сонные мухи, даже печь растопить не в состоянии. Сам попробуй что-нибудь сделать.

— А что тут пробовать, — горячился Мазурин.

Ему ли, деревенскому парню, привыкать к подобной работе. Да и кое-какой военный опыт уже имелся. Построил наряд, определил задачу каждому бойцу, лично растопил печи. За этим занятием и застал его заместителя командира полка по тылу. В котле полевой кухни булькала гречневая каша, над опушкой леса поплыл ароматный запах дробтного солдатского харча.

— Тебе ли, братец, носить этого змея с рюкзаком в петлицах. Ты же готовый начпрод, — расхваливал подполковник, кивнув на эмблемы медика. — Поступай в тыловое училище, получишь хорошую рекомендацию.

На снимке: капитан М.Мазурин.

Ну точь-в-точь как в свое время полковник советовал Суворову сменить строй на "дело провиантское". Разница только в том, что не с насмешкой благословлял на подвиг по очистке авгиевых конюшен, а заметив задатки хозяйственника, вполне серьезно предложил развить и закрепить их учебой в училище. На что Михаил, после недолгих раздумий, согласился. И никто из них не ошибся. Первый — когда рекомендовал в училище, второй, когда давал согласие. Вот и выпускная офицерская аттестация о том же: "По специальным предметам имеет прочные, глубокие знания. В течение четырех лет был нештатным поваром (!) на всех полевых выходах и учениях... Хороший организатор. Лучше подготовлен к выполнению обязанностей начальника продовольственной службы".

Держать экзамен перед преподавателями-наставниками — одно, совсем другое дело — жизненный экзамен. Только тыловикам известно, какой бюрократический пласт порой необходимо одолеть ради удовлетворения элементарной жизненной потребности: три раза в день солдат должен сесть за сытный обеденный стол.

Оно, конечно, можно и проще, отделаться дежурной фразой навряд ли самого полковника: "...Кормлю и одеваю тем, что дают". А если ничего не дают? В наше время и такое случается. Да сидеть сложа руки — не в правилах капитана Мазурина. Несколько дней назад повстречал его, он с удовлетворением сообщил: "Вот на базу съездил, договорился яблочек, сладостей доставить. Молодые солдаты скоро будут присягу принимать. Хоть и пустые карманы, придется как-то выкручиваться. Пусть и у них в этот день будет праздничный стол"...

Диалог в машинке:

— Михаил Александрович! Сейчас сложнее, чем, скажем, года три назад обеспечивать служивых полноценным питанием? Трудностей прибавилось?

Капитан Мазурин загадочно улыбнулся.

— Недавно о трудностях спросил меня один старший начальник. Но при этом добавил: "Только не говори о деньгах. Все равно ничем не смогу помочь". Вот и вся любовь. А других трудностей и нет. Все остальное — мои функциональные обязанности. Но выполнять их в связи с этим же безденежьем стало не просто. Элементарный вопрос: две недели кряду меня ставят в известность, что бухгалтерия хлебозавода не принимает заявку, 16 "лимонов" мы им задолжали. Но даже если оплатим долг в тот же день, завод получит деньги не раньше чем через неделю. Это что же получается, солдат семь дней не будем кормить хлебом? Позор для государства. Сажусь в машину — и к коммерческому директору. Так и так, мол, не оставьте в беде. Что в будущем в срок будем перечислять деньги — не обещаю, но сколько задолжали, сегодня же оплатим. Пошел навстречу директор. Я оформил заявку — и на телефоне, зампотылу соединения называю: "Товарищ полковник, пока документы об уплате не представим, заявку у нас не примут". Я же знаю, что и они копейки считают, но куда деваться. Помогли.

Нынче начпроду приходится быть дипломатом. И во взаимоотношениях с подрядчиками, и в общении со старшими начальниками. Одним, заключая договора, доказывать, какие

мы состоятельные и платежеспособные, другим, выбивая крохи на пропитание, — какие все-таки нищие.

Да и прежние шаги автоматизации, как нам казалось, прогрессивные нововведения, сейчас отдаются головной болью и бьют по карману. Вот пример: на заре перестройки ввели в строй поточную линию в солдатской столовой. Тогда, наверное, все мы так думали: если что-то приводится в действие электродвигателем, а не силой солдатских мускулов — значит, передовое, позарез нам в хозяйстве необходимое. Выполняли приказ и расхваливали чудо техники. Хотя и видели, что пользы от такого новшества — кот наплакал. Может быть, при трехстах довольствующихся было бы и в самый раз, достигли бы искомого эффекта: сокращение времени, повышение культуры приема пищи. Но когда ежедневно почти полторы тысячи человек посещают столовую — то более приемлемым видится старый солдатский метод: длинный стол на десять человек и "разводящий" ефрейтор с половником в руках.

Капитану Мазурину пришлось объездить все ближайшие предприятия, так или иначе связанные с общественным питанием, пока наконец-таки с трудом удалось раздобыть полторы сотни подносов. Не с металлическими доньшками, какие нужны для стеллажей с подогревом, а обыкновенных, пластмассовых. Сам подогрев из-за ненадобности и отсутствия специальных подносов так никогда и не включали. "Прогрессивная" линия уже доживает свой век, а запчастей для ремонта нет. И станет она в скором времени для начпрода чемоданом без ручки: выбросить жалко, а носить тяжело. Предприятия, ранее специализировавшиеся на выпуске подобной продукции, из-за неперспективности изделия и хозяйственной неразберихи от них отказались. Ленты транспортера еле хватает на год, выходят из строя и другие узлы. Только усилиями Мазурина и на энтузиазме его подчиненных поддерживается в рабочем состоянии и остальное технологическое оборудование, сроки эксплуатации которого увеличились на несколько лет. Но кормить-то людей нужно.

И это хорошо, что большинство однополчан работу продовольственной службы оценивают с ложкой в руках: сытный обед — значит, начпрод работает. Ибо зачем кому-то знать, каких усилий требует заготовка овощей и организация их хранения в зимних условиях. А сколько нервов стоит, чтобы выбить и организовать поставку зелени на солдатский стол хотя бы в самые благоприятные для этого времена года. Или где достать сливочное масло, которое сейчас исчезло во всем городе, как было в свое время с бензином. Капитану Мазурину пока все удается. Как-то был свидетелем послеобеденного разговора между заезжим водителем и солдатом полка.

— Наверное, в связи с приездом комдива вас в обед побаловали котлетами?

— Да нет, — отвечает боец, — у нас каждую среду котлеты дают...

— Жируете, — искренне позавидовал тот. — Нам такое и не снилось.

В последнее время к множеству проблем прибавилась и еще одна: продовольственные пайки для офицеров и прапорщиков. О них осо-

бная обеспокоенность начпрода. Как-никак во многих семьях эти продукты составляют значительную часть потребительской корзины. Как же не выдать их вовремя!

Однажды на общественных началах мне довелось закупать на базе оптовую партию сахара по дешевке. Я тогда дал себе слово больше никогда не связываться с подобными организациями. Нервов не хватает. А ведь все эти круги ада Михаилу Александровичу и его подчиненной прапорщику Елене Кишаниной доводится проходить ежемесячно и по нескольку раз. Вот уж кому, действительно, не позавидуешь. Но и это еще не все. Можно найти товар и, вытерпев "хождение по мукам", оплатить его. А пока перечисленные деньги поступят на счет продбазы, цены поднимутся. Приезжает экспедитор провиант вывозить, и вместо говяжьей туши как раз по деньгам получает... баранью. В прошлом месяце и вовсе нечем было оплатить. Пришлось пять бычков с подсобного хозяйства перевести на плановое довольствие, но все-таки выдать папки офицерам и прапорщикам.

Подсобное хозяйство вырывает здорово. Недаром столько труда вложил в него начпрод. Много удалось обустроить еще в те времена, когда стройматериалы были более доступными и работы не требовали больших капиталовложений. Не ахти какие хоромы, но все организовано по науке. Во-первых — тепло, хотя отопление так и не подведено до сих пор. Сквозняки не гуляют, а в свинарнике молодяк "солнечные" ванны принимает под мощными электролампами. Во-вторых — созданы неплохие условия для приготовления кормов. Еще успели перестелить полы, обновить клетки. Сена, кормовой свеклы, мелкой картошки заготовили предостаточно. Председателю какого-нибудь захудалого колхоза "Сто лет без урожая" не грех бы и поучиться.

Когда я попросил заместителя начпрода соединения майора В. Февралева оценить работу капитана Мазурина, тот сказал просто: "Функциональные обязанности выполняет, работает планово". Поначалу уж больно сухой показалась мне эта характеристика. Но, когда стал вникать в суть работы, понял, что оценка объективная и очень высокая. Ибо при существующих вроде бы объективных проблемах работать планово почти невозможно. Взять то же подсобное хозяйство. Обустройкой канализации, водоснабжение, освещение — все на совести гарнизонной КЭЧ. Тем не менее вовсе не по плану уже полгода нет воды на телятнике и свинарнике. Не работает и канализация, перебои в электроснабжении. Причина та же — деньги. Вернее, их отсутствие.

Вот и выполняй "продовольственную программу" в таких условиях. А именно она в свое время дала толчок к массовому развитию подсобных хозяйств по всей стране и призвана была разрешить проблему возрастающего продовольственного дефицита. Фабрики, заводы, полки обзаводились коровниками и свинарниками. Но, как и любое директивное начинание, при отсутствии реальной заинтересованности исполнителей оно было обречено. Перестройка и шаги к рынку вдохнули и в него новую жизнь. Рачительные хозяева вроде капитана Мазурина оказались обладателями действенной палочки-выручалочки.

...После некоторых формальностей караульной службы нашу машину пропустили на терри-

торию складов. "Хорошо изучил порядок истребования, получения, хранения, учета, отпуска продовольствия", — вспомнились строки из аттестации капитана Мазурина. Интересно, у кого и что сейчас можно истребовать? Как говорят в народе: "Как потопашешь, так и полопашешь". Здесь, в хранилище, я понял, что одной из важных наук, освоенных в училище, одним из главных навыков, приобретенных собственными шишками, является умение организовать зимнее хранение овощей.

В полумраке полуподвального помещения пахнет осенним полем. Закрома засыпаны картошкой, стеллажи со свежей капустой — должно хватить до марта, ровные бурты запескованной морковки. Выдернешь одну, свежая, словно только что с грядки. Да и чувствует себя она здесь словно в родной стихии. Даже ростки зеленые пускает, чем ближе к электрической лампочке, тем они длиннее, тянутся к свету.

— Подстригать часто приходится. Эдак она нам и семена к весне даст, — улыбается Михаил Александрович. Если закрома полные, почему и не порадоваться. Не до веселья было в августе и сентябре.

Теплое лето предвещало хороший урожай. Но, как известно, не летний — осенний день год кормит. Последние несколько лет приходилось убирать картошку по колено в грязи, в дождь и сылокот. Какой будет нынешняя осень?

По-летнему теплое солнце, погожие осенние дни земледельцев не торопили. Прежде чем вывезти картошку и закладывать на хранение, Мазурин распорядился засыпать в бурты прямо в поле. Пусть полежит недельки две.

— Привередничаешь, Михаил Александрович, — подначивал директор совхоза. — Картошка хорошая, голландская, "Санта" называется. Хранится хорошо, сразу в закрома можно засыпать.

— Картошка-то голландская, да земелька нашкенская, — отвечал Мазурин. — Куда торопиться, увезти всегда успеем. Погода отличная. Пусть ветерком продует, просушит, кожура загрубеет. Еще разок переберем — и в хранилище.

"Поспешешь, людей насмешишь", — гласит народная мудрость. При встрече через несколько недель директор совхоза жаловался Мазурину: "Зря вот тебя не послушался. Наши закрома поплыли, картошка гнить начала." В некоторых частях, где начпроды клубни в хранилище закладывали прямо из борозды, результат такой же.

— Сортовые качества вырождаются, — пояснял мне позже Мазурин. — Через три года самый распрекрасный заморский сорт теряет свои свойства. Вот и приходится мотаться по ближайшим совхозам и, словно агроному, держать всю агротехнику под контролем: где какой сорт используют на семена, который год, какие удобрения добавляют. Нужно знать, с кем в будущем дело иметь.

Я все расспрашивал, интересовался, восхищался работой начпрода. Вдруг он мне говорит:

— Вижу, у вас сложилось ошибочное впечатление, будто во всех успехах продслужбы только моя заслуга. Это не совсем верно. Лвиную долю, к примеру, всей бумажной работы несет на своих плечах делопроизводитель службы прапорщик Татьяна Балдина. Я благодарен за

100

помощь, которую оказывают мне прапорщики начальник склада Алексей Нефедьев и шеф-повар Сергей Мохов. И, естественно, подполковник Александр Иванович Марчук, старейший тыловики в соединении, опытный хозяйственник. Вот у него и учусь, перенимаю опыт.

...Наш "уазик" остановился у КПП соединения. Из распахнутых ворот, оставляя за собой шлейф грязного снега, неслись бронетранспортеры. Колонна поворачивала в сторону учебного центра.

Диалог в машине:

— "Краповые береты" тренируются. Наверняка и вам приходилось бывать в спецкомандировках?

— Естественно. Я же должен обеспечить продуктами в месте дислокации. Изучить возможности региона, заключить договора, чтобы потом компетентно проинструктировать подчиненных и поставить им реальные задачи.

— А если сейчас поступит команда на взлет?

— Мы готовы.

— Что включает в себя эта готовность?

— Запаслись сухим пайком и продуктами на котловое довольствие. Приведены в порядок технические средства приготовления пищи в полевых условиях. Раскладка продуктов и накладные уже готовы. Остается только подписать документы и уложиться в отведенное для погрузки время.

— Кстати, о погрузке. Помню когда-то все "тревожное" имущество, и продслужбы в первую очередь, было аккуратно уложено на тележки. Бойцы по первой команде быстро выкатывали их на плац и грузили в машины. Проверяющие время засекали по секундомеру...

— Я еще застал такие времена. Если по правде, то редко дело доходило до погрузки. Вовремя поступала команда "Отбой". Но когда пришлось реально действовать, оказалось, что аккуратные тележки и громоздкие ящики были хороши только для показушных учений. На деле — лучше всего стандартная тара: коробки и мешки.

— Я знаю, что вы награждены медалью "За боевые заслуги". За что, если не секрет?

— За боевые — слишком громко сказано. Хотя в тот раз довелось и повоювать. А вообще-то мы — тыловики, наше дело "подальше от начальства, поближе к кухне". Стало быть, и подальше от боевых действий. А вот сытно накормить солдата после этих боевых действий — тут уж мы не оплошаем. И в войсковые наряды горячую пищу доставим вовремя.

Я прекрасно знал: начпрод провел в стреляющих регионах 165 суток. Офицеры мне рассказывали, что при перемене места дислокации прибывающие подразделения первым встречал капитан Мазурин с дымящимися полевыми кухнями и горячим чаем. А сам Михаил Александрович в шутку признался, что грузовой отсек военно-транспортного самолета изучил лучше, чем свои складские помещения. Знает, как уложить груз, куда поместить мешки, чтобы они занимали как можно меньше места. К примеру, сахар в упаковках и мясные консервы помещаются под сиденья по два ящика один на

другой, мясо-растительные — по одному, установленному на торцевую плоскость.

О медали у Михаила Александровича я спросил не случайно. Ранее в наградном листе прочитал: "В сложных условиях ЧП умело и решительно руководил действиями подчиненных." И еще несколько фраз из набора общих слов о смелости и личном примере. Сам Мазурин о подробностях пообещал рассказать в следующий раз.

Но однажды в кабинете, где в недалеком прошлом обитал секретарь парткома, в кипе пыльных бумаг я случайно наткнулся на небольшой лист ватмана. К нему была приклеена пожелтевшая вырезка из газеты и флормастером выведена здравца в честь передового офицера. С фотографии смотрел тогда еще лейтенант Михаил Мазурин. В свое время этот плакат-экспромт висел у входа в штаб и призывал всех офицеров брать с него пример (нынешним воспитателям поучиться бы работать с людьми). Заметка называлась "Бой ведет начпрод". И писалась она как раз в то же время, когда и представление к медали. Здесь я и узнал подробности происшедшего. "При прорыве из блокированного района он руководил обороной центрального входа приютившего воинов здания гостиницы..." Далее Мазурин рассказывает сам: "В ту ночь, когда основная часть подразделения, прорвав блокаду места нашей временной дислокации, ушла в город для выполнения задач по охране общественного порядка, на счету был каждый человек. Мне поручили оборонять центральный вход, чтобы пресечь возможные попытки экстремистов захватить здание..."

И был бой. Оконные стекла выбиты, пули рикошетили, со свистом буравили стены. Укрыться было практически невозможно. Упал внезапно появившийся в фойе рядовой Валерий Грушевский. Мазурин, невзирая на опасность, бросился к солдату. Тот, парализованный болевым шоком, молчал. Офицер затащил Грушевского за колонну, разорвал у него на спине окровавленную камуфлированную куртку. Вот где пригодились лейтенанту его медицинское образование и практика военного медика. Рана оказалась неопасной, пуля прошла сквозь мягкие ткани, не задев жизненно важных органов. Обработав ее и оказав необходимую помощь, экс-фельдшер Мазурин отправил пострадавшего в безопасное место, а сам продолжил руководить действиями подчиненных по отражению нападения.

Но кухня, по свидетельству автора, оставалась основным полем сражения начпрода. Благодаря его инициативности и напористости подразделение уже на второй день после прибытия было обеспечено горячим питанием.

"Таков он, офицер Мазурин, — с пафосом писала армейская газета. — Самостоятельный, с деловой хваткой, самоотверженный и решительный, когда требует обстановку".

А в последнее время она требует постоянно.

**Майор И. МУЧАК.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.**

Вместо фельетона

ЗАМОРОЧКА,

или Повесть о том, как три мужика
всем начальникам угодили

*Гора на пути встретится —
он ее на "уру" возьмет,
река — он и броду не ищет,
прямо вплавать так и чешет;
болото —
он с пятой кочки на десятую
перепрыгивает.
Шутка ли?*

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
Сказки.

Жили-были три подполковника во внутренних войсках — Автомобилист, Химик и Спортсмен. В военном училище преподавали, курсантов уму-разуму учили, шибко не тужили, Отечеству служили, стало быть, небогато жили. Одно слово — офицеры.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Потому как дело им доверили не сказать что малознакомое — и вовсе неведомое, командировав в очень даже горячую точку... офицерами по работе с личным составом. Ибо не могут такие важные, но нужные должности в зоне особого внимания вакантными оставаться. А что? Верно рассудили лица ответственные. Если, конечно, в суть не вдаваться.

Подполковникам и раньше-то мало кто завидовал, а тут они и сами к себе всяческий интерес утратили, озабоченные тремя извечными вопросами русской интеллигенции: с чего начать? что делать? и кому это нужно? Но поскольку воинскую дисциплину в армии пока никто не отменял — ничтоже сумняшеся включились в работу. Правда, был и еще один крамольный вопросец, до смысла которого они нет-нет да и норовили докопаться: неужели подлинных воспитателей, дипломированных и опытных, на марше реформирования войск под корень извели, коли все должности в отделе по работе с личным составом (в обиходе — ОРЛС), за исключением начальника, укомплектовали

специалистами другого, даже не пограничного профиля? Хотя, если уж очень постараться, можно подвести пусть хрупкую, но все же теоретическую базу под систему аргументов, напроць опровергающих консервативное утверждение, что каждый должен нести свой чемодан. Видимо, здесь многое зависит от того, куда именно нужно его нести — в Воронеж или во Владикавказ.

Стоит ли говорить, что работы в ВОГе хватало на всех с лихвой, и новоиспеченные "замполуды" засучили рукава, горя желанием внести свою посильную лепту в копилку общих достижений. Потребовалось, скажем, проконтролировать погрузку-разгрузку автоколонны на железнодорожной станции — Автомобилисту и карты в руки: и колесную, и гусеничную технику расставил по местам аккуратненько, в срок и с соблюдением мер безопасности — словом, комар носа не подточит. Ай да политработник, удивленно развели руками командиры частей, ай да чудо-богатырь! А тут новая вводная — оказать содействие местному училищу в совершении марша в район учений: вперед, Автомобилист! Настолько толково и грамотно разработал всю документацию, что его тамошние коллеги-специалисты до сих пор охают и ахают в восхищении: и чего мы, дескать, прежде напраслину на комиссаров возводили, коли они на все руки мастера? Бывший ротный, знающий жизнь казармы изнутри, а не понаслышке, Автомобилист, кроме всего прочего, был попросту незаменим при разборе каждого происшествия в подразделениях и с легкостью выводил халвящиков и очковитрателей на чистую воду. Уезжал спозаранку и возвращался под вечер, сам поражаясь тому, сколь нелегок он, хлеб воспитателя.

Химик с первых же дней был обласкан службистами и оперативниками, ибо выяснилось, что никто лучше его в оружии и боеприпасах и в отечественных, и в заморских, не разбирается. А, стало быть, на любой войсковой операции такому эрудиту цены нет. Уж на что Разведчик

экспертом слыл, а и тот охотно брал его с собой в рейды при малейшей okazji, не считал зазорным проконсультироваться для полной ясности, какие же хреновины удалось им обнаружить и изъять на этот раз у зловредных и коварных боевиков? Сам признавался в минуту откровения: найдешь, бывало, припрятанные бандитами ящики и цинки с боеприпасами, а что, собственно, нашли — с ходу не разберешь, то ли с прошлой войны припрятано, то ли в надежде на будущую припасено? А Химик в курсе. Благодаря ему ироническая вывеска на ОРЛС "горячий цех" постепенно канула в Лету. И то правда — дока: проверяя службу контрольно-пропускных пунктов и застав, он даже ночью, в кромешной тьме, вскрывал такие недостатки, которые штабные спецы и днем с огнем обнаружить не могли. Но, что характерно, тут же, на месте, стремился все изъяны исправить, дабы немедленно поднять морально-психологический настрой личного состава. Понимал, что иначе греш ему цена как воспитателю.

Спортсмена и вовсе назначали во все без разбору комплексные группы, изучавшие состояние дел в частях, как правило, начальником штаба. Напористый, двуличный, целеустремленный, не боящийся перегрузок и привыкший к жизни по методикам и нормативам, он педантично и основательно проводил проверки, что называется, от КПП и до отбоя. Жертвуя всем, кроме обеда: сном, отдыхом, здоровьем и жизнью, наконец (горячая точка как-никак, а значит — стреляют). И начиная, разумеется, со спортгородка — сердцу не прикажешь. Я не знаю, что слышал ранее Спортсмен о ППР, ПВР и ИВР, но он не мог равнодушно пройти мимо солдата, не сказав ему пару ободряющих слов, не похвалив. За что? За то, что солдат. И службу несет. И не тужит:

- Как дела?
- Хорошо.
- Молодец!

И пошел себе дальше. А на лице бойца еще с полчаса улыбка сияет.

Одна беда: шеф их, Воспитатель по должности и по сути, время от времени напоминал своим подчиненным, в каком отделе ВОГА они службу правят, — его, кстати, тоже можно понять, кто на кого учился. Вот тут-то и начиналась заморочка. То семинар с замами по работе надумает провести. Мало того, что подполковники не понимали, нужен ли он, канонизированный, в напряженных условиях стреляющего региона, когда каждый офицер в части на вес золота, так ведь еще и не ясно, какие сокровенные секреты воспитательной деятельности Автомобилист, Химик и Спортсмен могут воспитателям открыть? Впрочем, среди последних во Владикавказской группировке тоже не так уж много профессионалов числилось, поэтому подполковники без особого труда с ними общий язык находили. Куда они подевались, настоящие? На этот вопрос первый же встречный "замполуд" ответил предельно откровенно:

— Нас в управлении части четверо: один в госпитале, один в отпуске и еще один — в пункте постоянной дислокации за командира (а кого еще "забудешь", не зампотыла же?!). В трех батальонах на круг — единственный комиссар, остальные также остались на "материке" за командиров. Их обязанности в зоне безопасности

возложили на начальников штабов, которые в связи с осложнившейся обстановкой занимают преимущественно службой — кто посмеет осудить? В ротное звено вместо девятих прислали лишь двух квалифицированных воспитателей, работу отсутствующих по тем или иным причинам, чаще объективным, пытаются выполнять по мере сил и возможностью командиры взводов. Не забывая, естественно, о родных коллективах и, в принципе, сидя на двух стульях.

— Хорошо, что хоть вы здесь при своем деле, — порадовался я. Наивный.

— Отнюдь. Часть рассредоточена, и тут я — за командира.

Остается добавить для полноты картины, что именно этот полк одним из первых вошел в Чечню. Не скажу, что неожиданно-негаданно. Так, между прочим, и планировалось заранее. Воевать пришлось практически без Ключковых.

Но вернемся к нашим подполковникам. В другой раз решит шеф отдела срочно проверить месячные и иные планы работы по разделам, направлениям и категориям, качество и ход их выполнения... Сам видел, какое воздействие оказала на них одна из подобных инициатив. Химик стал скучным, как бухгалтерский отчет к концу декады и, потупил глаза, пожалел, что в эту минуту его не отнесло ударной волной от ядерного боеприпаса куда-нибудь подальше. Спортсмен мгновенно ушел в себя с помощью аутотренинга, да так в себе и остался. Автомобилист то ли ссутулился, то ли накренился, как машина, у которой спустили два колеса. А куда деваться? Надо — значит надо: по коням. И проверяли, и проводили, и контролировали. Накоротке пройди соответствующий инструктаж, быстренько, на бегу изучив необходимые директивы и инструкции. Характерно, что такая заморочка не только в ОРЛС происходила. За службу КПП в ВОГе, свидетельствую, отвечал... "замполуд", всамделишный, естественно, мало что в этой службе разумеющий. За оптимальную жизнедеятельность застав — опять же химик.

Просто диву даешься от абсурдности ситуации: и там и сям отцы-командиры сетуют, что их замы по работе с личным составом подчас без дела маются. А тут, в зоне безопасности, при удручающем дефиците абсолютно всего самого необходимого и особенно внимания, поднятие морально-психологического духа бойцов — проблема проблем, а специалистов — котенок наплакал. Вольно-неволью задумываешься: это ж какое значение при таком раскладе придается воспитательной деятельности в условиях, максимально приближенных к боевым? А может, и не дано мне, несведущему (вероятно, потому четвертым "воспитателем" в отдел определили меня) постичь гениальный смысл сего стратегического решения: назначить инженерами целеустремленных душ людей, знающих и умеющих практически все, за исключением разве что малости — специфики воспитательного процесса. Ведь и вправду на этих трех мужиков генералы и иже с ними те, кто пониже чином, нарадоваться не могли. Всем угодили, слава Богу.

Подполковник А. УШАР.

г. Владикавказ.

Есть вопросы**“Он уехал, но не в часть,
а на кладбище...”***(Из письма потенциальным дезертирам)*

Он появился зимой, в самые холода. По рассказам соседей, сидел на бетонных ступеньках, ведущих на чердак, скрывая лицо поднятым воротником неприглядной стройбатовской робы и засаленной шапкой-ушанкой. Под вечер его навестили еще двое таких же неухоженных военнослужащих, явно выходцев из Средней Азии. Это успела заметить и моя жена, вынося мусорное ведро. Получалось, что для земляков, в отличие от командиров, место пребывания самовольщика не являлось секретом.

Утром мрачного силуэта на фоне окна, покрытого морозными узорами, никто не увидел.

“Ушел”, — подумалось мне, но я ошибся. Переночевав, как потом выяснилось, где-то на чердаке, беглец в течение дня терроризировал мою соседку, пытаясь на ломаном русском языке объяснить бедственное свое положение и тем самым заставить открыть дверь. Многие жильцы дома, вернувшись с работы, обнаружили, что их коридорные коврики сдвинуты с мест или лежат не так, как заведено. Все единодушно пришли к выводу, что “беглый джигит” искал ключи от квартир. Зачем — в общем-то, догадаться нетрудно.

Хотя этого парня больше никто не видел, впечатление он оставил тяжелое. Многие в нашем подъезде лишней раз проверили крепость своих замков, а мой сосед справа наконец-то врезал дверной глазок.

Через некоторое время мне удалось не только переговорить, но и достаточно близко познакомиться с еще одним беглецом.

Парень, под два метра ростом, в камуфлированной форме, в кепке с большим козырьком, в грязных сапогах, подпоясанный солдатским ремнем с еще не успевшей утратить блеск латунной пряжкой, представился как Дмитрий Баранов. Служил он неподалеку, но в бегах находился уже третьи сутки и вместе с восходом солнца перед ним остро встал вопрос: что делать дальше? Ведь время вплотную приблизилось к тому рубежу, за которым наступал момент, когда за самовольное оставление части

придется расплачиваться по статье уголовного кодекса.

— Почему убежал-то? — спросил я.

— Замучили.

Сказано было, правда, солоней, но бумага не все стерпит.

Удалось выяснить, что родился Дмитрий, жил и работал до призыва в армию во всесоюзной здравнице — городе Евпатории. Служба, судя по всему, оказалась для юноши с черноморского побережья отнюдь не курортом, ему пришлось немало претерпеть. По его словам, он начал даже заикаться, чего до призыва никогда не наблюдалось.

— А в части справедливости искал? — поинтересовался я и тут же, заметив его наполняющиеся влагой глаза, понял наивность своего вопроса. Как бы оправдываясь, спросил:

— Есть хочешь?

— Да нет, — явно соврав, ответил он.

— Тебя ж наверняка ищут?..

— Конечно, ищут. Только они на вокзале ждут, думают — домой поеду.

— А ты куда же собрался?

— В какую-нибудь редакцию: может, свяжут с комитетом солдатских матерей. В крайнем случае, сдамся военной комендатуре.

— А если направят по прежнему месту службы?

— Там не останусь, убегу опять.

— Но почему все же решился на такое?

После долгого переминовения с ноги на ногу, он наконец ответил:

— Это слишком личное.

Больше я от него ничего добиться не смог.

Глядя на Дмитрия — на эдакого богатыря, возвышавшегося надо мной чуть ли не на две головы, я думал: что ж в его части делать маленьким и щуплым, если такие здоровенные не выдерживают тамашней жизни и начинают заикаться?!

102

Мы вышли из подъезда. Он шел рядом, большой и жалкий, и в его неуверенной походке читалось желание сделаться маленьким, незаметным, не отбрасывающим тени. Но камуфлированная форма сама притягивала взгляды прохожих, а беглец не смел смотреть им в глаза...

Как сложилась дальнейшая судьба Дмитрия Баранова? Что ждало его впереди: гауптвахта? дисбат? колония? Не знаю. Это зависело уже не от него самого. И не от меня.

Скажу только, что произошла эта история в начале девятого первого. За четыре года, миновавших с той поры, изменилось многое: распался Союз нерушимый, не стало КПСС, разработана военная доктрина российских Вооруженных Сил, на рубль не то что батона, спичку теперь не купишь. И только проблема самовольщиков, а если правдивей и безжалостней — дезертиров, как стояла, так и стоит. Даже, пожалуй, острее прежнего. И как оборотъ это явление, постыдное не только для армии, внутренних войск, но и для всей нашей матушки-России, ответить сложно. А прежде чем пытаться, нужно, видимо, перво-наперво уяснить, с кем же мы сегодня имеем дело.

Для начала — немного статистики, взятой из правительственной "Российской газеты" от 11 ноября прошлого года.

Всего на воинском учете в России состоит 1 миллион 700 тысяч человек. 73 процента призывников подлежат освобождению, имеют отсрочки от воинской службы. Встать под ружье должны были 251 тысяча 600 человек. Уже на призывной стадии уклонились 28 тысяч юношей, за что осуждены 63 призывника и еще около 13 тысяч привлекались к административной ответственности.

Оставим в стороне молодых людей, чьи религиозные убеждения не позволяют брать в руки оружие, чье право на замену военной службы альтернативной гражданской подтверждено Конституцией Российской Федерации, но пока не подкреплено соответствующим законом, определяющим содержание, сроки и порядок ее прохождения. Их не так много, они не делают погоды.

Из приведенных данных ясно одно: нежелание служить зарождается отнюдь не за заборами воинских частей.

Однако призывники не солдаты. Они не могут покинуть воинскую часть уж хотя бы потому, что пока в нее не попали. А попав? Став солдатами?

Бегут. Бегут, наплевав на командиров и товарищей, тяжело топя сапогами по нервам родителей, скрываются кто куда, теряя по дороге шинели и шапки, а вместе с ними человеческую честь и достоинство. Самих себя теряя.

И если сравнительно недавно подавляющее большинство связывали свои поступки с неуставными взаимоотношениями, то ныне все чаще приходится сталкиваться с пустившимися

в бега просто из нежелания служить, считающими, что в наше рыночное время есть дела поважнее солдатских.

Примеров тому предостаточно.

Служба для рядового Евгения Кайнова складывалась удачно. Тепленькое местечко писаря давало возможность чувствовать некоторую независимость, иметь небольшие привилегии. Ему доверялись задания, выполнение которых позволяло выходить за пределы части. Этим Кайнов и воспользовался. Убежал.

Через пять дней беглеца привезла мать. С должности писаря его, естественно, сняли и, как говорится, поставили в строй. Не понравилось. Вновь скрылся, теперь уже на долгие восемь месяцев. Женится, устроился в одну из охранных фирм, готовился к тому, что скоро станет отцом. О службе вспомнил как о дурном сне, пока не был задержан и не предстал перед судом.

Дмитрий Абросимов после учебного подразделения был назначен сначала командиром отделения, а затем старшиной роты. Но, как признается сам, отношения с подчиненными у него не сложились. Проще говоря, они будто бы обвинили своего старшину в стукачестве и обещали укоротить ему язычок. Так это было на самом деле или нет, но младший сержант Абросимов покинул расположение части. Домой не поехал, обретался в Москве, в районе Щелковского автовокзала. Там познакомился с людьми свободного образа жизни и поведения, у которых обменял свою форму на гражданскую одежду. Наверное, в знак благодарности за выгодную сделку благодетели устроили беглеца торговать газетами и мыть автомашины. За этим занятием он и был задержан работниками милиции.

Лишенный сержантского звания, Абросимов "обиделся на командиров" и убежал вновь. Объявился на ставшем уже родным автовокзале, с новыми силами принял торговать газетами. И доторговался до двух лет дисбата.

Рядовому Алексею Рожкову, казалось бы, тоже жаловаться на то, как складывалась служба, грешно. Из Тулы он попросил перевести его поближе к дому, где остались мать и молодая жена. Просьбу удовлетворили. Теперь Рожков мог чаще видеться с родными, тем более что и командир батальона предоставлял ему свой кабинет для свиданий. Ну чего бы еще желать солдату: родные не забывают, с командиром повезло. Ан нет. Подался в бега: собирать справки, чтоб отпустили насовсем. Из четырнадцати месяцев службы пробегал полгода.

Но если Рожков в конце концов был препровожден родственниками в часть, то у иных беглецов судьба складывается куда печальней. Свидетельством тому хотя бы вот это леденящее душу письмо Лидии Владимировны Сахаровой:

"Дорогие мои командиры и все ребята! Валера, сын мой, лежит в гробу, в могиле на кладбище в городе Урень. Дома! Его нашли мертвым у

бывших зеков и наркоманов. Они пришли к нам домой и сказали: "Заберите труп..." Сказали, что они ни при чем, что он сам пришел к ним и просился переночевать, так как был сильно пьян. Но при вскрытии обнаружилось, что там водкой и не пахло. Ему сделали смертельный укол и ушли, оставили умирать. У него был полный рот пены. Он, видимо, долго хрипел. Его можно было спасти, но увы...

Ребята! Не будьте так доверчивы, как Валера, не связывайтесь с наркотиками, я вас очень прошу как мама. Я Валеру каждый день посылала в часть. Когда же он окончательно решил вернуться и дал мне слово, что точно уедет, он погиб.

Он уехал, но не в часть, а на кладбище...

Я не могу пока приехать к вам, очень тяжело, сердце болит. Жива буду, приеду. Куртка чья-то синяя у нас, наверное, ваша. И ботинки черные. Постараюсь привезти".

Как-то один из командиров части с горечью признался, что в свое время, подобно многим другим, поверил словам известного тогда еще советского публициста Карема Раша: мол, если в нашей армии будут служить лишь российские парни, проблему нарушений воинской дисциплины мы сможем решить на семьдесят—восемьдесят процентов...

Увы, не получилось. И для суверенной России проблема воинских преступлений, в частности, самовольных оставлений части, оказалась твердым орешком. Общая ситуация вседозволенности, размытости правовых норм привела к тому, что среди российских солдат все больше становится тех, для которых такие понятия, как "долг", "совесть", "честь", непривычны и обременительны.

Да, за словом "Отечество" не слышится звона серебра и шелеста денежных знаков. И тем, кто увяз в прагматизме, довольно сложно растолковать, что страну, в которой ты родился и вырос, при всей ее нищете и обездоленности нужно любить и защищать. Но растолковывать-то нужно, иначе...

— Вы знали, что вас рано или поздно все равно задержат? — спросил на открытом суде, проводившемся в одной из частей, бывшего рядового внутренних войск Вадима Новикова прокурор.

— Да, знал...

— Так что, вам была безразлична своя судьба?

— Не могу ответить на этот вопрос, — прозвучало в притихшем зале.

"Не могу ответить..." Это даже не крик неразумной души, это целый гимн наплевательству и всепрощенчеству. А история Новикова станет понятней, если вчитаться хотя бы вот в эти незамысловатые строки из его объяснительной:

"5 марта около двух часов ночи я самовольно покинул территорию военного городка, добрался до вокзала и выехал по месту жительства.

Дома я проводил время по своему усмотрению, в основном читал книги. 11 апреля за мной приехали прапорщики части и меня задержали..."

Это был уже третий по счету его отъезд "по месту жительства" для проведения времени "по своему усмотрению". Но чем объяснялась подобная неусидчивость? Может, его обижали старослужащие? Нет, как утверждает сам. Может, командиры были чересчур строги и придирчивы? Тоже нет, иначе разве сошли бы с рук самовольщику его два предыдущих побега?! Может, родители потакали? И снова нет. Встретив неприятие своих действий матерью и отчимом, Новиков перебрался к тетке, где и углубился в чтение романов.

Чтобы скрыть от бывших сослуживцев свои эмоции, осужденный Новиков, отвернувшись, смотрел куда-то в окно. Там в белой кипени стояла черемуха. Долгих три года цвести ей для Вадима по другую сторону забора с колючей проволокой. Да если бы только для него одного...

— Нужно признаться, что работать по дезертирам не легче, чем разыскивать бежавших из мест заключения уголовников, — рассказывал мне исполнявший обязанности командира подразделения войскового розыска старший лейтенант Сергей Одинцов.

Однако в поимке вырвавшихся на свободу преступников заинтересованы не только мы, но и властные структуры на местах проведения поисков. Можно всегда рассчитывать на их действенную поддержку вплоть до выделения автотранспорта и милицейских нарядов. Ведь кому охота сидеть на бочке с порохом?!

А вот беглые военнослужащие (разумеется, если солдат не убежал с оружием), судя по всему, не очень-то заботят местные власти. Считается, что дезертиры особой опасности для общества не представляют, а потому никто и не усердствует в их скорейшей поимке. Помощь нашим розысникам оказывается минимальная: если участковый подключится, и на том спасибо.

Но недооценивать опасность дезертирства нельзя. Ведь бежавшему солдату надо на что-то жить. Не всегда он может рассчитывать на помощь родителей, друзей и близких. Ему приходится или где-то подрабатывать (что, впрочем, случается не часто), либо "выходить на большую дорогу".

Так самовольное оставление части перерастает в новое уголовное преступление.

За примерами ходить далеко не нужно. Недавно в Санкт-Петербурге слушалось уголовное дело о банде (именно банде!) дезертиров. Скрываясь на одной из заколоченных дач, они разбоем добывали средства за существованию. И как знать, сколько бы времени еще терроризировали округу, кабы не переругались и не убили одного из своих...

Вот такие дела... Хотя при чем тут дела? Дела, они, как говорится, у прокурора.

— Юрий Александрович, какой процент от всего "негатива" дали в минувшем году случаи самовольного оставления части во внутренних войсках? — этим вопросом началась наша беседа с заместителем военного прокурора Московского гарнизона майором юстиции Никольским.

— Восемьдесят процентов всех уголовных дел, — последовал ответ.

Не хочу пересказывать услышанное в тот вечер: беседа наша была коротка и конкретна, поэтому, думается, будет правильной, если читатели узнают об интересовавших меня аспектах проблемы, так сказать, из первых уст.

— Что, по-вашему, толкает всеннослужащих на дезертирство?

— Считаю, что главной причиной является неподготовленность молодых людей к службе в армии, преувеличенный страх перед ней, зачастую порождаемый и необъективными выступлениями средств массовой информации. Нередко толчком к побегу служат неуставные взаимоотношения, сложные семейные обстоятельства, дела сердечные. Каждый конкретный случай имеет свою причинную окраску, но все же основным мотивом было и остается нежелание служить.

— Много ли уголовных дел заканчивается вынесением приговора?

— Все уголовные дела, как правило, направляются в суд и доводятся до логического завершения. Разумеется, если нет предусмотренных законом оснований к их прекращению.

— А что может явиться таким основанием?

— Во-первых, если бежавший не годен к военной службе: этот факт признан военно-врачебной комиссией и находится в причинной связи с совершенным проступком. То есть когда налицо брак в работе военкомата и призывной военно-медицинской комиссии.

Во-вторых, если причиной уклонения от службы явились неуставные взаимоотношения. Причем когда жизни и здоровью бежавшего угрожала реальная опасность и он исчерпал все предусмотренные законом меры своей защиты: обращался с рапортом по команде, заявлял в правоохранительные органы. В иных случаях ссылка на неуставные взаимоотношения может быть учтена судом лишь как смягчающие его вину обстоятельства.

Наконец, порой приходится сталкиваться со случаями, когда дела возбуждались без фактических на то оснований. Вот хотя бы такой пример.

Солдат самовольно оставил часть. В течение трех последующих суток он не только добрался до дома, но и уведомил о случившемся свой военкомат. По ходатайству военного комиссара его зачислили в другую воинскую часть, где он продолжил службу. Но на прежнем месте с расследованием затянули, необходимые меры к установлению места нахождения беглеца не приняли. Дело в прокуратуру направили с большой временной задержкой. Когда наш следователь принял его к производству, выяснилось, что "самовольщик" благополучно дослужил по-

ложенное на новом месте и уволился в запас. Будь дознаватели на высоте, разве бы закутилась вся эта карусель?!

— А по силам ли им такое?

— Без сомнения! 1 августа прошлого года заместителем Генерального прокурора страны — Главным военным прокурором утверждена "Инструкция органам дознания Вооруженных Сил и иных военных формирований Российской Федерации". Согласно УПК РСФСР и данной инструкции командир части обязан по каждому факту самовольного оставления части возбудить уголовное дело и немедленно уведомить о преступлении военного прокурора. И надо сказать, большинство командиров так и поступают, качественно готовят документы, и, чтобы передать их в суд, наши следователи затрачивают совсем немного времени.

— Но есть и другие?

— Есть. Они предпочитают копить такие дела и передавать в прокуратуру поближе к концу года, когда итоги подведены. Их стремление выглядеть получше в глазах начальства порой оборачивается форменным безобразием. Так, в одной из частей, чтобы не портить "отрадную картину", дезертиров попросту уволили в запас. Факты, кстати, всплыли после того, как кое-кто из уволенных совершил новые уголовные преступления...

— Из года в год мы говорим о профилактике проступков, об активизации этой работы...

— Каждое уголовное дело — повод для выступления представителя военной прокуратуры перед личным составом. Естественно, в ходе следствия проводятся индивидуальные беседы с нарушителями воинской дисциплины. Не знать-то должны все: чем дольше бегаешь, тем суровее будет наказание. А в том, что расплата за роковой шаг рано или поздно, но все равно настанет, никто сомневаться не должен. Как иллюстрацию приведу один недавний процесс.

Военнослужащий, самовольно оставивший часть, благополучно перебрался в одну из стран СНГ. Там он поменял российское гражданство и чувствовал себя вне досягаемости закона. Более того, примерно через год он приехал в Москву на свадьбу сестры. Выпили, повеселились, разодрались. Вызвали милицию. В ходе разбирательства выяснилось, что дебошир находится в розыске за дезертирство. Вскоре он предстал перед судом военного трибунала и получил срок.

Что и говорить, неотвратимость наказания за содеянный проступок — хорошее средство в борьбе с правонарушениями. Но ведь не одним страхом жив человек, да и выход ли это: сажать и сажать?!

— В том-то и дело, что за самовольные оставления частей военнослужащими переполнены гауптвахты и СИЗО. А обидно, что зачастую сидят те, кто пострадал от неуставщины, а не сами обидчики, — так не без горечи разделила мои сомнения Елена Васильевна Федосеева — председатель Дальневосточного регионального комитета солдатских матерей, руководитель

группы "Поиск". В минувшем сентябре она побывала у нас, в Московском округе внутренних войск. — Корень всех бед в том, что родители не готовят сына к службе, — продолжала Елена Васильевна, — а не готовят потому, что считают своего сына лучше всех и зачастую полагают, что уж лучше его "откупить" от службы. Поверьте, дают немалые деньги. Даже мне недавно предложили, чтоб я помогла сыночку, который работает мотористом на судне и ходит в заграничку, избежать призыва. Мамаша ссылалась на то, что у него была когда-то травма головы и ему никак нельзя в строй. Но, простите, ведь если он на судне моторист, то почему ему нельзя тем же мотористом быть на военном корабле?

Другая мамаша жаловалась, что видела у сына синяки, просит перевести его в другую часть. А почему ему не доложить по команде? Не бойся, никаким стукачом не будешь. Стукач тот, кто нашептывает по поводу и без повода, а помощи в правом деле просить никогда не зазорно!

Я не скрываю, некоторым ребятам действительно бывает туго. А потому мы добились амнистии, которую начал Горбачев, а закончил Ельцин. Имею в виду известный приказ 500. Ведь к нам пришли ребята, которые по восемь лет скрывались от армии. Благодаря этой амнистии и работе комитета они получили возможность спокойно дослужить, а не сесть на скамью подсудимых. Мы беседуем с обратившимися к нам, делаем медицинский осмотр. Если необходимо, возем в госпиталь, оформляем на обследование, лечим, и, если парень признается больным, его комиссуют. Мы добились от правительства такого указания, чтобы взыскивали деньги за содержание в госпитале, за проезд и одежду с той призывной комиссии, которая призвала непригодного к службе молодого человека, будь то по здоровью или по его семейному положению.

Иным ведь достаточно дать отсрочку, а его призывают. После этого в частях с ним начинают мучиться — конфликты, побегии...

Было бы прекрасно, если бы можно было местных ребят не задействовать на охране осужденных. Но ведь служить-то некому. Призыв сорвали. Многие ведь материнские комитеты направили свою работу не на защиту прав военнослужащих, а на развал армии. Они считают, что армия — это не место выполнения почетного долга, а место наказания, где ребята отбывают свой срок. Мы же вставали еще на защиту союзных Вооруженных Сил...

Уто ж, слава Богу, что не все ослепли, задыхнулись в перестроечном и постперестроечном угаре, а заняты добрым и разумным делом. Низкий поклон Елене Васильевне и ее соратницам, понимающим сердцем, что если сын не отвечает за родителей, то мать за сына отвечает всегда. Не перед законом, так перед судом людским, перед совестью.

Как часто сыновья забывают об этом. А то и вообще не хотят думать. И льются материнские слезы. И не может женщина поднять глаза,

боясь встретить осуждающие взгляды. И таится под сердцем боль от сознания того, что сын встал на путь преступления.

Разве он один оказывается в роковую минуту на скамье подсудимых? Нет. Он в прямом смысле слова приводит и сажает рядом свою мать.

Наверное, в жизни каждого из нас бывали минуты, когда нестерпимо хотелось бросить все, перечеркнуть, скинуть с себя груз каждодневных дел и обязанностей. Но на то мы и люди, чтобы уметь побеждать свои минутные слабости, чтобы учиться отвечать не только за себя, но и за тех, кому мы опора в жизни. Иначе для чего мы живем сами?

Лейтенант А.ЯГОДИН.

Московский округ внутренних войск.

Вместо послесловия

Мало сказать, что проблема, поднятая военным корреспондентом лейтенантом Анатолием Ягодиным, сложна и многогранна и слишком многого касается в нашей службе и жизни. Дезертирство — по всем законам нитягчайшее, после измены Родине, преступление.

Одно время, когда много говорилось и писалось о ходе военной реформы, панацеею, казалось бы, отыскали. Военнослужащий, заключивший контракт, пришедший служить добровольно, из части через забор не побегит... Да вот беда: не по карману пока России профессиональная армия. А стало быть, не один еще год будут призываться на срочную новобранцы, и все беды, о которых говорилось в корреспонденции, будут повторяться, умножаться, наслаиваться?

Так что же делать, чтобы оборот зло? Мы надеемся, что читатели подключатся к начатому разговору. К нему мы приглашаем специалистов в области педагогики и права, всех заинтересованных людей. Давайте вместе искать выход.

Отдел социальных проблем
и воинского воспитания.

04

Координаты семейного отдыха

Начальник санатория "ДОН" внутренних войск МВД России Сергей ПАЛУХИН:

“Мы не уступаем Карловым Варам”

— Сергей Иванович, ваш санаторий расположен в одном из самых удивительных мест Северного Кавказа — на территории эссентукских минеральных источников. Их лечебные свойства широко известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Наверное, именно в подобных местах в стародавние времена и рождались легенды о “живой воде”, исцелявшей самые страшные недуги?

— Вы правы, наши источники можно считать, образно говоря, одним из чудес света. Специалисты-куртологи сравнивают их со знаменитыми Карловыми Варами. По их мнению, в Европе подобных творений природы всего два — названные мной воды в Чехии и наши эссентуки. Действительно, матушка-природа распорядилась так, что эссентукские минеральные воды по своему составу и лечебным свойствам во многом схожи с чешскими источниками, пользующимися мировой популярностью. Так что те, кто еще раздумывает, стоит ехать к нам в санаторий или нет, должны знать об этом.

— Готовясь к нашему с вами разговору, пришлось полистать различные справочники. Вот, например, что было написано о Эссентуках сто лет назад в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: “Эссентуки... известны своими минеральными источниками... Первоначально все место, где находятся источники, принадлежало казачьему войску, но в 1847 году источники... поступили в собственность казны... Эссентукские минеральные воды... имеют широкое применение при... хроническом катаре желудка и кишок, затем при различных заболеваниях печени, почек, мочевого пузыря...”

— Несомненно, сфера применения эссентукских минеральных вод при лечении людей, страдающих заболеваниями внутренних органов, весьма широка. Однако хочу сразу обратить внимание читателей журнала, что санаторий “Дон” является специализированным: наш профиль — исцеление недугов пищеварительного тракта, нарушений обмена веществ, сахарного диабета...

— Сергей Иванович, так почему же все-таки "Дон", а не "Подкумок" или, скажем, "Кубань"?

— Так получилось, что в период, когда санаторий переходил в оперативное управление внутренних войск, решение всех хозяйственных вопросов возложили на Северо-Кавказский округ внутренних войск МВД России, управление которого, как известно, находится в Ростове-на-Дону. Кто-то из приемной комиссии и предложил дать название войсковому санаторию "Дон". На том и порешили.

— Расскажите поподробней о санатории. Ведь он, как известно, совсем недавно стал войсковым?

— Он был построен на средства бывшего Министерства химической промышленности СССР и первоначально назывался пансионат "Химик". Весь санаторный комплекс спроектирован так, что отдыхающие могут посещать процедуры, бассейн, столовую, клуб, не выходя из здания. Особенно это удобно в зимнее время.

Его эксплуатация началась в мае 1986 года. Так что в будущем году нам исполняется десять лет. Возраст, сами понимаете, небольшой, но изменения в жизни произошли существенные.

В 1993 году в связи с ликвидацией союзного Минхимпрома пансионат "Химик" был передан на баланс внутренних войск МВД России. Уже в мае того же года мы приняли первых отдыхающих — военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, членов их семей.

Санаторий рассчитан на 270 человек. Максимальная пропускная способность — около четырех тысяч отдыхающих в год.

— На территории Кавминвод кроме "Дона" еще несколько здравниц, подведомственных МВД. В частности, санатории в городах Железноводске и Кисловодске. В чем их принципиальные различия?

— Различия между ними существенные. В кисловодском войсковом санатории "Россия" ведущим направлением лечения являются процедуры общеукрепляющего типа — водные, климатолечение, терренкур.

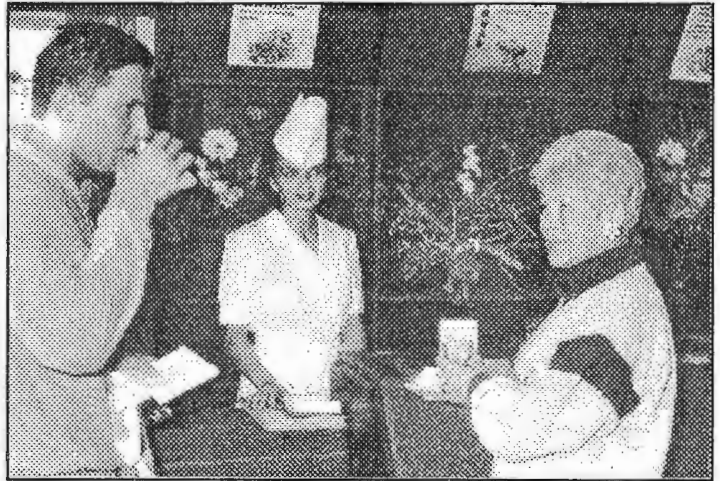
Железноводские слабоминерализованные воды типа "Смирновская" и "Славяновская" оказывают благотворное влияние при заболеваниях почек и мочевыводящей системы.

У нас же главным лечебным фактором являются знаменитые питьевые источники "Ессенту-

ки № 4" и "Ессентуки № 17". Поэтому, как я уже говорил, наш основной профиль — лечение заболеваний органов пищеварения. Для этого санаторий располагает необходимой лечебно-диагностической базой.

Кроме того, мы значительно больше внимания уделяем одному из главных методов лечения — диетическому питанию. Около 98 процентов отдыхающих находятся у нас на специальной диете.

— Из-за вашей специфики, наверное, возникает немало проблем с обеспечением продуктами питания, лекарственными препаратами?

— Да, это так. С обеспечением санатория медикаментами проблем хоть отбавляй. Но поскольку нам есть что и с чем сравнивать, то с удовлетворением хочу отметить: после перехода в войсковое подчинение снабжение лекарствами заметно улучшилось. Централизованно поставляется и необходимое медицинское оборудование. Например, недавно мы получили кафедру гидроплати, аппарат для ультразвуковой диагностики, электрокардиограф и другие приборы.

Один из острых вопросов, как вы справедливо отметили, — снабжение продуктами питания. Вот только один пример. С учетом специфики заболеваний наших пациентов для приготовления диетических блюд необходима телятина, а на базе предлагают баранину или, того хуже, свинину...

— И как же вы выходите из таких ситуаций?

— Приходится крутиться. Наладили хорошие, крепкие договорные отношения с хозяйствами Предгорного и других районов Ставрополя. Помогают нам труженики села на взаимовыгодных условиях. И благодаря таким связям, например, в прошлом году в столовой был постоянно большой выбор овощей. Мы предлагали отдыхающим клубнику, черешню, арбузы...

105

— Я обратил внимание, среди отдыхающих много родителей с детьми. Наверное, эта беспокойная братия доставляет немало хлопот?

— Здравница изначально была предназначена для отдыха и лечения только взрослых. Поэтому ни соответствующих условий, ни опыта работы с детьми у нас не было.

С середины 1993 года мы стали принимать и отдыхающих с детьми от 4 до 16 лет. И сразу возникли серьезные проблемы: малыши носятся по коридорам, получают травмы, создают массу неудобств персоналу, вытаптывают клумбы, шумят во время тихого часа, портят лифты и стены.

И все же именно семейный отдых и лечение, на мой взгляд, дает больший эффект в оздоровлении. Мы и дальше будем принимать отдыхающих с детьми. Но надо бы изыскать средства на оборудование детской комнаты и содержание воспитателей.

— Сергей Иванович, к вам едут не только лечиться от недугов, но и отдохнуть, полюбоваться красотами Северного Кавказа, подышать целебным горным воздухом. Что делается для организации полноценного досуга отдыхающих?

— В санатории есть зрительный и танцевальный залы, бильярдная, волейбольная площадка, а для любителей позагорать — прекрасный солярий.

Практически ежедневно организуем просмотр кинофильмов, концертные программы, проводим дискотеки. Кроме этого, отдыхающие могут съездить на экскурсии по достопримечательным местам нашего края.

— Хотелось бы побольше узнать о тех, кто создает нам прекрасные условия (в чем убедился лично) для лечения и отдыха.

— Основной костяк коллектива сложился восемь-девять лет назад. Большинство успешно трудится по сию пору. Отдыхающие тепло отзываются о врачах Белоцком, Микулович, медсестрах Шабан, Луковской, Шаловаловой, инструкторе лечебной физкультуры Бражниковой, поваре Навродской, официантках Анисимовой и Мирошкиной.

— Иными словами, текучесть кадров вам не грозит?

— О чем вы говорите?! Люди просятся к нам на любую работу! Город курортный, промышленности мало, а большинство профсоюзных здравниц простаивает. Проблема безработицы стоит достаточно остро. У нас дорожат своими местами. К тому же заработная плата в "Доне" повыше, чем в профсоюзных здравницах.

— Отпускной сезон не за горами, а посему наших читателей заинтересуют цены на путевки. По карману ли будут они офицеру, прапорщику?

— С учетом постоянно растущей инфляции надо ожидать и значительного увеличения стоимости путевок. Но в любом случае нашим военнослужащим и членам их семей не стоит беспокоиться: им гарантировано полноценное санаторно-курортное обеспечение независимо от роста цен. Приведу всего лишь один пример: в четвертом квартале 1994 года стоимость путевки в наш санаторий составляла 1 миллион 200 тысяч рублей, тогда как военнослужащему она обходилась в 158 тысяч. Разница, как видите, весьма ощутимая.

— Большое спасибо! Успехов вам и всему коллективу санатория в вашем нелегком, но таком нужном людям деле.

Говорят отдыхающие:

Д.Русавской, заместитель начальника клинического госпиталя ГУВД г.Москвы.

— Огромную благодарность хочу выразить всему коллективу санатория "Дон" за доброжелательное отношение к нам — отдыхающим. Но особую признательность заслуживает доктор Юсупов Игорь Евгеньевич. Его высокий профессионализм — отмечаю это как медик — чуткое и внимательное отношение к пациентам, исключительная порядочность и корректность исцеляют не хуже лекарств. Он врач от Бога! Мне кажется, что любые недуги пройдут бесследно, если доктор Юсупов рядом.

Е.Найдун, ефрейтор.

— Приехала я в "Дон" с двумя детьми. Думала: как-то встретят? А приняли исключительно доброжелательно. Разместили в отдельной комнате со всеми удобствами. Я очень довольна условиями отдыха и лечения. Единственная проблема — не с кем оставить детей, когда нужно пойти на прием к врачу или на процедуры. Неплохо бы организовать в санатории детскую комнату.

Ю.Тимофеев, майор внутренних войск.

— В санатории "Дон" мы с женой, кстати, тоже военнослужащей наших войск, впервые. Отправляясь в путь, ничего не знали об этой здравнице. Поездка из Кирова оказалась изнурительной: сами знаете, как сейчас нелегко путешествовать по железным дорогам.

Приехали поздно вечером. Но усталость сразу улетучилась, как только переступили порог санатория. Нас радушно встретили дежурившие в тот день медсестра Нестеренко и вахтер Даутова. Именно они, младший медицинский и технический персонал, создают нам хорошее настроение и, не побоюсь этого слова, домашние условия в санатории. Низкий поклон тем, чей труд порой остается незаметным, но он так нужен всем нам.

**Вел беседу подполковник Н.СЫСОЕВ.
Фото С.БАКУМЕНКО.**

“ГОСУДАРСТВУ ВИДНЕЕ...”

Внутренние войска Китая

Окончание. Начало в № 2.

Существенный момент: при выполнении упражнений из автоматического оружия стрельба ведется преимущественно в режиме одиночного огня. И связано это, в первую очередь, с особенностями службы. Задачи, выполняемые народной вооруженной полицией, не предусматривают безостановочную пальбу очередями по большому скоплению народа. Если речь идет о массовых беспорядках, то необходимо быстро выявить зачинщика, подстрекателя и (нет, не убить) вывести его из строя ранением: нужен ли в этом случае веер пуль? У любой преступной шайки или террористической группы (что по сути одно и то же) обязательно есть лидер, руководитель, с устранением которого остальные, деморализованные, могут (чем черт не шутит?) сложить оружие, в то время как очередь неровен час еще и заложника зацепит. Армия — другое дело, внешний враг многочислен, здесь без массивов ударов по площадям не обойтись, и чем плотнее огонь, тем лучше. А при защите конституционного строя и обеспечении общественного порядка следует просто своевременно устранить исходную первопричину опасности, которая, как правило, имеет образ конкретного человека во плоти и крови — врага внутреннего. Отсюда — характер подготовки. Иначе — при действиях, неадекватных обстановке — можно легко подорвать престиж военнослужащего народной вооруженной полиции, потерять уважение народа и правительства, которые выражаются в довольно высоком общественном статусе защитника отечества (вот тут сравнение явно не в нашу пользу). А статус — так уж заведено сегодня — обычно подкрепляется особым материальным положением. Нельзя, конечно, утверждать, что китайские офицеры — люди с очень приличным достатком, не испытывающие абсолютно никаких затруднений. Такого нет и в других странах мира. Допустим, наш “гид”, майор, зарабатывает менее ста долларов в месяц. Командующий НВП получает примерно триста долларов. При среднеевропейских ценах на товары народного потребления и услуги их к нуворишам никак не отнести. И все же среди других категорий государственных служащих они находятся в привилегированном положении. Конечно, не им тягаться с бизнесменами, число которых в Китае сегодня множится не по дням, а по часам. Но ратный труд ценится, позволяет вести достойный образ жизни, до-

рожить своим местом в войсковом строю и, значит, ответственно выполнять должностные обязанности.

А что, если не анализ дисциплинарной практики, помогает сделать правильный вывод о степени этой ответственности? Правда, истоки крепкой воинской дисциплины и строго уставной организации жизни в частях во многом подпитываются народными, национальными традициями. Китай производит впечатление гигантского общежития: огромная масса населения размещается на относительно небольшой территории, приблизительно сорок процентов которой малопригодны даже для едва терпимого существования, хотя китайцы и непривередливы. Условно говоря, все — соседи. Хочешь выжить при такой жуткой скупченности — не доставляй неудобств и хлопот ближнему, стало быть, вводи определенные самоограничения, держи себя в рамках дозволенного, терпи, пока силы не иссякли, не давай волю эмоциям, в сложных ситуациях ищи компромиссы, усмиряй гордыню. А ведь это, в принципе, компоненты дисциплинированности. И проявляется она в Китае на каждом шагу. К примеру, установлен скоростной режим для автомобилистов в городской черте шестьдесят километров в час — все, на шоссе — ламинарное движение, никаких обгонов; увидишь лихача и сразу же наверняка определишь, не заглядывая в паспорт, — иностранец.

Армия же, насколько мы знаем, сколок общества, и этим все сказано. Может быть, потому вокруг территории воинской части в городе Амой (не в степи или пустыне!), которую мы посетили, не было... внешнего ограждения. Правда, и располагалась она особняком, на горе, куда вела лишь автомобильная дорога, но разве для нас это могло бы послужить оправданием отсутствия забора? А вдруг какой-нибудь скалолаз-любитель забредет ненароком? Или солдаты "самоволку" спланируют? Вместо забора у них — горшки с цветами. И КПП с въездными воротами, как положено: для пропуска людей и транспорта. Никто с момента основания части с их "горки" не падал, как впрочем никто ее и не штурмовал снизу, напрямки. Рассказал об этой любопытной подробности знакомому офицеру, и он предположил: от бедности все, дескать, элементарно не хватает средств на строительство ограждения. Вот видите — так просто сам по себе факт в голове не укладывается, начинаем искать веские причины. В свою очередь озадачил приятеля: вряд ли бы повезли заморских гостей, пусть даже и коллег, в захудалый военный городок. И, что характерно, заборов в Китае очень много и, как правило, глухих. Там, где они нужны. А не в этой воинской части народной вооруженной полиции.

Не удивляйтесь, увидев безмолвным разглядыванием цветов по периметру вместо бетонных плит с колючей проволокой поверху, ибо

для нас подобное обстоятельство — совсем не типичный параметр дисциплинированности, поинтересовались:

— Как у вас обстоят дела с воинской дисциплиной?

— Что вы конкретно имеете в виду? — ответил вопросом на вопрос командир дивизии.

Ярчайший показатель — небоевые потери. О них и спросили.

— За последние десять лет соединение потеряло семь человек: четверо погибли в дорожно-транспортных происшествиях, трое умерли от болезней.

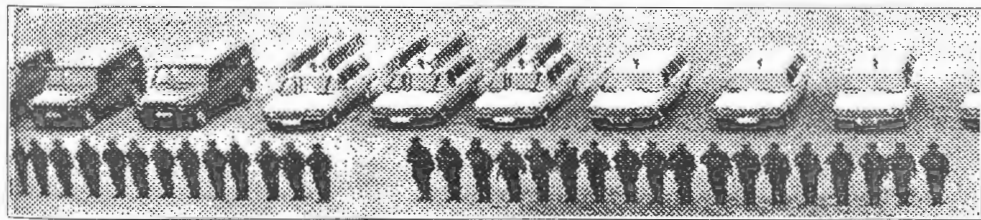
За десять лет?! Любый офицер, знакомый с нашей печальной статистикой, способен по достоинству оценить эти красноречивые цифры. Фомы неверные по натуре, мы поднажали:

— Ну а несоблюдения мер безопасности, допустим, при обращении с оружием? Неуставные взаимоотношения, наконец?

— Я все сказал, — улыбнулся комдив.

Золотое правило для проверяющего в войсках: если побывал в части или подразделении и не нашел недостатков, значит, не отработал свой хлеб, попусту потратил драгоценное служебное время. И пошли мы по ротным казармам.

Убранство — аскетичное. Готовились. Лестничные марши свежеевыкрашены. На редкость чисто. Все как у нас. Но... Солдаты живут в кубриках (площадью около 35-40 квадратных метров) по десять человек. Дверей нет (не видят в них смысла, да и закрываться не от кого) ни в спальнях помещениях, ни в классах для занятий — красивые круглые проемы. Только в комнате для хранения оружия — полный аналог: решетки, замки, сигнализация. У каждого бойца — низкая деревянная койка (о двухъярусных не ведают) с бамбуковой циновкой, заменяющей матрац. В каптерке — необходимый запас одеял. Постельное белье, видимо, заменяют традиционные пижамы. У койки — кеды, пляжники и персональная тумбочка, где лежит невероятно жесткая подушка. В значительно меньшей по размерам комнате для занятий, рядом со спальным помещением, — стол, подобие тумбочки, выдвигной ящичек, в котором хранятся тетради с конспектами, книги, письма из отчего дома и (это уже необычно) аудиоплеер и кассеты с любимыми мелодиями, которые никуда не пропадают неведомым образом (опять иной менталитет?). Кроме того, здесь же, в кубрике, у солдата находится небольшой индивидуальный шкафчик без врезного и всячего замка с личными вещами. Из всей посуды — ложка да миска. Однако не в претензии — хватает. Зато в каждой роте собственная столовая, потому-то в полковом военном городке их набирается до десятка. Экономически нецелесообразно? Вопрос спорный. А вот то, что качество пищи на порядок выше, чем у нас — абсолютно

бесспорно: одно дело готовить на тысячу человек и совсем другое на — сто.

Несколько ничего похожего на ленинскую комнату (информирования и досуга) отыскать в расположении не удалось, пришлось опять же выяснять, каким образом идеи коммунистической партии доводятся до умов и сердец военнослужащих. Оказалось, что в подразделении работает партийная ячейка, секретарем которой является замполит: в войсках не существует никакой выборности ни снизу доверху, ни наоборот. Все расставлено по своим местам соответствующими приказами и директивами. Наглядной агитации, коей у нас в приснопамятные времена при руководящей и направляющей роли КПСС было хоть отбавляй, в частях практически нет. И не потому, наверно, что политработники трудятся спустя рукава, а потому что, во-первых, не считают иконостас членом политбюро и звучные призывы эффективным средством воинского воспитания и, во-вторых, не пытаются подменить или даже дополнить четкую регламентацию армейской жизни ее идеологизацией. Высокий морально-психологический настрой в войсках поддерживается в основном популярным разъяснением государственной важности стоящих перед ними задач. Этого, скорее всего, хватает. Исключительно по нашей просьбе замполит подвел делегацию к одному-единственному стенду в части, на котором были представлены лучшие конспекты материалов последнего пленума ЦК. Весьма просто и аккуратно оформленному, без дежурных, столь знакомых нам профилей вождей всех

времен и народов и прочих замысловатых виньеток. Сразу видно, что дань отдавалась не форме, а содержанию. Похоже (впрочем, это мое частное наблюдение, могу и ошибиться), китайцев сегодня перестали кормить досыта пресной идеологической кашей. И, устав от ударных и крикливых лозунгов "культурной революции", они не заменили их другими, более подходящими к нынешним действительно грандиозным экономическим преобразованиям, а отказались от парадной шумихи и партийной заорганизованности вообще. Поставили во главу угла дело. Посчитали отношение к нему основным, определяющим показателем идеологической, в том числе и партийной зрелости. И почему-то не сбросили попутно с олимпа коммунистическую партию, предварительно обвинив ее во всех смертных грехах, а по-прежнему полагают, что именно мудрая партийная стратегия выводит страну из экономического прорыва. Станный народ эти китайцы.

Самой собой разумеется, что те болевые точки, которые уже довольно долгое время беспокоят российские внутренние войска в частности и Вооруженные Силы в целом, мы попытались обнаружить и у народной вооруженной полиции. Есть ли в частях необходимые условия для нормальной жизнедеятельности? Обеспечиваются ли военнослужащие всем положенным согласно существующим нормам? Тем паче, что и положено им не слишком-то много в сравнении с нашими потребностями. Так, посетив оперативный полк НВП, мы сделали для себя неожиданное открытие, не найдя того, что в нашем понимании представляет собой автопарк. Оно и понятно: несколько "мерседесов", используемых на патрульной службе, и грузовиков не нуждаются ни в обширной территории с боксами и мастерскими, ни в многочисленной бригаде квалифицированного обслуживающего персонала. Бронетехника не предусмотрена штатами, ибо просто-напросто не нужна (а давно ли мы удивлялись, недоумевая, зачем нам, конвойникам, боевые машины пехоты?). Да и марши на большое расстояние из пункта постоянной дислокации к местам выполнения служебно-боевых задач они совершать не собираются: в каждой провинции — своя оперативная дивизия, редкий крупный город не имеет полка, а уезд по меньшей мере роты. Пока, выходит, в дорогостоящей и технически подкрепленной переброске сил и средств никакого резона нет. А в целом народной вооруженной полиции грех жаловаться на невнимание государства. Да, до июньской трагедии 1989 года недостатков было немало. Но как только правительство, отдавая первые горькие плоды стихийных волнений, осознало важность НВП для защиты конституционного строя, оно сразу же, говоря казенным языком, поставило ее на все виды довольствия.

Уж на что притча во языцех — жилье, вернее, его отсутствие. Был почти уверен, что при такой потрясающей воображение численности населения эта проблема во внутренних войсках Китая остра, как нигде. И ошибся. Рядом с воинской частью — благоустроенный жилой городок, в котором компактно (берутся в расчет и интересы боевой готовности) проживают офицеры и их семьи. Все до единого. Это, конечно, не хоромы, не шикарные особняки и коттеджи, но и не грязные общаги, не чужие углы. Короче,

бесквартирных нет. Чем не критерий социальной защищенности? И это, заметьте, при том, что войска, в отличие от наших, не находятся многие годы на переднем крае борьбы с отлично вооруженными преступниками, в горячих точках и им еще не довелось в полной мере доказать на практике (пусть и не доведется), насколько грамотно и эффективно способны действовать они в экстремальных ситуациях. Отстаивая государственные приоритеты. Защищая конституционные права и свободы граждан. Локализуя межнациональные конфликты. Наличие последних у себя китайцы, кстати сказать, напрочь отрицают; наоборот, национальные меньшинства обладают несколько большими льготами и привилегиями, нежели их "старший брат". Налицо забота государства о недопустимости ассимиляции "малых народов", создание обстановки полного благопритствования для их всестороннего развития.

Внимательно ознакомившись с видеofilmami о действиях внутренних войск в Нагорном Карабахе, в зоне осетино-ингушского конфликта, о проведении ими специальных операций по изъятию оружия, боеприпасов и наркотиков, наши китайские коллеги проявили огромную заинтересованность в изучении, увя, печального и богатого российского опыта. Многие из того, к чему мы уже, к сожалению, успели привыкнуть в своем демократическом донельзя Отечестве, для них, граждан государства с тоталитарным режимом, носит сугубо теоретический характер. Хотя они и не исключают вероятности того, что в дальнейшем события в стране могут принять нежелательный оборот и пойти по пути дестабилизации ситуации, усиления напряженности внутриполитической обстановки. Вот откуда большое желание учиться. Чтобы не опоздать с контрмациями и впоследствии не быть по хвостам. И вот почему сейчас китайские военные специалисты приступили к разработке концепции развития народной вооруженной полиции на ближайшие годы. Мне, участнику разработки концепции развития внутренних войск России, хотелось бы думать, что по нашему примеру. Но вряд ли. Тем более, что уже сегодня, по мере проведения в жизнь экономических реформ и приобщения страны к мировому рынку, в Китае ширится и растет организованная преступность. Правда, государство борется с ней, на мой взгляд, с исконно азиатской жестокостью. Так, буквально накануне нашего приезда в Шанхае на стадионе публично, при громадном скоплении зрителей были расстреляны сорок четыре человека, в основном, торговцы наркотиками и сутенеры.

Примечательно, что НВП не только теоретически готовится к возможному грядущим изменениям характера своей служебно-боевой деятельности, но и, стараясь не отстать от времени, активно осваивается в новой экономической ситуации. Крайне любопытно, что сами войска являются совладельцами гостиницы в свободной экономической зоне провинции Фуцзянь, небольшого, но уютного и популярного рестора-

на в Пекине, директор которого — майор народной вооруженной полиции (штатная должность!). Вся прибыль от такой коммерции поступает в войсковую казну (в небюджетные средства) и расходуется в интересах военнослужащих.

И еще несколько штрихов к обобщенному портрету китайского старшего офицера НВП, так как с представителями этой категории мы общались более тесно, нежели с другими. Неплохое знание русской культуры, в том числе и музыкальной, литературного наследия — читали Чехова, Горького, Толстого (кого из китайских мыслителей, композиторов и писателей вы могли бы назвать навскидку?). И доброе, дружеское отношение к русским людям. Показательный пример: в Гуанси-Чжуанском автономном районе представители местной администрации и командир дивизии, желая сделать нам приятное, поведали, что у них чтут память советского военного советника Бобошкина, погибшего в 1956 году от рук бандитов. И рассказали, что к десятилетней годовщине его смерти в городе Гуилинь воздвигли памятник, получивший статус государственного. В чем необычность этого факта? Достаточно только припомнить, что как раз в то время — 1966 год, начало "культурной революции" — отношения между нашими странами предельно накалились. И вдруг — памятник.

Поскольку разговор состоялся вечером, мы выразили готовность на следующий день посетить могилу соотечественника, в принципе, не входило в программу визита. Кроме того, признаюсь, где-то подспудно шевельнулось недоверчивое: "Не может быть!" — и годы были сложные, и много воды утекло. Однако наши собеседники ничуть не смутились и не обеспокоились: "Пожалуйста". Утром мы приехали в городской парк, в центре которого цветочным газоном был выгорожен большой мемориал с высокой каменной стелой. На ней — гравировка золотом: "Советскому советнику Бобошкину" и далее несколько фраз об этом человеке по-китайски. Сюда приезжают молодожены, приходят люди с букетами цветов, и старики, и дети. Нужны ли еще какие-то слова? Подобные минуты, редкие и трогательные, в чужом краю дорогого стоят. Но еще дороже, согласитесь, дружба и сотрудничество войск правопорядка двух столь же разных, сколь и похожих держав.

Полковник В. ЦЫГАНКОВ.

Женщина на войне

Низкий поклон вам!

Трудно спорить с известным поэтическим утверждением: у войны не женское лицо. Уже хотя бы потому, что боевые действия на поле брани связаны с гибелью людей, с сиротской долей детей — все это так противоречит самой природе, высокому и вечному предназначению женщины-матери, дарующей Жизнь.

Но войны все же случаются. И представительницы слабого пола в боях нередко оказываются рядом с мужчинами. Не созерцателями, а воинами. Заглянем в прошлое. Так, наряду с другими героическими примерами, Отечественная война 1812 года многими из нас связывается и с ратными подвигами кавалерист-девицы Надежды Дуровой, Крымская война — с самопожертвованием сестры милосердия Даши Севастопольской, ну а гражданская — с образом Анки-пулеметчицы.

И на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. мужественно сражались тысячи и тысячи женщин — от солдата до командира полка. В перечне военно-учетных специальностей, пожалуй, не так просто найти такую, которую в ходе той священной для советского народа битвы не занимали бы женщины. Женские отделения, взводы, роты, целые батальоны и полки отстаивали свободу и независимость Отчизны. Много было женщин в партизанских формированиях. А скольких раненых спасали на полях сражений санитарки! И не только своим профессионализмом, а и благодаря доброте, отзывчивости сердца, теплу, вниманию, состраданию. Известно, что зачастую на фронте первыми словами бойцов в момент поражения пулей, осколком были: "Мама! Сестра!". И любимцы подразделений спешили на зов, оказывали необходимую помощь, а затем взваливали на свои хрупкие плечи дюжих мужиков и тащили их в тыл...

Во внутренних войсках в то грозное время тоже сражалось немало женщин. Существовала даже I-я отдельная добровольческая женская стрелковая бригада, сформированная в конце 1942 года. Находясь в боевых порядках, воюя на передовой, женщины вносили неоценимый вклад в разгром врага. Многие из них прославили себя мужественными поступками, а то и подвигами.

В 175-м полку внутренних войск сражалась красноармеец Калмыкова Галина. Во время боевых действий она всегда находилась в первых рядах. Своевременно оказывала помощь раненым бойцам и командирам. Лично вынесла с поля боя 30 воинов. В ходе контратаки под селом Русско-Леонтьевка Ростовской области Калмыкова Г.Ф. выносила из-под огня тяжело контуженного, но фашистская мина оборвала жизнь девушки. Калмыкова Галина Федоровна награждена орденом Красной Звезды (посмертно).

Ее однополчанка Надежда Оришко лично доставила с передовой в медсанбат 22 раненых.

Несмотря на ранение, отказалась эвакуироваться в тыл и продолжала оставаться в строю. Ее подвиг был отмечен государственной наградой.

Не раз проявляла образцы мужества и отваги военфельдшер Анна Петрова. Только в период сражения за Кавказ она вынесла с поля боя свыше 40 раненых бойцов и командиров. Смелая девушка, рискуя жизнью, быстро и умело оказывала помощь нуждающимся. Не случайно она была удостоена ордена Красной Звезды.

Немало подвигов совершали женщины, военнослужащие-медики, и в других частях и соединениях внутренних войск. Вот подтверждение тому.

169-й стрелковый полк оборонял Харьков. Противник был остановлен на рубеже Куряжанка — совхоз "Красный Октябрь". Командир полка майор Сериков Д.Е. находился на передовой линии, был ранен, но продолжал руководить боем. Когда силы оставили его, военфельдшер Анна Коваль под сильным огнем врага на себе вынесла майора и оказала ему медицинскую помощь.

В этом же бою военфельдшер 8-й роты Вера Скляр спасла жизнь раненому командиру взвода младшему лейтенанту Коцюбинскому П., перевязав и эвакуировав его с передовой. Вера Николаевна приказом по войскам Юго-Западного фронта от 3 февраля 1942 года №14-н награждена медалью "За отвагу".

А всего за мужество и доблесть около 60 женщин этого полка удостоены боевых наград. Среди них: связистки Валентина Мосиенко, Нина Джигарханова, повар Анна Волкова, медсестры Ольга Бекренева, Елена Галкина и другие.

Особое слово о женщинах, ставших на войне мастерами меткого огня. Одна из них — Мария Морозова. Муж ее бился с врагом на фронте. Добравшись до части, она попросилась на передовую — снайпером. И делом доказала, что оружием владеет в совершенстве.

...Фашисты вели сильный артиллерийский огонь. Неподалеку от передовых позиций была занята врагом высота, с которой хорошо просматривался один из наших участков. Враг больше всего и обстреливал его. Мы несли большие потери.

"Значит, там вражеский корректировщик", — решила Мария и стала внимательно наблюдать. Не сразу, но она обнаружила корректировщика и уничтожила его. Вражеский артогонь стал беспорядочным и вскоре совсем прекратился. Чуть позже Морозова выследила фашистского снайпера и обезвредила его. Всего Мария одержала 30 подобных побед. Она первой из женщин 23-й дивизии внутренних войск была награждена орденом Славы III степени.

Ее однополчанка Цыганкова Аня истребила 12 фашистов, Вера Сафронова — 13, Валентина Цельмер — 14.

У Цельмер гитлеровцы убили отца, разрушили квартиру. Потом погибают дочь и мать. "Ненависть к врагам капля по капле собиралась в моем сердце, распирала грудь, искала выхода, и я пошла на передовую" — так пояснила молодая женщина свое решение. Сама ленинградка, она сражалась на Ленинградском фронте. Хотя и не была штатным снайпером, но с винтовкой не расставалась. И сполна отомстила за гибель близких.

У Галины Кибис погиб муж-пограничник. Она стала проситься в войска и добилась своего. Освоила профессию снайпера. В декабре 1942 года она вышла на передовую. Первым же выстрелом открыла боевой счет. А всего она уничтожила 18 гитлеровцев.

Полковая многотиражка "Дзержинец" 8 марта 1944 года посвятила ей стихи:

*Она отважна и быстра,
Помочь родным бойцам повсюду поспекает.
Она и снайпер, и сестра,
И сандружинница на фронте боевая.*

Немало наших женщин служило в подразделениях связи. Только в одном бою красноармеец 145-го стрелкового полка внутренних войск Евдокия Казакова исправила девять обрывов телефонных проводов.

Отважными связистками показали себя Людмила Герасимова, Лидия Лебедева, Нина Николаева, прибывшие в один из полков внутренних войск осенью 1942 года.

А сколько славных дел на счету фронтовиков-шоферов! Мария Разводюк до войны работала водителем в Бершадской МТС Винницкой области. Летом 1941 года она пришла во внутренние войска и участвовала в боях. Трижды была ранена. После третьего ранения ей предоставили отпуск, но Разводюк отказалась его использовать, заявив: "Теперь не время отдыхать. Отдыхать будем, когда кончится война!". Мария показала себя еще и искусной разведчицей — выполняла ответственные задания за линией фронта.

Большое число женщин несли нелегкую службу по охране особо важных предприятий промышленности, железнодорожников, ИТК, лагерей для военнопленных. Ратный труд их невозможно переоценить. Заменяя мужчин в тылу, они позволяли направлять на фронт новые и новые пополнения, тем самым приближая день Победы.

Из тысяч таких патриоток назовем лишь одну — Нину Трапезникову. Она рвалась на фронт, но не смогла попасть туда. По причине того, что у нее вместо левой ноги был протез. Но девушка не успокоилась. Узнав, что во внутренние войска набирают добровольцев, она, обманув медкомиссию, оказалась в строю. Служила в 37-й дивизии. Наравне со всеми.

Низкий поклон вам, женщины, опаленные войной! Накануне приближающегося полувекового юбилея Великой Победы вспомним вас поименно. И тех, кто дожил до нынешних дней. И тех, кого уже нет в живых. Ратные дела военнослужащих-женщин в годы суровых испытаний войной — подвиг, который забыть нельзя. Не имеем мы на это права.

**Полковник в отставке
В.КРИВЕЦ,
сотрудник Центрального архива
внутренних войск МВД
Российской Федерации.**

Календарь

Март в истории войск

1811

Начато формирование батальонов внутренней стражи.

1858

Утверждено Положение о перевозке арестантов по Николаевской железной дороге.

1911

Отмечалось 100-летие конвойной стражи, в связи с чем был утвержден специальный нагрудный знак для награждения офицеров и нижних чинов.

1918

Коллегия ВЧК приняла решение об объединении всех отрядов местных ЧК в Боевой отряд ВЧК.

1919

Утверждено положение о войсках ВЧК.

1922

Войска ВЧК реорганизованы в войска ГПУ.

1923

Издан приказ войскам ГПУ о создании музейных комнат в частях войск.

1929

Приказом ОГПУ в списки 2-го кавалерийского полка войск ОГПУ навечно зачислен комвзвода В.Д.Реут, красноармейцы Н.И.Иваненков и А.В.Потанин, погибшие в бою с бандой в Якутии.

1941

Срок службы во внутренних войсках установлен в 2 года.

На основании приказа НКВД создано Управление оперативных войск НКВД.

1947

В Управлении войск МВД по охране важных предприятий промышленности и железных дорог создан специальный отдел для руководства частями, сформированными для охраны важных государственных объектов и специальных грузов.

1954

Главное управление внутренней охраны и Управление конвойной охраны объединены в единый орган руководства войсками — Главное управление внутренней и конвойной охраны МВД СССР.

1968

Создан Музей внутренних войск, в 1975 году реорганизован в Центральный музей ВВ.

1971

Образовано Новосибирское высшее военное командное училище внутренних войск.

1989

Указом Президиума Верховного Совета СССР пограничные, внутренние и железнодорожные войска выведены из состава Вооруженных Сил СССР.

1990

Введена должность командующего внутренними войсками.

Рожденные

для боя

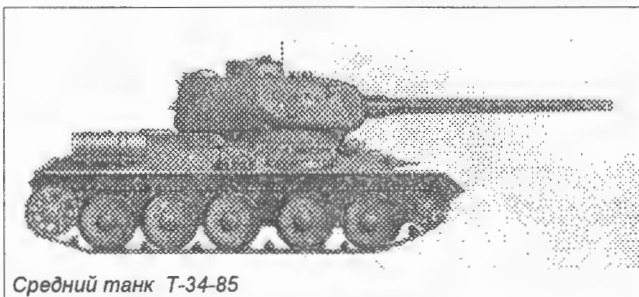
Встреча с танками Т-34 для гитлеровцев была полной неожиданностью. И дело даже не в том, что разработка, полигонные и войсковые испытания этих машин, их серийное производство и освоение в частях проводились под покровом большой секретности. Немецкая разведка в этом отношении не проявляла особого рвения. Почему? В Берлине исходили из того, что какие-то неожиданности, крупные прорывы в танкостроении на этом этапе просто невозможны. В вермахте были вполне удовлетворены боевыми характеристиками среднего танка Т-III, а Т-IV и вовсе считали вершиной возможного.

Т-III был создан фирмой "Даймлер-Бенц" и серийно выпускался с 1938 года (боевая масса 19,5 т, скорость 40 км/ч, вооружение — 37-мм полуавтоматическая пушка, 3 пулемета, бронирование корпуса и башни — 30 мм). Уже в ходе второй мировой войны танк был перевооружен 50-мм длинноствольной пушкой, что повысило его огневые возможности. Т-III был интересной с технической точки зрения машиной, впитал в себя немало оригинальных решений, однако его 300-сильный двига-

тель не оставлял простора для серьезной модернизации с неизбежным увеличением массы танка.

Т-IV разработан фирмой "Крупп", его массовое производство было развернуто с конца 1939 года. Эта хорошо отработанная, надежная и легкоуправляемая машина с 50-мм броней лобной части и башни (вес 22 т) и 75-мм пушкой значительно превосходила все известные немцам западные образцы танков. О том, что в России в то же время создается что-то более эффективное, им и в голову не приходило. Тяжелые танки беспокоили и того меньше. Перед войной в Германии были испытаны несколько образцов таких танков, и они оказались совершенно негодными для боя. Ну а если что-то не под силу инженерной мысли арийцев, то...

Т-34 с первых боев ошеломил немецких

Средний танк Т-34-85

военачальников, посеял тревогу в ненав-ших до того поражений танковых войсках Германии. Особенно после того, как в Красной Армии была наконец найдена со-ответствующая новым танкам тактика их применения.

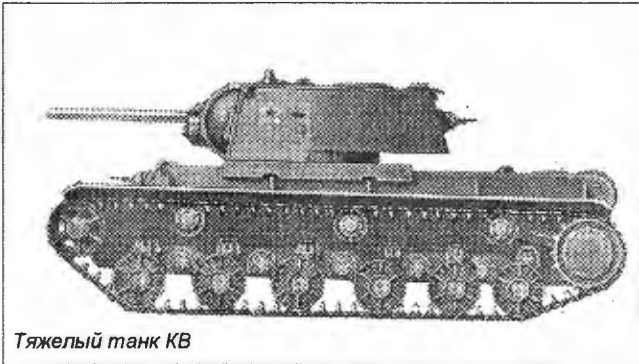
“...Южнее Мценска, — признавался в воспоминаниях гитлеровский генерал Хайнц Гудериан, — 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме пре-восходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные поте-ри. Намеченное быстрое на-ступление на Тулу пришлось пока отложить”. Гудериану вторили многие из его битых коллег. Генерал Шнейдер: “Т-34 показал нашим привы-кшим к победам танкистам превосходство в воору-жении, броне и маневреннос-ти”; генерал Меллентин: “Т-34 — наиболее замеча-тельный образец наступа-тельного оружия второй ми-ровой войны”; генерал-фельдмаршал Клейст: “Их Т-34 был лучшим в мире”. А вот как отзывал-ись о тридцатьчетверке немецкие техни-ческие специалисты: “Т-34 был, бесспор-но, подлинным шедевром военной техни-ки. В нем удачно сочетались элементы быстрогоходного крейсерского танка с не-уязвимостью танка непосредственной поддержки пехоты”.

Т-34 был основным и, по существу, единственным средним танком нашей армии на протяжении всей Великой Оте-чественной войны. Ему было суждено стать и самым массовым танком второй мировой войны. За годы войны было вы-пущено более 52 тысяч тридцатьчетверок.

Создание этой легендарной маши-ны, рожденной для боя, — особая по-весть. Многим в нашем военном руковод-стве в тридцатые годы средний танк ви-делся колесно-гусеничным. Задание на разработку именно такого танка было для конструкторов основным. Но главный кон-структор Харьковского завода М.И. Кош-кин и его заместитель А.А. Морозов по своей инициативе разработали и проект чисто гусеничной машины того же класса. Уже в проекте поражала необычная для того времени форма корпуса машины с рациональными углами наклона брони. Ни один танк мира тогда таких очертаний не имел. Разработку среднего танка с гу-сеничным движителем облегчало то, что к

1937 году у нас уже было освоено произ-водство листовой брони средней и высо-кой прочности, имелся по-своему уникаль-ный, мощный 12-цилиндровый дизельный двигатель В-2, способный надежно рабо-тать в экстремальных условиях и режи-мах. Для его серийного выпуска в Харько-ве создавался специальный завод. (Все немецкие танки оснащались бензиновыми двигателями).

А-32 — так первоначально именовалась будущая тридцатьчетверка — на испыта-ниях показал явные преимущества перед

Тяжелый танк KV

другими образцами. Его скорость — до 65 км/ч — говорила об имеющемся запасе по увеличению массы. Это позволило в даль-нейшем защитить новую машину более прочной броней путем увеличения массы с 19 до 24, а потом и до 28,5 т (толщина брони: лоб корпуса - 45, борт — 45, башня — 52 мм).

Два танка с маркой Т-34 зимой 1940 года совершили пробег из Харькова в Москву и предстали перед глазами руководителей страны. 31 марта 1940 года было принято решение о серийном производстве этой многообещающей машины и вооружении ею армии. Серийный выпуск начался в июле того же года. До начала Великой Отечественной войны успели выпу-стить 1225 тридцатьчетверок. Большая часть из них была направлена в пограничные воен-ные округа. По-настоящему изучить до на-чала боев эти машины наши танкисты не успели. Кроме всего прочего, секретность вынуждала осваивать машины в темное время суток, вдали от чужих глаз. На пер-вых порах не было ясности даже в том, как строить бой с немецкими танками, на какой дальности выгоднее завязывать ог-невую дуэль. Немало машин с началом войны было выведено из строя в резуль-тате ошибок при обслуживании и эксплуа-тации. За уроки пришлось платить, и не-малой ценой. Во всяком случае в ходе битвы под Москвой танки приходилось распределять буквально поштучно, и этим

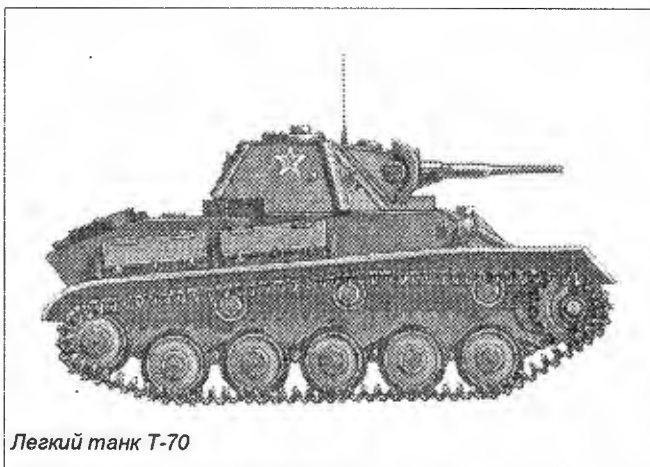
занимался лично И. В. Сталин. Но в тылу развертывалось и нарастало производство столь необходимых фронту боевых машин: на Сталинградском тракторном заводе, на "Красном Сормове" в Горьком, на Уральском танковом заводе, созданном на базе эвакуированного туда Харьковского, на Челябинском Кировском заводе (ЧКЗ) — в так называемом "Танкодроме", где было развернуто производство тяжелых, а затем и средних танков.

Вначале танк Т-34 вооружался 76,2-мм пушкой с длиной ствола 30,5 калибра и начальной скоростью снаряда 635 м/сек. Со второй половины 1941 года на танки ставили более мощную 76-мм пушку образца 1940 года с длиной ствола 41,5 калибра. Это увеличило начальную скорость и бронепробиваемость снаряда. И, наконец, с декабря 1943 года тридцатьчетверка вооружалась 85-мм пушкой (длина ствола 51,5 калибра). Танк Т-34-85 по боевым и маневренным свойствам превосходил все средние танки того времени, но и — что особенно поражает — смело вступал в поединки с тяжелыми и мало чем им уступал.

Наш тяжелый танк КВ тоже сильно обеспокоил гитлеровцев, наряду с тридцатьче-

разно применять только массированно и в благоприятных условиях. В войне с финнами, развернувшейся в районе, где простора для танков не было, правильно оценить истинные возможности КВ было невозможно. Тем не менее, 19 декабря 1939 года тяжелый танк КВ был принят на вооружение, а с лета 1940 года началось серийное производство модели КВ-1. В этом году было выпущено 393 машины КВ-1 и КВ-2, а в первом полугодии 1941 года — еще 393. КВ превосходил Т-34 по бронированию, имел то же вооружение и уступал в скорости и подвижности. Боевая масса КВ — 47,5 т, экипаж — 5 человек, вооружение: 76-мм пушка и 3 пулемета, броня: лоб корпуса — 100, борт — 75, башня — 95 мм. Максимальная скорость — 35 км/ч. Превосходство КВ над немецкими танками начала войны было еще более разительным, чем у тридцатьчетверки: ни одно танковое или противотанковое оружие немцев его броню пробить не могло. Почти одновременно с Т-34 тяжелый КВ был перевооружен 85-мм пушкой. Правда, эта последняя модель выпускалась недолго. В конце 1943 года танк КВ уступил в производстве место новому тяжелому танку ИС-1. ИС-1 (или ИС-85) предназначался прежде всего для борьбы с новыми

немецкими машинами "тигр" и "пантера". Одновременно на заводе испытывался танк ИС-2 со 122-мм пушкой. Эта пушка имела дульную энергию в 1,5 раза больше, чем 88-мм пушка "тигра". Боевое крещение тяжелого танка ИС-2 под Корсунь-Шевченковским показало его полное превосходство над тяжелыми танками Германии. Этот наш танк (ИС-3, созданный в военное время, участия в боях не принимал) был самым мощным и самым неуязвимым танком периода второй мировой войны и первых послевоенных лет.

Легкий танк Т-70

тверкой вынудил их лихорадочно перестраивать танковое производство, что в военное время сделать непросто.

КВ был разработан в Ленинграде, на Кировском заводе, в конструкторском бюро, которым руководил Ж. Я. Котин. Ведущим конструктором этой машины был Н. Л. Духов. Два первых тяжелых танка КВ прошли боевое испытание во время советско-финляндской войны в декабре 1939 года. Об этом во многих источниках говорится с одобрением. Но известный артиллерист Н. Н. Воронов считал, и не без оснований, что новую технику целесооб-

А что же представляли собой германские "пантеры" и "тигры", с которыми в Берлине связывали столько надежд, которые были расхвалены еще до массового участия в боях? Это были грозные и совершенные по тому времени боевые машины. Разрабатывались они под сильным влиянием нашей тридцатьчетверки, в чем-то просто копировались и по замыслу должны были ее превосходить по всем показателям. Кое-что немцам удалось. Но далеко не все.

Гитлеру очень хотелось убедиться, что

танки нового поколения — средний Т-V "пантера" и тяжелый Т-VI "тигр" — не будут иметь себе равных. С ними торопились. Первым на советско-германском фронте появился "тигр". При попытке прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года артиллеристы Волховского фронта подбили в районе Рабочих поселков № 5 и 6 танк, который своими очертаниями резко отличался от других известных нам немецких машин. Отбуксировать его в свое расположение было непросто. Под огнем противника экипажи из состава 86-й танковой бригады подсоединили к гитлеровской машине четыре легких танка БТ-5 и так дотянули трофей к своим. Новый немецкий тяжелый танк Т-VI был всесторонне изучен. Когда позднее, на Курской дуге, "тигр" вместе с "пантерой" был применен массированно, неожиданностью для наших войск это не стало. После войны Гудериан сильно корил фюрера за неоправданную поспешность под Ленинградом.

"Тигр" имел массу 55 т. Его экипаж включал 5 человек. Вооружение состояло из 88-мм длинноствольной пушки и 2 пулеметов. Броня: лоб корпуса — 100, броня — 80, башня — 100 мм. Максимальная скорость — 38 км/ч. Перед тридцатьчетверкой Т-VI имел некоторое превосходство в дальности прямого выстрела, что обязывало наших танкистов стремительно идти на сближение, чтобы уравнивать шансы. В ближнем бою более маневренная и быстроедействующая тридцатьчетверка справлялась с тяжелым танком. ИС-2 побеждал почти во всех дуэлях.

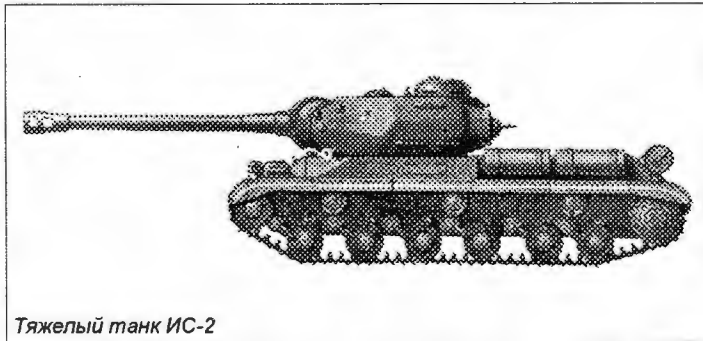
Немецкий средний танк Т-V "пантера" внешне напоминал наш Т-34 (тот же угол наклона лобовых листов, той же конфигурации башня, большие опорные катки) и стал лучшим танком германских "панцераффен". 75-мм пушка этого танка была очень мощной и сочеталась с отличными прицельными приспособлениями и смотровыми приборами. Всего немцам удалось построить около 6 тысяч этих удачных танков. Почти все они были уничтожены на восточном фронте.

В конце войны гитлеровцы бросили в сражение и так называемый "королевский тигр" (Т-VIB). Его масса — 68 т. Впервые наши артиллеристы и танкисты вступили с ними в бой в Польше, на Сандомирском

плацдарме, и сумели остановить их. "Королевских тигров" было выпущено 489.

В ходе войны на базе танков и у нас, и в Германии создавалось немало различных типов самоходных артиллерийских установок, отличающихся от танков отсутствием вращающейся башни и более простым общим устройством. Просторная боевая рубка позволяла вооружать САУ (немцы называли их истребителями танков, штурмовыми орудиями) пушками или гаубицами — орудиями большего, чем у танков, калибра. В годы второй мировой войны самоходная артиллерия действовала вместе с танками и решала в бою те же задачи.

В этом обзоре мы не уделяли внимание легким танкам. А можно сказать о том, что и в этом классе приоритеты были за нами. Советский легкий танк Т-70 — лучший лег-

Тяжелый танк ИС-2

кий танк второй мировой войны. Правда, слабобронированные танки в той войне себя исчерпали и с осени 1943 года их производство в Кирове и на Горьковском автозаводе было прекращено.

В годы минувшей войны орденами, почетными наименованиями и званиями отмечались подвиги не только людей, но и полков, дивизий, армий, заводов и фабрик, городов. Особой награды — нашей благодарной памяти — заслуживают и отечественные танки, которым не было равных в мире: Т-34, КВ, ИС. Уральская броня в сплаве с мужеством экипажей стала тем щитом, о который сломали зубы чужие "тигры" и "пантеры". Кто знает, как сложилась бы для нас война, не будь этих удивительных по надежности и совершенству машин в боевых порядках войск. Пришло время, и они навсегда ушли в историю, чтобы оставаться там вечным свидетельством технического гения великого народа, возможности которого с особой полнотой раскрываются перед лицом опасности, в схватке с врагом.

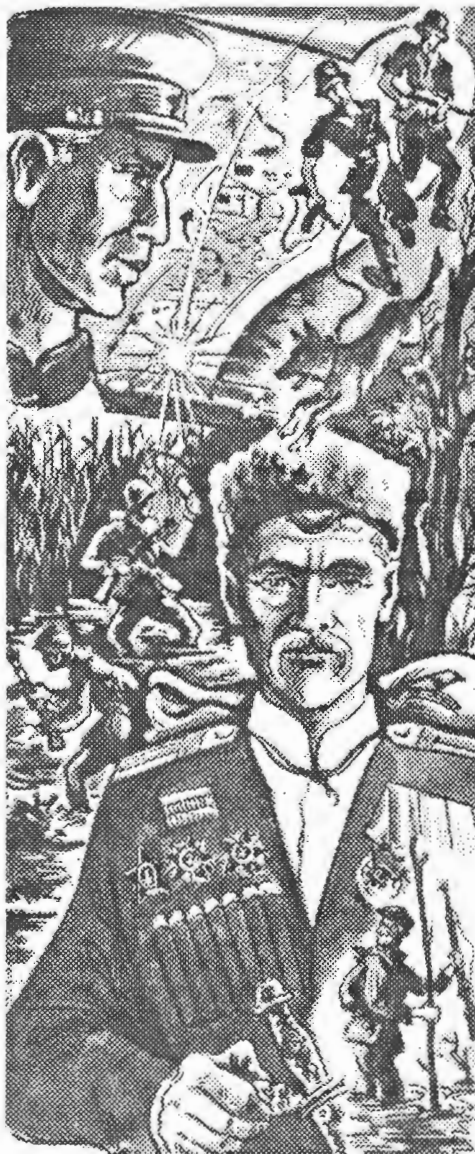
Полковник В.МОРОЗ.

Андрей СЕРБА

Здравствуй, пластун!

Повесть

1

— Все, товарищ прапорщик, — сказал ефрейтор Власов. — Дальше бы он не ушел: топь. Где-то здесь искать надо.

Занятия по спецподготовке подходили к концу. Воины с раннего утра плутали по буреломам, учились ориентироваться без компаса, с одной спички разжигать костер, но главное — по едва заметным приметам определять, куда уходил от них тот, кто играл роль осужденного, по заранее утвержденному сценарию обманувшего охрану колонии и подавшегося в леса. След беглеца и привел розыскников сюда, к болоту. Еще через полчаса их сослуживец, найденный в камышовой чащобе, так сказать, давал показания:

— Черта с два вы бы меня поймали, если бы не эта хлябь! Я в одном месте мостки какие-то нашел, хотел по ним в глубину болота уйти, но, если честно, сдрейфил. Болот-то я до армии не видел, потому побоялся, что не выберусь оттуда. Мерзкое место.

Болото, бескрайнее, дышавшее смрадом, по берегам заросло тальником и низкорослыми чахлыми березами. Над черной водой вились звеневшие облака комаров.

— Ты не пошел — другой пойдет, — сказал прапорщик. — Наверняка здесь есть острова, где можно отсидеться. Показывай, что за мостки обнаружил. Где?

— Да уже точно и не скажу. Примерно вот в этом месте...

Старательно ощупывая впереди себя дно слегой, прапорщик двинулся среди камышей вдоль берега. Болото здесь было мелким. Вот конец палки уткнулся во что-то твердое. Это оказался изъеденный ржавчиной наспинный термос непривычной формы. На боках его кое-где сохранилась краска защитного цвета, у горлыш-

ка проступало фабричное клеймо: свастика. Находка для этих мест не удивительная — бои тут шли большие, и прапорщик опять заработал слегой: вдруг рядом еще что обнаружится?

Обнаружились сплетенные из ветвей пешеходные мостки, идущие от берега в глубину болота. Они обросли свежими подводными лианами, потому были прочны, и сначала командир, а потом и его подчиненные пошли по вибрирующему под ногами настилу. Метров через сто пятьдесят мостки закончились, и между людьми и островом, появившимся перед ними, чернел в воде огромный ствол дерева-топляка. Прапорщик осторожно ступил на него: ничего, держит, не сгнил. Короткая пробежка — и он уже на острове.

— Все ко мне, смелее!

Островок был невелик, метров пятьдесят на сорок. Осматривать здесь по существу было нечего, и они бы со спокойной совестью отправились назад, если бы Астахов, радист, не обратил внимание на черный провал. Взгорок, две березки — и дыра, уходящая под корни деревьев.

Подшли ближе. Это оказался старый, с обвалившимися от времени и непогод стенками вход в землянку. Остатки ступеней, деревянная дверь со ржавой скобой вместо ручки. Что за нею? Прапорщик включил фонарик, толкнул дверь, ступил через порог и... И едва не прыгнул назад. Прямо у его ног лежал скелет, чуть дальше — второй, а в самом углу землянки, возле маленькой железной печки-бочонка — третий. На костях виднелись остатки мундирного сукна, форменные ремни с потускневшими бляхами, съезжившиеся сапоги.

Впритык к стене стоял грубо сколоченный деревянный стол, уставленный аппаратурой, чуть ли не половина его была занята пультом со множеством кнопок и сигнальных лампочек.

— Астахов, что это? — спросил прапорщик.

Ефрейтор-связист прошел поближе к столу:

— Это, кажется... Ну да, так и есть. Электрическая подрывная машинка, система для подрыва радиофугасов.

Он защелкал тумблерами, и совершенно неожиданно на пульте загорелись две зеленые лампочки.

— Ни черта себе! Товарищ прапорщик, все это еще... Еще действует, представляете? В голове не укладывается...

2

Райвоенком не первый раз встречался с директором школы и давно привык к его манере разговора: неторопливой, обстоятельной, где было тщательно взвешено и выверено каждое слово. Однако сейчас, когда на территории района производилось сложное разминирование и была дорога каждая минута, директорская медлительность раздражала его. Директор школы вспоминал прошлое.

— Армейскому командованию стало известно, что фашисты, стремясь любой ценой сбить темп ожидаемого наступления наших войск, приступили в Белоруссии к созданию ряда крупных узлов минных заграждений. Чаще всего это делалось в лесах, на болотах, на труднопроходимых участках местности — там, где, разрушив коммуникации, можно было на сравнительно длительный срок приостановить и задержать продвижение наших войск. Один из таких узлов заграждений, по данным войсковой разведки, создавался в зоне действий нашего партизанского отряда. И однажды в наш штаб поступила с Большой земли радиограмма. Нам приказывалось обнаружить и развеять возводимый фашистами узел минно-взрывных заграждений, а затем, приняв с воздуха разведывательно-диверсионную группу, помочь ей в его уничтожении. Время для выполнения этого задания было отпущено самое жесткое...

Голос директора звучал тихо, спокойно. Речь лилась медленно, плавно, и военком еле сдерживался, чтобы не поторопить собеседника.

— Я являлся начальником отрядной разведки, и выполнение полученного приказа было поручено мне. Определив несколько наиболее подходящих для узлов заграждений мест, я отправил к ним две разведгруппы. Все выбранные мной участки находились на единственной в округе шоссеиной дороге. Места, куда я послал разведчиков, были наиболее важными либо уязвимыми, а потому охранялись фашистами и полициями с удвоенным вниманием. Словом, мои хлопцы шли в самое пекло. И одна группа погибла целиком, а вторая вернулась в половинном составе. Сведения, доставленные уцелевшими разведчиками, были неутешительными: узла как такового обнаружить не удалось. Но, по данным нашей местной агентуры, в северном районе дамб, который этой группе было приказано тщательно обследовать, производились какие-то земляные работы. Причем только немца-

ми, без привлечения военнопленных или местного населения. Сам район дамб усиленно охранялся, и как раз при попытке проверить полученные от агентуры сведения группа и наткнулась на засаду, из которой едва вырвалась.

Дал я вернувшимся разведчикам день отдыха и снова отправил их к дамбам, приказав любой ценой определить точное место и характер производимых немцами работ. А на следующее утро фашисты начали операцию по прочесыванию нашей партизанской зоны, стремясь обезопасить свой тыл перед ожидаемым наступлением советских войск. Против отряда был брошен кадровый полк. В живой силе немцы превосходили нас вчетверо, о технике и говорить нечего, поэтому по приказу командования бригады мы стали отступать в глубь болот. Уже в дороге отряд догнали посланные мной повторно к дамбам хлопцы. Отправлял в разведку семерых, а возвратились двое, и те раненые. К дамбам они не дошли, также угодив в начатые немцами по всей округе облавы. В бою с карателями и легли пятеро моих разведчиков, а оставшиеся двое, едва держась на ногах от полученных ран, уже были не в состоянии выполнять задание. Этой же ночью на наши сигнальные костры была сброшена армейская разведывательно-диверсионная группа, которой отряд должен был оказать помощь в уничтожении узла заграждения. Группу встречая, приземление прошло успешно...

Директор замолчал, провел рукой по подбородку. Его взгляд был направлен мимо военкома куда-то в стену. Казалось, сейчас не только его мысли, но и он сам находится не здесь, в мирном школьном кабинете, а где-то далеко за этими стенами, в боевом прошлом.

— Группой командовал молоденький младший лейтенант, с ним было шестеро подчиненных. Задание они имели одно: к моменту выхода наших войск к шоссе парализовать узел минных заграждений и не позволить фашистам задержать бросок наших танков к Минску. А расположение узла заграждения, размещение основных его зарядов, план скрытых подходов к ним должны были предоставить группе мы, разведка нашего отряда. Должны, однако не смогли этого сделать.

Я сразу ввел лейтенанта в курс дела, объяснил без прикрас свое и его положение. Но что ему было до моих объяснений и оправданий? Он имел приказ, который обязан был выполнить независимо от сложившихся обстоятельств. Помочь ему я не мог уже ничем. Отряд находился в полукон-

ружении, немцы стремились загнать нас как можно глубже в болота и там уничтожить. Нашу маневренность сковывали раненые, семьи, беженцы, обоз. Словом, положение складывалось весьма незавидное. И не только для нашего отряда, но и для всей бригады. Поэтому штаб приказал мне оказать лейтенанту посильную помощь и заняться выполнением своих прямых обязанностей — разведать маршрут для прорыва отряда в соседний лесной массив, где еще не хозяйничали каратели. Я так и поступил... Что произошло с лейтенантом и его группой дальше, мне неизвестно. А об узле заграждения могу сказать следующее. Я, конечно, допускал возможность его создания, но каких-либо конкретных данных об этом не имел. Могу даже признаться, что только сейчас, после вашего сообщения о находке на острове, я окончательно поверил в реальность его существования.

— Каковы были планы лейтенанта, куда он ушел с группой? — быстро спросил военком, когда директор смолк.

— Не помню, — виновато развел тот руками. — Положение в отряде в ту пору сложилось тяжелое, своих дел навалилось невпроворот. Так что было не до любопытства. Припоминаю, лейтенант разговаривал с одним из моих раненых хлопцев, которые ходили в разведку на дамбы, а потом попросил в штабе проводника, хорошо знающего окрестные болота. Такого человека ему дали.

— Кто он? Жив сейчас или нет? — тотчас последовали вопросы военкома.

— Кто знает, — пожал плечами директор. — Наверное, нет. Потому что был он из местных и, оставшись в живых, обязательно хоть раз наведался бы после войны сюда. Фамилии его я не помню, в отряде его звали Студентом. До войны он учился в Минской консерватории, а в наши края, в родное село, приехал на каникулы. Да только с отдыхом ничего не вышло — война, оккупация, партизанский отряд... У него было что-то с легкими, он вечно кашлял, и мы держали его при штабе. Тем более что он неплохо говорил по-немецки, вел допросы пленных, занимался переводами трофейных документов. Именно его штаб и дал в помощь группе лейтенанта.

— О лейтенанте и его людях больше ничего не слышали?

— Нет. Правда, однажды... Части Красной Армии сразу ушли вдогонку за немцами, а меня здешние власти временно назначили комендантом района. Милиции еще не было, и мои хлопцы добивали в лесах и болотах немцев, полицаяв и про-

чую нечисть. Однажды ко мне доставили неизвестного. Он был ранен, без сознания, причем одет так, что его можно было принять за кого угодно: за нашего и немца, за полицая и власовца. Документов, естественно, при нем не оказалось никаких, да в то время, впрочем, вряд ли кто им верил... Я ломал голову, как поступить с задержанным, и тут кто-то из моих бывших хлопцев-разведчиков сказал, что раненый больно смахивает на одного из солдат лейтенанта, прибывшего под конец нашего партизанствования с Большой земли. Лично у меня такой уверенности не имелось, поэтому, отправив незнакомца в ближайший армейский госпиталь, я на всякий случай сообщил о нем в смерш. Кем был этот человек на самом деле и какова его дальнейшая судьба, мне неизвестно. Не видел его больше и никто из моих хлопцев.

— Как вы могли бы объяснить, что узел заграждения, созданный немцами три десятка лет назад, остался невредимым до наших дней? Что помешало фашистам использовать его по назначению?

Директор развел руки в стороны.

— Не имею представления. Война есть война, на ней могут случаться самые неожиданные вещи.

— Последний вопрос. Не могли бы вы помочь нам установить фамилии участников заброшенной в ваш отряд армейской разведгруппы? Возможно, кто-то из них еще жив и сможет рассказать об интересующей нас операции.

— Помогу с удовольствием. Сразу после войны я писал нечто вроде воспоминаний для нашей областной газеты. Напечатать не напечатал, однако черновики сохранил до сих пор. Фамилий тех солдат и лейтенанта я, вполне понятно, не знаю, но, располагая точными данными о времени и цели их заброски, вы по своим каналам можете их без труда установить.

3

Машина легко и бесшумно неслась по автостраде. Шофер был опытен, дело свое знал в совершенстве, так что скорость почти не ощущалась. Откинувшись на спинку сиденья и полузакрыв глаза, генерал целиком ушел в свои мысли. Еще вчера вечером, всего несколько часов назад, у него были совершенно другие планы...

Служебный телефон зазвонил поздно ночью, но генерал настолько привык к подобным звонкам, что не придавал этому зна-

чения. Голос, прозвучавший в трубке, был ему незнаком.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант...

Дальше последовал разговор, порядком удививший даже его, которого было трудно чем-либо удивить. Неизвестный ему полковник из штаба Белорусского военного округа сообщал, что на их территории обнаружен немецкий узел минных заграждений времен войны и сейчас производится его разминирование. Однако работа осложняется тем, что саперам неизвестны ни план узла, ни система его подрыва, а он находится в рабочем состоянии. Поскольку это тот узел заграждений, который в 1944 году должен был вывести из строя он, теперь генерал, а тогда младший офицер, руководство республики и командование округа просят его прибыть к месту разминирования...

У генерала, привыкшего ценить каждую минуту своего времени, уже вертелся на языке отказ. Действительно, чем он мог помочь, если в глаза не видел узла заграждений, о котором говорил полковник? Более того, он не знал даже приблизительного места его расположения и не обладал какими-либо конкретными данными о нем. Вся информация, которой он располагал, могла быть сообщена им сейчас по телефону. Однако последние слова далекого собеседника заставили его изменить решение.

— Товарищ генерал, мы потревожили не только вас. Нами приглашен еще один участник вашей тогдашней группы.

— Кто именно?

— Лейтенант запаса Вовк, — прозвучал ответ.

— Вовк? Неужели... — голос генерала осекся.

— Так точно, товарищ генерал, ваш бывший старшина жив. И завтра должен прибыть в район разминирования.

— Хорошо, ждите и меня.

Опустив трубку на рычаг, он еще некоторое время стоял у аппарата. Вовк, старшина Степан Вовк, так ты, оказывается, жив. Старшина, которого он знал всего неделю, но который остался в памяти на всю жизнь...

Он принимал свой первый в жизни взвод утром. Ярко светило солнце, тихо шумел в кронах деревьев ветерок. Пахло свежей травой, от бежавшего рядом ручья веяло прохладой. Настроение было прекрасное, внутри все пело, улыбка сама просилась на лицо. В новеньком офицерском обмундировании, с туго перетянутой ремнем та-

лией, в ослепительно начищенных сапогах он медленно шагал вдоль строя своих первых подчиненных. На фронт он пошел добровольцем, оказался в войсках НКВД, успел повоевать, за плечами были ускоренные шестимесячные курсы младших лейтенантов в Саратове. И вот он знакомится со своим первым взводом.

Солдаты были как на подбор: молодые, крепкие, не раз побывавшие в боях, о чем свидетельствовали их многочисленные награды и нашивки за ранения. У него на груди тоже сверкал орден Красной Звезды и была пришита золотистая нашивка-полоска за ранение, так что в этом отношении все было в порядке. Однако чем ближе подходил он к правому флангу, тем медленнее становились шаги и все больше тускнела залитая солнцем поляна, на которой был выстроен взвод. Потому что крайним справа стоял старшина Вовк, командовавший взводом до него.

Лейтенант прибыл в батальон немногим больше суток назад, но был уже порядком наслышан о своем предшественнике. Сам комбат аттестовал его как нельзя лучше, прямо и без всякой дипломатии заявил, что, будь у старшины Вовка на погонах не лычки, а хотя бы по единственной офицерской звездочке, он никогда бы не заменил его на взводе. Уже тогда у лейтенанта шевельнулось в груди чувство, схожее с ревностью.

Когда офицер остановился перед старшиной и увидел его во всей красе, он не поверил собственным глазам. Синяя черкеска с газырями, коричневый бешмет, узкий наборный пояс с огромным кинжалом в отделанных серебром ножнах, высокие хромовые сапоги с мягкими кавказскими подошвами, надвинутая низко на глаза кубанка с алым верхом. Скуластое, с острым подбородком лицо, рыжеватые усы подковой, глубокие складки на лбу и переносице. Средний рост, широкие плечи, кривоватые по-кавалерийски ноги, на вид лет тридцать. Заметив остановившееся против него начальство, старшина резко принял стойку "смирно", распрямил плечи.

— Помощник командира взвода старшина Вовк, — глухо представился он.

От его движений зазвенели висевшие на груди награды. Слева три ордена — две Славы и Красного Знамени, рядом три медали "За отвагу", за оборону Кавказа и Сталинграда. На правой стороне — орден Красной Звезды, два Отчужденной войны. Выше наград — две красные и одна золотистая нашивки за ранения. Ни-

чего не скажешь, с таким иконостасом старшине можно было честно смотреть в глаза кому угодно.

Старшина глядел на лейтенанта в упор. Пристальным и тяжелым был взгляд серых прищуренных глаз, холодным и бесстрастным было лицо старшины.

— Значит, служить будем вместе, — не выдерживая взгляда старшины и отводя глаза в сторону, проговорил лейтенант.

— Так точно, — тем же глухим, без всякой интонации голосом ответил старшина.

После обеда к лейтенанту подошел командир батальона.

— Как взвод? Довольны?

— Чтобы ответить, необходимо хоть раз побывать с ним в настоящем деле. Что же касается внешнего вида... — лейтенант скривил губы и махнул рукой.

Комбат усмехнулся.

— Это, конечно, в огороде старшина Вовка?

— Так точно. Не старшина, а опереточный герой. Я подобное убранство только в кинофильмах о гражданской войне видел. Как будто у нас в армии перестала существовать форма одежды.

Комбат рассмеялся.

— Когда я увидел его впервые, тоже глаза вытаращил. А он мне под нос свои документы. Из коих следует, что он является старшиной кубанской пластунской дивизии, обладающей целым рядом привилегий. В том числе и правом ношения старинной казачьей формы. Вот так-то, лейтенант.

— Пластунская дивизия? — поразился лейтенант. — Никогда не слышал о такой, хотя с казачьей конницей встречался не раз.

— Я раньше тоже. Но чему удивляться? На то она и армия, чтобы каждый знал ровно столько, сколько ему положено.

— Но как он очутился у вас в батальоне?

— У нас в батальоне, лейтенант, — поправил его комбат. — А взяли мы его из госпиталя, прямо из команды выздоравливающих. Батальон только формировался, люди с боевым опытом, тем более младшие командиры, нужны были позарез. А старшина как раз из таких. Вначале он встал было на дыбы — существует, мол, приказ, согласно которому все раненые пластуны обязаны возвращаться обратно в свою дивизию. Однако у меня на руках был тоже приказ — брать в батальон всех, кого сочту нужным. Вот так и стал кубанский пластун старшиной во внутренних войсках.

Уже на следующий день после знаком-

ства со взводом лейтенант получил в штабе батальона боевую задачу. Группа из семи человек под его командованием должна была отправиться в расположение одного из отрядов белорусских партизан. Получив от партизанской разведки сведения о созданном немцами в их районе узле минно-взрывных заграждений, группе следовало вывести его из строя к моменту выхода к нему наших войск.

Обычно задача ставилась командиру группы, а он позже доводил ее до сведения подчиненных. Командир сам отбирал разведчиков, он же назначал из их числа себе заместителя. На сей раз оба эти неписанные правила были нарушены. Боевой приказ ставился одновременно двоим: ему и старшине Вовку, назначенному штабом батальона его заместителем. Остальной личный состав группы — пять человек — также был подобран заранее. Настроение лейтенанта сразу омрачилось: неужели его, офицера и кавалера боевого ордена, считают в штабе мальчишкой, раз приставляют для надзора няньку — угрюмого казачьего старшину?

Плохое настроение не оставляло его вплоть до вечера, когда взвод в полном составе собрался в одной из землянок, чтобы по традиции проводить отправлявшихся на задание товарищей. На длинном столе стояли котелок с разбавленным спиртом и несколько бутылок трофейного шнапса, была разложена нехитрая снедь. Некоторая натянутость, существовавшая поначалу в отношениях между лейтенантом и подчиненными, быстро исчезла, и вскоре за столом сложилась вполне непринужденная обстановка. Один из разведчиков, сержант Свиридов, взял гитару, тронул струны. За столом моментально воцарилась тишина.

*Светит мне на дорогах войны
Материнской любви огонек.
Путь солдата с чужой стороны
До родимого дома далек.*

Для лейтенанта песня была хорошо знакомой еще по предыдущей службе в полковой разведке, однако после возвращения из Куйбышева в действующую армию он слышал ее впервые.

*Птицы вьют надо мною круги,
Возвратившись из дальних краев,
Мой братишка, ты мать береги —
Так нужна ей сыновья любовь.*

Часть разведчиков оставила свои места за столом, сгрудилась вокруг сержанта.

Некоторые потихоньку стали ему подпевать:

*И тебя я, невеста, прошу,
Всех дороже ты мне и милей.
Если голову здесь я сложу,
Ты о матери помни моей.*

Старшина Вовк, примостившийся в начале вечера в углу землянки, сел рядом с лейтенантом.

— Взводный, разреши один вопрос, — своим тусклым голосом произнес он.

— Я вас слушаю, товарищ старшина, — сразу внутренне напрягаясь и стараясь говорить как можно официальнее, отозвался лейтенант.

— К немцам впервые идешь?

Лейтенант удивленно приподнял бровь, взглянул на старшину. То же неподвижное, застывшее, как при вчерашнем знакомстве со взводом, лицо. Ничего не выражающие, смотрящие сквозь собеседника глаза. Почему он спросил? Хочет показать собственную опытность и превосходство над новым командиром? Пожалуй, так.

— В тылу у немцев бывал уже не раз.

В лице старшины ничего не изменилось, он словно не слышал ответа взводного.

— Я тоже. И ни разу, понимаешь, оно так не складывалось, как в нашем штабе планировали. Поэтому, лейтенант, давай-ка отсыдем в сторонку и еще разок прикинем, что за дела-чудеса могут с нами в чужом тылу приключиться.

Все существо лейтенанта восставало против манеры обращения к нему старшины: "взводный", "лейтенант", "давай-ка отсыдем". Нет, не все — голова, которая при любых обстоятельствах должна быть у разведчика холодной и рассудительной, сейчас подсказывала хозяину, что старшина предлагал нужное дело.

*Ходят рядом в солдатской судьбе
Жизнь и смерть по дорожке одной.
Мама, жди — сын вернется к тебе,
Ничего не случится со мной.*

Звенела в землянке гитара, звучали голоса. Сталкивались над столом в тостах кружки и стаканы, слышались воспоминания бывалых разведчиков. Однако лейтенант ничего этого уже не видел и не слышал: он и старшина склонились над картой.

... Сообщение начальника отрядной разведки было кратким. В силу ряда обстоя-

тельств, не зависящих от партизанского командования, немецкий узел заграждений не обнаружен, имеющиеся о нем сведения ориентировочные и непроверенные. Поскольку отряд в настоящее время полуокружен фашистами и положение ухудшается с каждым часом, дальнейшую разведку узла заграждений он вести не может и, согласно приказу штаба бригады, уходит из данного района.

— Так что, дружище, желаю удачи. Не кляни, что подвел, не моя в том вина, — закончил начальник партизанской разведки.

Лейтенант зло ковырнул землю носком сапога. Сообщение партизанского коллеги сразу поставило крест на всех разработанных на Большой земле планах. Конечно, не ему разбираться, все ли сделала партизанская разведка для выполнения полученного приказа Центра. Главное, что невыполненная ею часть общей работы ложилась теперь на плечи его группы, усложняя и без того нелегкое задание. В эту минуту он мысленно поблагодарил старшину, с которым в ночь перед вылетом обсудил несколько запасных вариантов на случай непредвиденных обстоятельств. Это помогло ему сейчас внести поправки в намеченный ранее план действий. Стараясь не показать своего раздражения, он посмотрел на начальника партизанской разведки.

— Значит, ты посылал в поиск две группы и одна из них вернулась с данными, что где-то на дамбах немцы ведут земляные работы. Есть из тех разведчиков кто-нибудь сейчас рядом?

— Да. Один из тех двух, что вернулись из поиска. Кстати, он участвовал и в первой разведке узла минных заграждений. Он в обозе с ранеными.

— Я хотел бы поговорить с ним. Проводи.

Начальник разведки в раздумье сморщил лоб.

— Дел по горло. Да ладно, пошли.

Лейтенант повернулся к одному из догравших сигнальных костров, возле которого тесной группой расположились партизаны и его разведчики.

— Старшина, пойдете со мной! — крикнул он стоявшему к нему влоборота пласуну.

Раненый не рассказал ничего нового. Сообщение о земляных работах на дамбах они получили от своего человека, внедренного в полицию. Точного места работ тот не знал. Вместе с другими здешними полициями охранял участок шоссе,

по которому в направлении дамб шли машины со взрывчаткой и стройматериалами. Возвращались они порожняком. По времени, которое грузовики находились в пути, он рассчитал, что разгрузались машины в районе дамб. Получив это известие, группа решила самым тщательным образом разведать указанное им подозрительное место, особенно два-три участка, наиболее подходивших для устройства узла заграждений. Однако на дальних подходах к дамбам разведчики напорлись на засаду.

Лейтенант достал из планшетки карту, расстелил на дне телеги перед раненым.

— Покажи эти участки. А заодно место, где попали в засаду.

Раненый, приподнявшись на локте, поставил карандашом на ленточке шоссе три маленьких кружочка:

— Здесь болота впритык подходят к дороге и от проезжей части отделены только дамбами. Поручь их хоть в одном месте, болота сразу неужержимо хлынут в брешь, размоют ее и зальют к чертям всю дорогу... А тут мы влопались в засаду. Да так глупо, что половина хлопцев полегла, прежде чем успели за оружие схватиться. Лишь шедших сзади судьба уберегла. Успели залечь, занять оборону, разобраться что к чему. Поначалу от немчуры огнем отбились, а затем и от погоны ускользнули...

Раненый облизал потрескавшиеся губы, откинулся в телеге, прикрыл глаза. Чувствовалось, что он сказал еще не все, что хотел, и лейтенант со старшиной, стоя рядом, терпеливо ждали. Вот партизан снова приоткрыл глаза, скривив от боли лицо, поочередно взглянул на разведчиков.

— Бились мы в засаде недолго, всего пару минут. Немцы срезали у нас четверых, мы, когда они бросились за нами следом, завалили не меньше троих. Вроде бы бой как бой, чего в нем особенного? Только сейчас, когда есть у меня время все вспомнить и представить, как оно случилось, запала мне в голову одна думка. Вряд ли то была засада. И вот почему. Зачем засады устраивают? Чтобы заманить противника в ловушку, поставить его в невыгодные по отношению к себе условия и, по возможности, полностью уничтожить. А немцы ничего такого в голове не имели. Не ждали, покуда мы все из леса выйдем, чтобы перещелкать нас на открытом, пристрелянном заранее месте как цыплят, а открыли огонь сразу, как только показали первые из нас.

Раненый умолк, повторно облизал губы. Немного помолчав, заговорил снова:

— Теперь о месте, где мы наткнулись на немцев. Наш командир группы был из здешних охотников, знал округу как свои пять пальцев и решил идти на разведку дамб через болота. Он собирался выйти сперва к мало кому известному лесному родничку, поблизости от которого располагались три болотных островка. От родника к островкам вела подводная деревянная кладка, сработанная еще до войны нашим командиром и его дружками-охотниками, такими же мостками островки соединялись между собой. От наиболее удаленного от суши островка по одному ему известным кабаньим тропам командир хотел провести нас к дамбам. Возле родника у начала подводной кладки, к которой успел довести группу командир, немцы и встретили нас огнем.

Лейтенант удивленно взглянул на партизана:

— Почему это не могло быть засадой? В здешних лесах, не говоря о болотах, очень мало хорошей питьевой воды. Поэтому рано или поздно к роднику могли прийти партизаны. Вот немцы и поджидали их. Элементарная логика...

Раненый еле заметно усмехнулся, слабо мотнул головой.

— Нет, у немцев в лесной войне тактика иная. Они нас от болот не отпугивают, а, наоборот, стараются загнать в них поглубже. В болотах мы лишены маневренности, скованы по рукам и ногам обозом и ранеными. Связи с Большой землей по воздуху нет, значит, сиди без боеприпасов и продовольствия. Среди топей даже костры не разведешь, чтобы отогреться или приготовить пищу: дым сразу обнаружат немецкие летчики-наблюдатели и либо сами забросают нас бомбами, либо огонь своей артиллерии на лагерь вызовут. Поэтому фашист лес прочесывает, чтобы нас в болота загнать, а не отрезать от них, — с уверенностью закончил партизан.

— В таком случае почему немцы оказались у родника? — спросил лейтенант.

— Не знаю. Может, перекрыли подводную тропу, что ведет к дамбам от родника. Или взяли под контроль дорогу к самим островкам, где у них что-то есть. Только что там может быть? В дремучей лесной глуши, среди торфяников и болот? Штаб, склад, пункт управления, база снабжения? Вряд ли. Потому что ближайший их гарнизон располагается в двух десятках верст от этого места и состоит из зондеркоманды. Выходит, дело заключается в чем-то другом. Вдруг как раз в том, что

напрямую связано с земляными работами, которые немцы ведут на дамбах?

— А если точнее? — поинтересовался лейтенант, слушавший раненого все с большим вниманием.

— Я сам из саперных сержантов. И, ображаю, даже одну дамбу единственной миной или ящиком тола не возьмешь. Чтобы ее в воздух поднять или приличную брешь пробить, не одна тонна взрывчатки нужна. Поэтому зарядов в теле дамб и под полотном дороги должно быть несколько и взрываться они обязаны не абы как, а по системе, чтобы одна взрывная волна не гасила другую. А для этого необходим пульт управления. Может, он в болотах у родника и устроен? На одном из тех островков, от которых нас немцы отогнали?

Лейтенант быстро взглянул на карту.

— От островков к дамбам по прямой не меньше шести километров. Не далековато?

— Нисколько. Им что, траншеи для кабеля копать? Бросил его в болото, притоптал, где сам на дно не ложится, и ни один леший его не сыщет. Не работа, а плевое дело. И что в результате получается? Дамбы и дорога заминированы, вокруг никого нет, следов проводов или траншей тоже не видно. А нажал в глухомани среди болот на кнопку — и все летит в тартарары.

— Да, в твоих словах что-то есть, — задумчиво проговорил лейтенант, сворачивая карту. — Будет время — обязательно присмотрюсь к тем островкам у родничка.

— Ты где родился? — спросил раненый, всматриваясь в пластуна.

— На Кубани.

— А ты? — перевел взгляд партизан на лейтенанта.

— В Москве.

— Проводник вам нужен. Причем из таких, которые здесь каждую кочку и камышинку знают. Иначе ничего путного из вашего похода не выйдет. Пойдете по шерсть, а вернетесь стриженными... Если вообще вернетесь.

— Не назовешь такого проводника?

— Имеется один на примете. Сам из местных, до войны в консерватории учился. Приехал на лето к старикам отдохнуть, а тут вскоре фрицы пожаловали. В первую же зиму явился в отряд, с тех пор при штабе и состоит.

— При штабе? Кто же его нам отдаст, такую важную птаху?

— Отдадут, — уверенно произнес раненый. — Он там писарчуком-переводчиком

числится. Ныне такое времечко, что не до писанины и разговоров, а на иное Студент не пригоден. Квельный он, внутрях что-то жжет, да и кашляет без удержу. Словом, в нестроевых он у нас значится. Но здешние места хорошо знает, всю округу пацаном облазил. Думаю, для ваших нужд его наверняка отдадут. Только нажмите на кого следует крепче. А начните с начальника отрядной разведки: за своих хлопцев он станет цепляться как черт за грешную душу, а потому подсунуть взамен них Студента будет рад-раदेशенек.

— Нажмем, сержант, — пообещал пластун. — Ну, бывай сто лет и гони от себя хворобу.

5

Студент оказался невысоким тщедушным пареньком с залитыми пятнистым румянцем щеками, узкими, как у подростка, плечами, с впалой грудью. Но в карте разбирался неплохо, знал и нужный разведчикам родничок среди болот. Идти проводником согласился без раздумий и уже через несколько минут сидел вместе с лейтенантом и старшиной над картой, намечая предстоящий маршрут.

Выросший в здешних местах, он прекрасно разбирался в сложной паутине извилистых, едва заметных в лунном свете болотных тропинок и звериных троп. Не заглядывая в карту и словно забыв о компасе, ориентируясь по звездам и с детства знакомым ему приметам, уверенно вел маленький отряд в нужном направлении.

Выступив в путь в сумерках, бойцы двигались по болотам всю ночь. Едва начало светать и лес, высившийся прежде по берегам болота сплошной черной стеной, стал распадаться на отдельные деревья и кусты, партизан остановился.

— Сейчас лучше выйти на сушу, — тихо сказал он подошедшему лейтенанту. — Стоит взойти солнцу, и мы будем видны с берега как на ладони. А уйти глубже в камыши нельзя — начинается трясина. Здесь же для выхода самое удобное место: сразу у берега овраг, который доведет нас почти к роднику.

— Найдешь на карте место, где мы находимся?

— Конечно. Этот овраг единственный на всю округу.

Лейтенант посмотрел на темневший впереди берег.

— Идем. Передать по цепочке — быть начеку.

Он хотел сделать первый шаг к суше,

однако пластун осторожно взял его за руку.

— Погоди. В таком деле спешка ни к чему.

Он вытащил из воды палку, с которой шел по болоту, размахнувшись, далеко швырнул ее над верхушками камышей в сторону. Описав полукруг, палка с громким всплеском упала в воду. Тотчас с берега взмыло в небо несколько осветительных ракет, тишину ночи прорезала длинная пулеметная очередь. Струя трассирующих пуль хлестнула как раз по тому месту, где упала брошенная старшиной палка. А с суши уже поливал свинцом камыши второй пулемет, наперегонки строчило несколько автоматов.

— Пригнись.

Тяжелая рука старшины легла лейтенанту на плечо, с силой надавила вниз. Он как можно глубже присел в воде, оставив над ней только голову. Пули, выпущенные наугад, шлепались вокруг, забрызгивая лицо водой, срезали над пилоткой стебли камыша. Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Немного выждав, лейтенант выпрямился, глянул на проводника.

— Пойдем дальше. Туда, где следующий выход на берег.

Теперь им пришлось забираться в глубь болот, потому что участок, по которому предстояло идти, был чист от растительности. Там, где болото снова зарастало камышом, а к урезу воды подступал береговой кустарник, партизан остановился.

— Здесь.

И опять повторилось старое: брошенная в сторону палка, серия взлетевших в воздух ракет, стрельба с берега. Раненый партизанский разведчик был прав: в болота куда легче оказалось войти, чем из них выбраться. А рассвет неумолимо приближался. Утренний туман начинал редеть, камыши у берега становились все менее надежным убежищем. Было два выхода: либо уйти на день как можно дальше в болота, чтобы затаиться там до темноты, либо в оставшееся до восхода солнца время все-таки попытаться выбраться на берег. Лейтенант никак не мог принять нужное решение, и тут ему помог старшина.

— Послушай, музыкант, — обратился он к проводнику, — следующий лаз из этой вони далеко?

— Полчаса ходьбы. Но думаю, что он тоже перекрыт. Вместе с немцами действуют и местные полиция, а они болота не хуже нашего знают. Поэтому все мелко-

дье, где можно выйти на сушу, перехвачено дозорами, а нам оставлены лишь трясини да открытые участки. Покуда не поздно, надо уходить от берега.

— Хватит, находились уже влать, — буркнул пластун. — Все косточки от мокроты судорога тянет, за день тут сгниешь заживо. И вообще, Бог троицу любит — попытаем счастья еще раз. Верно говорю, взводный?

И столько уверенности и решимости было в голосе старшины, что эти его несколько фраз разрешили все лейтенантские сомнения. Тем более что он хорошо понимал: потеря дня может иметь для группы самые роковые последствия.

— Вперед, к следующему выходу! — приказал он проводнику.

Когда примерно после получаса ходьбы партизан остановился, старшина молча отодвинул лейтенанта плечом в сторону, встал на его место рядом с проводником. Вытянув шею, некоторое время пристально всматривался в высокий, скрытый кустарником берег, к которому вплотную подступали камыши.

— Чую, что и здесь нас поджидают, — тихо, словно самому себе, сказал Вовк. — Ничего, дождались, — со зловещей интонацией в голосе добавил он и, обернувшись, глянул на лейтенанта. — Кому-то надобно идти на берег первым и расчистить дорогу. Разреши мне и Свиридову.

— Идите.

Лейтенант был наслышан, что сержант Свиридов был единственным в батальоне человеком, к которому старшина проявлял симпатию и неизменно брал на все свои операции в немецком тылу. Сейчас он смотрел, как оба разведчика отдали товарищам свои автоматы и вещмешки, оставив при себе лишь кинжалы, гранаты и поставленные на боевой взвод пистолеты в расстегнутых кобурах. Старшина сказал:

— Трижды ухну филином — путь свободен. Ну, а коли начнется фейерверк, уходите без промедления: здесь больше делать нечего. Мы с сержантом, ежели уцелеем, присоединимся к группе у родника. Ждите до захода солнца.

Не дожидаясь ответа и не простившись, пластун шагнул в камыши и тотчас слился с ними. Замерев на месте, с тревожно бьющимся сердцем, намертво вцепившись пальцами в приклад автомата, взводный напряженно вслушивался в тишину. Однако расстилавшиеся вокруг болота и обступившие группу камыши, с каждой минутой все отчетливее просматри-

вавшийся берег молчали. Ему показалось, что минула целая вечность, пока откуда-то с суши трижды прокричал филин. Через непродолжительное время уханье повторилось. И хотя лейтенант ждал этих звуков, они прозвучали так неожиданно, что еще несколько секунд он продолжал стоять без движения.

— Это старшина, — негромко произнес кто-то из разведчиков.

Лишь теперь взводный окончательно поверил, что не ослышался.

— К берегу, — бросил он стоявшему рядом проводнику.

Старшина и сержант встретили их в низкорослом кустарнике у высокой стройной сосны. В руках у пластуна был немецкий автомат с отброшенным прикладом, сержант держал наизготовку трофейный пулемет. На небольшом пригорке возле берега был вырыт окоп, искусно замаскированный травой и болотными кочками. Проходя мимо, лейтенант заглянул внутрь и увидел троих немцев, неподвижно лежавших у пулеметной амбразуры. Сверху на них было брошено еще четыре трупа в мышинного цвета шинелях. Трупы и стены окопа были густо забрызганы кровью, и с невольной пробежавшим по телу холодным ознобом лейтенант быстро отвел взгляд в сторону. Старшина, заметивший это, расценил его реакцию по-своему.

— Не волнуйся, взводный, вся засада туточки лежит. Сам проверил, ни один шваб живым не ушел. А вот нам отсюда надобно исчезать скорее — погони не мिनать.

И он указал глазами на аккуратно выдолбленную в стенке окопа нишу, где стояла разбитая ударом приклада полевая рация...

Разведчики отошли от окопа на несколько километров, когда услышали собачий лай. Что ж, этого и следовало ожидать. Не выйдя на связь по рации с одной из своих засад, немцы должны были явиться туда с проверкой и, увидев результаты работы старшины и сержанта, организовать погоню. Самым неприятным было то, что десантников преследовало сразу несколько групп, перекрывая им дорогу в глубину леса и назад, к партизанскому отряду. Свободным оставался один путь — обратно к болоту и затем вдоль него. Однако вряд ли можно было надеяться, что фашисты оставят их в покое и там. Решение напрашивалось одно: частью сил задерживать немцев на месте и позволить остальным разведчикам ускользнуть от погони.

Десантники так и поступили. Около получаса они слышали позади себя очереди

двух ППШ и сплошную трескотню вражеских автоматов, гулкие хлопки гранатных разрывов. Потом все стихло. Лейтенант уже думал, что им удалось оторваться от преследователей, как собачий лай возник снова, причем теперь уже с трех сторон.

Лейтенант остановился, прислонился спиной к прохладному, шершавому стволу граба, шумно перевел дыхание. Внимательно осмотрел сгрудившихся вокруг него разведчиков. Ни на одном лице признаков страха или растерянности — лишь нетерпение и тревожное ожидание. А лай приближался, торопя принимать решение. Взводный, оценивая местность, огляделся. Болото начиналось уже в сотне шагов от них, его зловонное дыхание отчетливо ощущалось и здесь, в лесу. Вниз по склону пригорка, на котором остановились разведчики, уходили частые кусты орешника. В направлении болота змеились несколько глубоких промоин, по которым в период таяния снегов, во время дождей стекала в него вода. Да, позиция оказалась неплохой, и он правильно сделал, решив принять бой именно здесь.

Теперь главное — верно распределить силы. Ведь на этот раз немцев требуется не просто задержать, их необходимо отвлечь от той части группы, которая направится через болото к роднику, чтобы продолжить выполнение задания. Поэтому в первую очередь нужно уничтожить идущих по следу разведчиков собак, а если это не удастся, дать им хотя бы два ложных следа, уводя от десантников, которые пойдут к дамбам. Чтобы осуществить задуманное, необходимо задействовать как минимум две пары разведчиков, то есть четырех из пяти оставшихся в группе, считая его самого. Однако кого выбрать пятым? Того, кто вместе с проводником сможет пройти через болота, пробиться через возможные засады, обойти вражеские секреты, обнаружить узел заграждений или его пульт управления и выполнить задание?

Лейтенант посмотрел на старшину Вовка. Опустив голову и прикрыв глаза, пластун, казалось, дремал. Его лицо было спокойно и неподвижно, рука с зажатым в ней автоматом опущена вдоль бедра.

Лейтенант оттолкнулся от дерева, набрал в грудь побольше воздуха. Проглотил застрявший в горле комок.

— Группа, слушай боевой приказ...

6

Немцы появились через двадцать минут после ухода старшины и проводника. Вна-

чале рядом с пригорком раздался хриплый, злобный лай, затем из-за куста лещины метнулось поджарое, с желтизной на боках тело овчарки с опущенной к земле мордой. За собакой показались два первых немца. Одновременно слева и справа от них замелькали среди деревьев полу-согнутые, с автоматами в руках фигуры в пятнистых маскахалатах и касках. По их оружию и снаряжению, по сноровке и легкому бесшумному бегу, по умению даже во время движения прятаться за стволы деревьев, избегая открытых мест, лейтенант понял, что пред ним не обыкновенная пехота, переброшенная с передовой или ближайших фронтовых тылов, а солдаты специальных, так называемых "охотничьих команд", натасканных для борьбы с партизанами.

Об этом он догадывался и раньше, как только почувствовал за собой погоню. Уж больно знаком ему был почерк преследователей! Охват противника сразу с нескольких направлений и ведение погони одновременно тремя-четырьмя группами, отсечение беглецам всех возможных путей к отступлению и стремление загнать их в нужное для себя место — это были любимые способы действий эсэсовских "ягдкоманд". Значит, он оказался трижды прав, давая старшине и проводнику возможность как можно дальше оторваться от столь опасного врага.

Лейтенант удобнее устроился на дне промоины, взглянул на лежавшего рядом с ним сержанта Свиридова.

— Бей по овчарке, что идет по следу. Стреляй только после меня.

Тщательно прицелившись в мелькавшую перед ним фигуру немца, он плавно нажал спусковой крючок автомата. Фашист покачнулся и рухнул. Тотчас ударил длинными очередями МГ, который сержант тащил на себе от окопа с уничтоженной немецкой засадой. Застрочили и два ППШ слева, где лежала вторая пара разведчиков.

Ведя огонь короткими очередями, лейтенант внимательно следил за складывавшейся обстановкой. Немцы, наткнувшись на кинжальный огонь, быстро пришли в себя и стали окружать разведчиков. Одни, оставаясь на месте, открыли интенсивную стрельбу из-за укрытий, другие, растекаясь вправо и влево от пригорка, стремились зайти обороняющимся во фланги и в тыл, полностью замкнув этим кольцо окружения.

Лейтенант взглянул на часы: с момента ухода старшины и проводника прошло около часа. Неплохо. Теперь прикрытию

предстояло выполнить вторую часть задачи: не позволив окружить себя на пригорке, выскользнуть парами в разные стороны из вражеского полукольца и увести погоню от следа пластуна и партизана, после чего самостоятельно идти на общий пункт сбора к роднику.

Достреляв оставшиеся в диске патроны и заменив его новым, лейтенант пронзительно свистнул, что должно было служить сигналом к отходу для второй пары разведчиков.

— Уходим! — сползая на дно промоины, крикнул он Свиридову.

Но пулемет сержанта, как и прежде, продолжал методично посылать очередь за очередью. Приподнявшись на корточках, лейтенант взглянул на Свиридова. Скривившись от боли и закусив губу, тот лежал в луже крови.

— Что с тобой, сержант? — тревожно спросил взводный.

На мгновение оторвавшись от приклада пулемета, Свиридов повернул к нему побледневшее лицо.

— Не то говоришь, лейтенант, — прохрипел он. — Уходи, не теряй напрасно время.

— А ты?

— У меня своя дорога... А ты спешу, куда я тебя огоньком могу поддержать.

Где ползком, где на четвереньках лейтенант быстро добрался до конца промоины, осторожно приподнял голову над гребнем. Немцы были уже на краю болота, полностью отрезав пригорок от воды и леса. Двое из них, спрятавшись за толстым деревом, склонились над пулеметом, собираясь открыть огонь по разведчикам с фланга. Став на колено, лейтенант швырнул в них гранату и метнулся в поднятое взрывом облако пыли и опавших на землю листьев. Еще раньше, лежа на пригорке в ожидании фашистов, он наметил себе путь отхода и сейчас не терял ни секунды. Упал на землю, кубарем скатился на дно высохшего ручья и, работая руками и ногами, пополз по нему в сторону леса. Прежде чем вскочить на ноги, высунул надетую на ствол автомата пилотку, и рой пуль, пронесшихся над ней, развеял надежды, что ему удалось уйти с пригорка незамеченным.

Несколько немцев уже бежали наперерез, стремясь отсечь беглецу дорогу к лесу. Короткими прицельными очередями он свалил двоих в траву, заставив остальных остановиться и спрятаться за деревьями. Однако, будучи теперь в безопасности, фашисты подставили себя Свири-

дову. И тот не замедлил этим воспользоваться. Серией длинных очередей он заставил "охотников" вначале попадать на землю, а затем в поисках спасения расползтись в разные стороны.

— Спасибо, сержант, — прошептал лейтенант, поднимаясь со дна бывшего ручья.

Несколькими прыжками он достиг спасительного леса, юркнул за ствол дерева, выглянул из-за него. Окружив пригорок, немцы лезли к вершине со всех направлений, и пулемет сержанта бил по ним почти в упор. Пуля, просвистевшая у виска, заставила лейтенанта быстро спрятать голову, однако боковым зрением он все же успел заметить три фигуры в маскхалатах, поднявшихся с земли и бросившихся к его дереву. Выхватив из-за пояса две гранаты, он одну за другой швырнул их в немцев и исчез в лесу.

Он бежал до тех пор, покада не стали подкашиваться ноги. Остановившись, лейтенант вытер пилоткой залитое потом лицо, расстегнул под маскхалатом гимнастерку и в изнеможении опустился на траву. Сердце колотилось, колени трясло мелкой дрожью. Положив автомат рядом, он вытянул ноги и, опершись на локти, откинулся назад, подставив влажное лицо легкому и прохладному лесному ветерку.

Так он отдыхал несколько минут. Неясные отрывистые звуки, донесшиеся со стороны, откуда он прибежал, заставили его насторожиться. Звуки повторились, и на этот раз он отчетливо слышал раскатыстый, усиливаемый эхом собачий лай. Это лейтенанта не удивило: немцы для того и берегли овчарок, чтобы иметь возможность продолжить погоню. Но приближавшийся лай свидетельствовал не только о надвигавшейся опасности. Он также говорил, что его замысел удался полностью: потеряв вначале драгоценное время в бою у пригорка, "охотники" сейчас распылили силы на преследование отвлекающих групп разведчиков.

Лейтенант не спеша поднялся, взял автомат, с трудом сделал первый шаг. Теперь он не бежал, даже не торопился, а спокойно шел словно на ватных от усталости ногах и внимательно осматривался по сторонам. Он знал, что от собак ему не уйти, и немцы рано или поздно настигнут его, что новый бой с ними неизбежен. Поэтому сейчас он выбирал позицию, которая помогла бы одержать верх в схватке, где ему приходилось надеяться только на себя да на удачу. Вскоре лейтенант нашел то, что искал...

"Охотники" высыпали из-за кустов неши-

рокой густой цепью, впереди бежал проводник с собакой. Чувствуя, что преследуемый рядом, овчарка рвала поводок из рук, поднималась на задние лапы, теряла временами от злобы голос. Лейтенант, взявший вначале на мушку собаку, после мгновенного раздумья прицелился в грудь ее хозяина и нажал на спуск. Прежде чем проводник с разбега грохнулся на землю, а остальные немцы попадали в траву, он успел свалить очередью еще одного "охотника".

Теперь пришло время заняться собакой. Предчувствуя свою гибель, та бешено рвала из рук мертвого проводника намотанный вокруг его запястья повод, тщетно пытаясь перегрызть его и забрызгивая все вокруг себя желтой пеной. Уложив ее короткой очередью рядом с хозяином, лейтенант пополз среди кустов к толстому дубу, за которым начиналась широкая поляна, заросшая высокой, в половину человеческого роста, травой.

Приподнявшись за деревом, он выглянул из-за ствола. Немцы, не стреляя, пытались взять его в клещи, заходя одновременно слева и справа. Хотят захватить живым? Что ж, пусть попробуют... Достав из карманов две гранаты-лимонки, он бросил их в ближайших к нему "охотников" и, снова упав на землю, ужом заскользил в траве. Примерно на середине поляны он остановился, развернулся в сторону преследователей и осмотрелся.

Немцы уже достигли начала поляны и, прячась за стволами растущих вокруг нее деревьев, начали брать поляну в кольцо. Они делали именно то, на что рассчитывал лейтенант, навязывая им в этом месте бой. Теперь все зависело от его находчивости и умения. Наскоро целясь, он произвел несколько коротких очередей по немцам, перебежавшим слева от него. Затем отполз немного в сторону и выпустил последние в магазине патроны по тем, что виднелись справа. Тотчас от дуба, который он только что оставил, застучал вражеский пулемет.

Первая длинная очередь легла позади лейтенанта, следующие — справа и слева от места, откуда он стрелял. Заговорили и немецкие автоматы с флангов, отрезая ему возможные пути отступления с поляны. Присоединив к автомату последний диск, взводный выпустил еще две-три очереди и пополз. Однако не назад или куда-нибудь в сторону, а прямо на огонь пулеметов, точно по тому пути, которым полз от дуба сюда. Именно на этом безрассудном маневре он и строил план своего спасения: "охотники" могли ждать от него про-

рыва из их кольца в любом направлении, но только не в этом.

Он подполз к дубу на расстояние броски гранаты, накинуд на голову капюшон маскхалата, осторожно приподнялся над землей. Возле пулемета лежали трое, и сколько он ни всматривался в растущие рядом кусты и деревья, не обнаружил больше никого. Стараясь делать как можно меньше движений, лейтенант достал последнюю гранату, пристроил удобнее под рукой автомат. Приподнялся на левом локте, швырнул на лающий звук пулемета гранату и, едва просвистели над головой осколки, вскочил с прижатым к бедру автоматом. Безостановочно строча на бегу в образовавшийся на месте взрыва столб пыли, он бросился к дубу. Все три немца были мертвы, пулемет разбит и перевернут.

Запутывая следы, он часа полтора бесцельно метался по лесу и торфяникам, затем взял курс на место сбора группы к роднику. И здесь судьба снова преподнесла ему сюрприз, лишний раз подтвердив предусмотрительность пластуна. Имея на руках карту с отметкой раненого партизанского разведчика, отлично ориентируясь на незнакомой местности, лейтенант так и не смог найти родник. Ни в эту ночь, ни на следующий день. А вечером недалеке от дамб он наткнулся на партизан, сообщивших, что район полностью освобожден от немцев. Единственный вопрос, который он задал первому же встреченному офицеру, был о том, взорвано ли где в округе шоссе? Услышав в ответ, что дорога свободна до самого Минска и бои идут уже на его подступах, он так широко и счастливо улыбнулся, что офицер только недоуменно пожал плечами...

С тех пор прошло много лет. Хотя он воевал до последнего дня войны и участвовал в десятках других, не менее сложных и рискованных операций, те несколько суток в белорусских лесах и болотах врезались ему в память на всю жизнь. То задание было первым в его офицерской биографии, и потом он познакомился с чудесным человеком — старшиной Вовком.

Завтра он увидит его, человека, которого так часто вспоминал и которого давно исключил из списка живых...

(Окончание следует)

Пространство любви

Людила РОМАНЕНКОВА

В душе так чисто все, так ясно.
 Дышу свободно и легко.
 А я-то думала: прекрасно
 Бывает то, что далеко.
 А я хотела много света,
 Боялась низких хмурых туч,
 Забыв, что вестником рассвета
 Является один лишь луч.
 Забыв о том, что и в морозы,
 Когда деревья все во сне,
 Листочком веточка березы
 Сидит в бутылке на окне.
 Вот так не сразу постигалось
 Сквозь заблуждений прошлых власть,
 Что хороша любая малость,
 Когда она большого часть.

* * *

С годами мы становимся щедрей,
 Своей души для ближних не жалеем.
 С годами мы становимся мудрей—
 Добро от зла мы отличать умеем,
 Добром на зло умеем отвечать
 И радость находить в чужой удаче...
 Привыкнув не копить,
 а расточать, —
 С годами мы становимся богаче!

Мария ШНАПЬЕВА

В.Л.

Отпустила грехи,
 все бывшие обиды простила,
 По знакомым ступеням
 спускаясь в заснеженный сад.
 Я в пространстве любви
 не жила, а случайно гостила,
 Но хозяин устал,
 и пора возвращаться назад.
 Вот сейчас я уйду,
 а с тобой ничего не случится.
 Не окликнешь меня
 и за мною не бросишься вслед.
 Лишь откроется дверь
 и беззвучно опять затворится —

В странном доме твоём
 даже эха на лестнице нет.
 В странном доме твоём
 одинаковы вечер и утро.
 Безраздельно царит в нём
 давно равнодушный покой.
 И январские звезды
 похожи на горсть перламутра,
 Что рассыпана в небе
 небрежною чьей-то рукой.
 Над холодным простором
 застыла холодная вечность.
 Дом, похожий на айсберг,
 угрюмо таится в ночи.
 Лишь в высоком окне
 сквозь ажурную снежную млечность
 Чуть заметно трепещет
 ладонь золотая свечи.
 Догорает свеча,
 и разлука уже неизбежна.
 Ждет давно у крыльца
 тройка резвых коней вороных.
 Я бы стать не смогла
 никогда королевою снежной —
 Слишком сердце мое
 горячо для дворцов ледяных.

Антисказка

Цепочка тусклых фонарей
 И тыква у крыльца,
 И замарашка у дверей
 Роскошного дворца.
 И тишина. И страшный звук...
 И принцу невдомек,
 Что раздавил его каблук
 Хрустальный башмачок...

Ташара ДУНАЕВСКАЯ

Комбат

— Лейтенант Бирюкова, —
Сказал мне комбат глуховато, —
С вами мы земляки,
Не сочтите за труд, медсестра,
Если сгину в бою,
Навестите родимую хату
На крутом берегу,
Возле самой излуки Хопра.
Навестите ее,
Поклонитесь березам да ивам.
И, ступив на порог,
Не спешите вспугнуть тишину.
Передайте привет
Вы моим старикам хлопотливым,
Обласкайте детей,
Успокойте, утешьте жену.
Я шутила в ответ:
— Ерунда, мол, расслабились малость.
Проживете сто лет,
Оставаясь у всех на виду.
А назавтра в сражении
Пуля комбату досталась.
Это надо же так
Предсказать и предвидеть беду.
Вот и нет земляка.
Я редела всю ночь, как девчонка,
Наш уклад фронтовой,
Наши будни лихие кляня.
В черноземье мое
На рассвете ушла похоронка.
А еще через день
Полоснуло осколком меня.
Отгремели бои.
Время многое в жизни итожит.
И не та уже прыть,
И не выйдешь порой со двора.
А еще меня стыд
Вечерами тоскливыми гложет,
Что пробить не смогла
Я тропинку к излуке Хопра.

Санинструктор

Вере Мартыновой,
однополчанке

Нас ломало и било одною бедой.
Породнила нас общая вера.
Мы подруги с тобою,
мы сестры с тобой,
Санинструктор Мартынова Вера.
"Ничего, — говорила ты мне, —
потерли", —
Если мы голодали и стыли.
Ты осталась лежать
в сталинградской степи,
В безымянной солдатской могиле.

В том бою и другие навечно легли.
Ну а после на холоде лютом
Мы, живые, тогда вашу память почли
Автоматным коротким салютом...
И опять мы на волжском степном берегу.
Майской свежести мирное утро.
Никогда я уже позабыть не смогу
И других, и тебя, санинструктор.

Над ручьем весенним

Над ручьем весенним
Мы не раз шептали,
Присказке старинной
Веря иногда:
— Унеси тревоги,
Унеси печали,
Шумная, седая,
Талая вода.
Многое смывалось,
Что-то оставалось.
Только и сегодня,
Раннею весной,
Хочется, чтоб счастье
Прочно задержалось,
Чтобы все невзгоды
Плыли стороной.
Чтоб строкой тревожной
Не пугали вести,
И был смех ребячий
Звонче и бодрей.
Чтоб светило солнце,
Всюду пелись песни,
Чтобы люди стали
Лучше и добрей.

Агата КРИСТИ

Два рассказа

Невезучая молодая особа

Секретарша мистера Пайна объявила, что его жаждет видеть молоденькая леди.

— Она не внесена в список посетителей, — проговорила мисс Лемон.

— Неважно, пропустите ее.

И через минуту хозяин уже здоровался с гостьей.

— Доброе утро, садитесь, пожалуйста.

Девушка села и подняла глаза на мистера Паркера Пайна. Она была прехорошенькая и совсем юная. По изящной шейке рассыпались пышные темные кудри. Гостья была само совершенство, начиная от белой вязаной шапочки и до узеньких носочков туфель. Посетительница была сильно взволнована.

— Вы, мистер Пайн, в своих объявлениях пишете, что помогаете несчастным.

— Да.

— Так вот, я очень несчастлива. У меня большие неприятности, — проговорила гостья и нервно сжала руки.

— Мне нужно знать обо всем подробно, заметил хозяин.

Девушка нерешительно посмотрела на него и потом махнула рукой:

— Да, я расскажу вам все. Теперь уже окончательно на это решилась. Знаете, дошла чуть не до помешательства. Не представляла, куда податься, и тут прочла ваше объявление. Сначала подумала, что это чушь, шарлатанство, но в конце концов вреда ведь это не принесет. И потом, надо же кому-нибудь верить!

— А вы считаете, что мне можно верить? — улыбаясь, спросил мистер Пайн.

Гостья покраснела.

— Мне показалось, что вы заслуживаете доверия.

— Надеюсь это оправдать, — сказал хозяин.

— Тогда выложу все в подробностях. Зовут меня Дафна Джон.

— Да, мисс Джон.

— Миссис. Я замужем.

— О, простите, — пробормотал мистер Пайн, недовольный тем, что не заметил платинового обручального кольца на ее пальце.

— Все неприятности связаны с моим супругом Джеральдом. — Она вынула что-то из сумочки и положила перед мистером Пайном.

Это было кольцо из платины с огромным бриллиантом.

Мистер Пайн взял его, посмотрел в лупу и вернул.

— Прекрасная вещь, стоит не менее двух тысяч фунтов.

— Вы правы, но оно украдено. Я его украла, а теперь не знаю, что делать.

— Дорогая моя, это очень интересно, — заметил хозяин.

Посетительница разрыдалась.

— Успокойтесь, все наладится, — заверил ее мистер Пайн.

Гостья вытерла глаза.

— Неужели? Вы так думаете?

— Конечно, теперь расскажите в подробностях.

— Дело в том, что я ужасно экстравагантна. А Джеральда это раздражает. Муж намного старше меня и спокойнее. Он считает, что делать долги нетерпимо. Поэтому я и не сказала ему, что решила наудачу сыграть в карты, в "железку". Сначала выиграла, а потом дважды проиграла. И... и...

— Все ясно, подробности больше не нужны. Вы оказались перед катастрофой, не так ли?

Дафна кивнула.

— К тому же не могла сказать об этом Джеральду: он ненавидит карточную игру. Сердце у меня ушло в пятки. В тот день мы поехали в гости к Дортмерам. Они очень богаты. Жена Дортмера, Нейоми, училась со мной в школе. Она попросила меня отвезти ее бриллиантовое кольцо к ювелиру... Просто страшно продолжать. Я в другой мастерской сделала копию. А объяснила мастеру так, будто собираюсь за границу и боюсь брать настоящую драгоценность с собой. Ювелир мне поверил. Копия была настолько хороша, что ее трудно отличить от оригинала. И я отдала ее леди Дортмер. А потом заложила настоящее кольцо. — Женщина в ужасе закрыла лицо. — Как я могла? Поступила, как настоящая воровка.

Мистер Пайн кашлянул.

— И это все?

— Нет. Так было неделю назад. Я заплатила все долги, хотя настроение у меня было ужасное. Через неделю умерла моя старенькая тетка и оставила мне деньги. Я тут же бросилась выкупать кольцо, но вдруг возникла непреодолимая преграда.

— Какая же?

— Мы поссорились с Дортмерами, и я не могу теперь взять у Нейоми подделку и обменять ее на настоящее кольцо.

— А разве нельзя это сделать анонимно?

— Тогда моя приятельница понесла бы проверить свое кольцо и обнаружила бы все.

— Но если вы были дружны, неужели нельзя было рассказать ей правду и попросить о милосердии?

— Между нами не существовало такой близости. И потом, там, где деньги или бриллианты, добродетель отсутствует. И Джеральд никогда бы не простил меня. О, в какой капкан я попала. — Она снова разрыдалась. — Мистер Пайн, что мне делать?

— Я всегда выбираю самый простой ход, избегаю сложностей. Основная трудность — незаметно обменять кольцо, не так ли?

— Да, только в этом, — с надеждой пролепетала гостья.

— Уладить будет несложно, надо выиграть время и придумать лучший ход.

Дафна прервала его:

— Но у меня нет времени — вот что приводит меня в ужас. Моя приятельница собирается вставить камень в новую оправу.

— Откуда вы знаете?

— Услышала случайно от одной знакомой.

— Значит, надо действовать быстро, — сказал мистер Пайн и задумался. — Необходимо как-нибудь проникнуть в дом. Возможно, с помощью слуг. Точно нужно установить, где находится переключатель света.

— Это мне известно, — проговорила Дафна. — Есть еще одно интересное обстоятельство: во вторник Нейоми собирается дать бал и ищет двух хороших танцоров для развлечения гостей.

— Такой факт надо взять на вооружение, — сказал мистер Пайн. — А теперь успокойтесь, все будет хорошо, миссис Джон.

И он проводил женщину до двери, а потом пригласил Клода Латрела и Маделин де Сару, необыкновенно привлекательную и сексапильную девушку.

— Ну, детки, у меня есть работенка для вас. Вы отправитесь на званый вечер и будете там танцевать. А теперь идите и готовьтесь.

Леди Дортмер вся погрузилась в организацию бала. Зал был украшен гирляндами из живых цветов. Все кругом благоухало. Случилось только одно недоразумение: двое танцоров из "Красного адмирала" не смогли явиться: Джуанита растянула связки. Но неожиданно вместо Мишеля и Джуаниты предложили свои услуги двое испанцев, Жюль и Сандро. Они такое выдали, что все зрители были в восторге.

А потом красавец Жюль танцевал с самой хозяйкой дома. В самый разгар веселья вдруг погас свет. В темноте Жюль осмелился прильнуть к руке леди Дортмер. Кольцо внезапно соскользнуло с ее пальца, и молодой человек поднял его, когда вспыхнул свет.

— Ваше кольцо, — сказал он, — оно упало. Разрешите надеть? — И Жюль вошел на место прекрасное украшение.

Задание было выполнено. А хозяйка в темноте пережила несколько приятных минут.

Мистер Паркер Пайн прибыл в свой офис в четверг утром. Миссис Джон уже ждала его.

— Ну? — воскликнула она, вся подавшись вперед.

— Конец — делу венец, — ответил мистер Пайн. — А вы очень побледнели, мленькая.

— Не спала всю ночь. Слава Богу, кончились муки наконец. Сколько я вам должна?

— Всего шестьдесят пять фунтов и семнадцать шиллингов. Вот ваше кольцо, — проговорил мистер Пайн и передал его женщине.

Она быстро взглянула на него, размахнулась и выбросила в окно.

Вскоре за ней захлопнулась дверь, а мистер Паркер Пайн выглянул на улицу.

— Кто-нибудь подумает, что он на седьмом небе, найдя такую безделушку! — радостно улыбаясь, заметил он.

Эпизод из супружеской жизни

Мария Пакингтон слышала, как ее супруг гневно чертыхался, разыскивая шляпу: он торопился на автобус, чтобы ехать в город. Женщина готова была разрыдаться, но злость заняла место печали.

— Я этого не допущу! Не позволю! — прошипела она как бы про себя. Несколько мгновений миссис Пакингтон молчала, а потом пробормотала: — Кокетка! Хитрая скверная кошка! И как Джорж может быть таким дураком!

Постепенно гнев прошел, стало тоскливо. Слезы полились из глаз по увядающим щекам.

— Легко сказать — не позволю, но как это сделать?

И она почувствовала себя одинокой, беспомощной, покинутой. Опять взяла утреннюю газету и не в первый раз уже прочла объявление:

“Вы счастливы? Если нет, обратитесь к мистру Паркеру Пайну, 17 Ричмонд стрит”.

— Абсурд, — заключила миссис Пакингтон. — Дикая чушь!.. А что, если все-таки попробовать?..

Вот так, слегка взволнованная, она оказалась у дверей частного офиса мистера Паркера Пайна. При виде хозяина учреждения нервы посетительницы немного успокоились. Человек он был рослый, не слишком толст, но и не слишком тонок, с благородным очертанием лысеющей головы, с сильными очками на маленьких мигающих глазах.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил мистер Пайн. — Вы пришли по моему объявлению?

— Да, — проговорила гостья и смолкла.

— Значит, вы несчастны, — бодрим, не терпящим возражения голосом заявил хозяин. — Что ж, утешьтесь пока тем, что в мире очень мало благополучных людей, вы даже не представляете, насколько ничтожно их число.

— Неужели? — заметила она, хотя ее совсем не волновали чужие беды.

— Поверьте. Тридцать пять лет своей жизни я отдал статистике на государственной службе, теперь на пенсии и могу использовать свой опыт. Все просто. Несчастья можно разделить на пять главных групп, не больше, уверяю вас. И я, как тот врач, сначала ставлю диагноз, а потом предлагаю лечение. Иногда болезнь неизлечима. Если так, то я говорю откровенно, что ничего сделать не могу. Но уверяю, миссис Пакингтон, ваш случай наверняка излечим.

Она с надеждой взглянула на “целителя”: а вдруг тот говорит правду? Не похож вроде на шарлатана.

— Давайте диагностировать ваше заболевание, — сказал мистер Пайн улыбаясь. — Неприятности связаны с вашим супругом. Думаю, по службе он преуспевает. Там есть молоденькая девица, в которой весь корень зла.

— Она машинистка. Гадкая раскрашенная кукла, вся из губной помады, шелковых тряпок и завитушек. — Гневные слова, как жабы, выскакивали из уст женщины.

— А ваш муж говорит, что вы слишком мнительны.

— Это именно его слова.

— Почему, мол, он не может насладиться чистой дружбой молоденькой женщи-

ны, чтобы оживить скуку существования? Бедное дитя, у нее так мало радостей... Тоже его слова?

Миссис Пакингтон согласно кивнула.

— Но все это ложь, обман! Он везет ее на реку. Я столько раз просила его поехать туда со мной, но муж постоянно отнекивается, говорит, что это мешает ему играть в гольф. А для нее он отказывается от игры. Я люблю театр. А Джорж всегда ссылается на то, что ему нельзя поздно возвращаться: нужно рано вставать. А для нее он идет на танцы! Представляете — танцует! И возвращается кутру. Я... я...

— И, наверное, ваш супруг заявляет, что женщины чересчур ревнивы, даже тогда, когда абсолютно нет поводов для ревности.

Миссис Пакингтон вдруг подозрительно глянула на него.

— А откуда вы все это знаете?

— Статистика, — спокойно проговорил мистер Пайн.

— Я так несчастна, хотя всегда была ему хорошей женой. Работала не покладая рук. Никогда не заглядывалась на других мужчин. Его вещи постоянно в порядке, вкусная еда, дом — полная чаша, и все это при строжайшей экономии. А теперь, когда появились деньги, можно широко пожить — новая беда. — И она с трудом перевела дух.

— Я очень хорошо вас понимаю, — проговорил мрачновато Паркер Пайн.

— А сделать-то вы что-нибудь сможете? — спросила она почти шепотом.

— Конечно, миленькая. Это вполне правильно. Доверьтесь мне полностью, но сначала выложите двести гиней.

— Так много?

— Никак не меньше. Душевное спокойствие так же важно, как и физическое.

— Оплата — когда дело выгорит?

— Нет, только заранее.

Миссис Пакингтон поднялась.

— Боюсь, я ошиблась адресом.

— Покупать kota в мешке? — бодренько заметил Пайн. — Может, вы и правы. Деньги большие, чтобы рисковать. Но вы должны доверять мне, иначе нельзя. Таковы условия. А не хотите — дело ваше. До свидания, миссис Пакингтон. Дайте знать, если передумаете.

И он распрощался в своей обычной джентльменской манере.

Когда за ней захлопнулась дверь, хозяин нажал кнопку звонка на столе. На зов ответила секретарша.

— Мисс Лемон, передайте, пожалуйста, Клоду, что я хочу его видеть.

— Что, новая клиентка?

— Именно так. Правда, она улетела в последний момент, но, по моему, еще вернется. Думаю, это произойдет днем, после четырех. Тогда внесите ее в список.

— Случай "А"?

— Конечно. Хотя каждый воображает, что его дело уникально. Ладно, предупредите Клода. На этот раз не нужно излишней экзотики. Никаких духов и желательного, чтобы он покорооче постригся.

В четверть пятого миссис Пакингтон снова появилась в офисе Пайна. Наготове она держала чек, который положила без слов перед хозяином, и получила тут же расписку.

— И теперь? — Клиентка посмотрела на него с надеждой.

— Возвращайтесь домой, — проговорил мистер Пайн улыбаясь, — с первой почтой завтра получите инструкции, которые необходимо выполнить.

И женщина, почти успокоенная, отправилась восвояси...

Ее супруг, переступив порог, собрался защищаться, ожидая, что сейчас опять начнется баталия. Однако он облегченно вздохнул, когда понял, что у жены на этот раз совсем не воинственное настроение. Если бы она знала, что крошка Нэнси приняла его подарок — меховую шубку! Девушка постоянно жаловалась на холод, а эта шубка согреет ее...

Вскоре ему предстоит приятный вечер. Он поведет свою подружку в богатый ресторан. Везде, где Джорж появлялся с ней, молодые люди ему завидовали. Нэнси красotka и любит его! Она постоянно говорит, что ей он совсем не кажется стариком.

Размышляя обо всех этих удовольствиях, Джорж невольно взглянул на жену. Какая все-таки подозрительная и ограниченная женщина его супруга! Всячески старается помешать его счастью.

На следующее утро миссис Пакингтон получила два письма. В одном сообщалось, что ей надлежит посетить косметолога, а в другом говорилось о свидании с портнихой. Вскоре появилось и третье послание от мистера Паркера Пайна, который приглашал ее на ленч.

Выполнив все распоряжения Пайна, миссис Пакингтон преобразилась и совсем не узнала себя в зеркале.

В половине второго она была в ресторане.

— Очаровательно, — заметил мистер Пайн, оглядев ее с ног до головы. — Ваш супруг, миссис Пакингтон будет валяться у вас в ногах. Вот увидите, я обещаю вам. А пока хочу представить вас моему молодому другу. Он позавтракает здесь с вами... Мистер Клод Латрел, миссис Пакингтон.

Клоду было около тридцати, он был грациозен, прекрасно одет и необыкновенно хорош собой.

— Приятно встретиться с вами, — пробормотал он.

Сначала миссис Пакингтон была застенчива, но вскоре освоилась. Молодой человек хорошо знал Париж и водил ее в разные увеселительные заведения. Он спросил, любит ли она танцевать. Женщина ответила, что давно не была нигде, так как ее супруг всегда против этого.

— Не может же он держать вас взаперти, — сказал Клод, улыбнувшись.

В следующую их встречу она имела необыкновенный успех, прекрасно танцевала под руководством Клода Латрела и чувствовала себя молодой девочкой. Миссис Пакингтон уже давным-давно так не развлекалась.

Теперь они без конца проводили время вместе, и молодой человек рассказывал ей о своем детстве, о бедности, в которой жила его семья, а она сочувственно выслушивала все его романтико-трагические повествования.

В один из вечеров они танцевали в "Ред Адмирал", и миссис Пакингтон увидела своего супруга, прежде чем он заметил ее. Джорж был с молодой девицей из своего офиса и тоже танцевал. Когда две танцующие пары случайно оказались рядом, миссис Пакингтон окликнула мужа. Он страшно удивился, сначала покраснел, а потом просто побагровел от изумления. А миссис Пакингтон была в восторге от создавшейся ситуации.

Бедный старый Джорж! Какой он толстый, лысый и неловкий! А танцует, как сто лет назад. Несчастный, как ему хотелось быть молодым! А молоденькая терпела все это и притворялась довольной. Правда, лицо ее выражало смертельную скуку, когда Джорж не видел этого.

Миссис Пакингтон думала, насколько ее положение было более привлекательным.

Она танцевала с изящным молодым человеком, который хорошо ее понимал теперь.

— Давайте потанцуем еще, — предложил Клод.

Она согласилась и была теперь на небесах. Мария сознавала, что глаза мужа ревниво следят за ней. Боже мой, когда все это было! Миссис Пакингтон подумала, что супруг волнуется и ревнует, а ему, бедняге, вредны и ни к чему лишние переживания.

Когда миссис Пакингтон вернулась домой, супруг ее уже поджидал. Выглядел он немного смущенным и растерянным.

— Наконец-то ты вернулась, миленькая. — Джорж кашлянул. — Странная была у нас встреча.

— Разве? — удивилась миссис Пакингтон.

— Я... я помогаю бедной девушке, вывозя ее в свет. Дома у нее столько неприятностей.

Супруга согласно кивнула.

— А кто этот юнец, с которым ты была? Я не знаю его, не так ли?

— Его зовут Клод Латрел.

— Как ты познакомилась с ним?

— О, кто-то нас свел, — небрежно заметила она.

— Довольно странно в твои годы бегать по танцам. Неужели это не понятно, дорогая?

Миссис Пакингтон рассмеялась.

— Перемены в жизни всегда приятны, — весело проворковала супруга.

— Ты должна быть осторожной. Много проходимцев шатается и ищет развлечения. И серьезной женщине глупо связываться с такими. Я только предупреждаю тебя, дорогая.

— А мне кажется, что такие развлечения очень полезны, — отпарировала миссис Пакингтон.

— Да?

— На мой взгляд, ты поступаешь не лучше, — заметила как бы невзначай супруга. — Очень важно чувствовать себя счастливой, не так ли? Я помню, ты любил это повторять лет десять назад. А недавно за завтраком упомянул снова.

Супруг пристально посмотрел на жену, ожидая увидеть на ее лице выражение сарказма. Но она только зевнула.

— Знаешь, мне хочется спать. Да, между прочим, Джорж, надо оплатить несколько чеков. За платье, за массаж, за прическу — все чертовски дорого, но, я думаю, ты не будешь против.

И она пошла к себе, а супруг остался сидеть с открытым от удивления ртом.

Его Мария была необыкновенно хороша в этот вечер. Но как она, образец экономии, решилась на такое?

— Женщины! — только и мог произнести он, потом вздохнул и медленно поплелся наверх.

Предостережения мужа, его высказывания о проходимцах зародили сомнения в душе миссис Пакингтон. Она задумалась. Кто этот Клод? Гиголо?* Но эти обычно живут за счет женщин, а Клод всегда платил за нее. Хотя платил не Клод, а мистер Пайн, у которого были ее собственные деньги, те двести гиней. Кто же она — стареющая дурочка, над которой молодой человек смеялся за ее спиной? И лицо женщины вспыхнуло. Если все так, то она должна отблагодарить его, унижить. Подарить, например, золотой портсигар или еще что-нибудь.

Подарок был выбран, и она отправилась на свидание с Клодом. Когда они сели пить кофе, миссис Пакингтон вынула из сумочки вещьцу.

— Вот маленький презент, — пробормотала она.

Молодой человек нахмурился.

— Это мне?

— Да. Я надеюсь, что тебе он понравится.

— Зачем ты мне делаешь подарки? Я не приму. Возьми его себе. — Он очень рассердился, а темные глаза вспыхнули.

— Извини, не хотела тебя обидеть. — И она спрятала портсигар.

В этот день у них все не ладилось.

На следующее утро Клод позвонил ей.

— Мне очень нужно повидать тебя. Можно зайти к тебе домой?

Миссис Пакингтон разрешила ему прийти к трем.

Молодой человек появился бледный и расстроенный. Разговор снова не ладился. Неожиданно он вскочил и встал перед ней.

— Что ты думаешь обо мне? Мы ведь были друзьями, не так ли? Но я именно то, что ты предполагаешь. Я гиголо, существо, живущее за счет женщин. Так подумала ты обо мне?

— Нет, нет, — запротестовала она, побледнев.

— Все твои мысли правильные, я послан развлекать тебя, переспать с тобой, заста-

вить забыть мужа. Это моя работа. Ну как? Нравится тебе?

— Зачем ты мне все рассказал? — спросила она.

— Затем, что больше не могу так, особенно с тобой. Ты другая, добрая, хорошая женщина. То, что я говорю, правда, не игра.

Он близко подошел к ней.

— Я тебе докажу, брошу все из-за тебя.

Неожиданно молодой человек обнял ее и хотел поцеловать, но потом опомнился и быстро отстранился.

— До свидания. Клянусь, завязываю с этим навсегда, от тебя я ничего не возьму, а сам хочу тебе подарить... — И он снял золотое колечко с пальца.

— Вот подарок моей матери. Я хочу, чтобы ты его носила. А теперь прощай.

И молодой человек ушел, оставив ее буквально остолбеневшей с кольцом на пальце.

Муж пришел домой раньше обычного.

— Никогда больше не буду расстраивать тебя, никогда.

— Знаю, я была глупа. Поухаживай на здоровье за той девицей, если тебе приятно. — Она хотела успокоить супруга, а он рассердился.

— Давай будем везде ходить вместе, Мария? — проговорил он.

— Я на все согласна и счастлива, — ответила миссис Пакингтон.

Бедный Джорж, она любила его со всеми недостатками и достоинствами, таким, каков он есть.

А Клод Латрел направился к боссу.

— Послушайте, — взорвался он, — я не хочу больше. Мне не нравится эта грязная игра.

— Мой дорогой! — воскликнул мистер Пайн, — твоя служба прекрасна. Ты даришь несчастным женщинам романтику и счастье, а они начинают следить за собой, приобретают надлежащий облик, становятся моложе и красивее. Например, твоя работа по отношению к миссис Пакингтон очень удалась.

— Ладно, — пробормотал Клод. — Я больше так не хочу. — И ушел.

А мистер Паркер Пайн вынул новый бланк из ящика стола и написал: "Под влиянием обстоятельств гиголо перевоспитался".

* То же, что сутенер.

Сам себе тренер

РУССКИЙ БОЙ УДАЛЫЙ

Конструкция поединка

Что отличает технику русского кулачного боя от других боевых искусств?

Прежде всего симметрия движений и работа мышц во время схватки.

Вот как выглядит конструкция поединка в современных восточных и европейских школах. До начала атаки мышцы слегка напряжены, так как боец движется в стойке. С момента нанесения удара и до контакта с телом противника напряжение растёт до максимума (концентрация). Затем — расслабление и включение в работу мышц-антагонистов, с помощью которых преодолевается сопротивление мышц, начавших удар. В завершение контакта — полная остановка. При возвратном движении — вновь статичное положение тела, и для нанесения второго удара опять же борьба с мышцами-антагонистами. Все это вызвано тем, что при напряжённом линейном ударе атакующие и возвратные движения совпадают. Правда, некоторые школы используют круговые и эллиптические траектории (цюань-шу, айкидо), но, в отличие от нашей "кулачки", мощного подхлеста не получается, поскольку положение тела фиксировано, а стало быть, нет расслабления во время атаки.

Иные принципы используются в традиционной русской школе. Конструкция боя здесь основана на симметричных в пространстве и времени ударах. Руки и ноги не бьют, а волнообразно хлещут, напрягаясь лишь в момент "акцента". От начала атаки напряжение приводящих (или отводящих) мышц плавно нарастает и затем

так же плавно снижается до нуля к середине траектории второго удара, активно направляя инерцию отходящей конечности в пользу атакующей. Мощность возврата почти всегда превышает мощность самого удара. Таким образом, атака и возврат ("потяг") благодаря симметричным траекториям совершаются одной группой мышц, а их антагонисты включаются в работу при контакте для нанесения в связке второго удара. При отсутствии остановок между ударами потери энергии минимальны — в этом залог выигрыша во времени.

Для наглядности изобразим последовательность прямых и обратных движений с помощью эллиптических траекторий в системе координат (рис. 1).

Естественно, это упрощённая схема: в реальности эллипсы, условно обозначающие удары расслабленной конечностью при максимально быстрых "потягах", — не плоские, а трёхмерные, лопастеобразные, каждый из них включает по два "веера", закрученных в разные стороны.

Очевидны неоспоримые преимущества такой работы:

— высокая скорость и мощность ударов, ибо результат здесь зависит не от силы, а от кинетической энергии;

— свободное дыхание: выдох делается не на каждом ударе, а произвольно (часто один на всю связку);

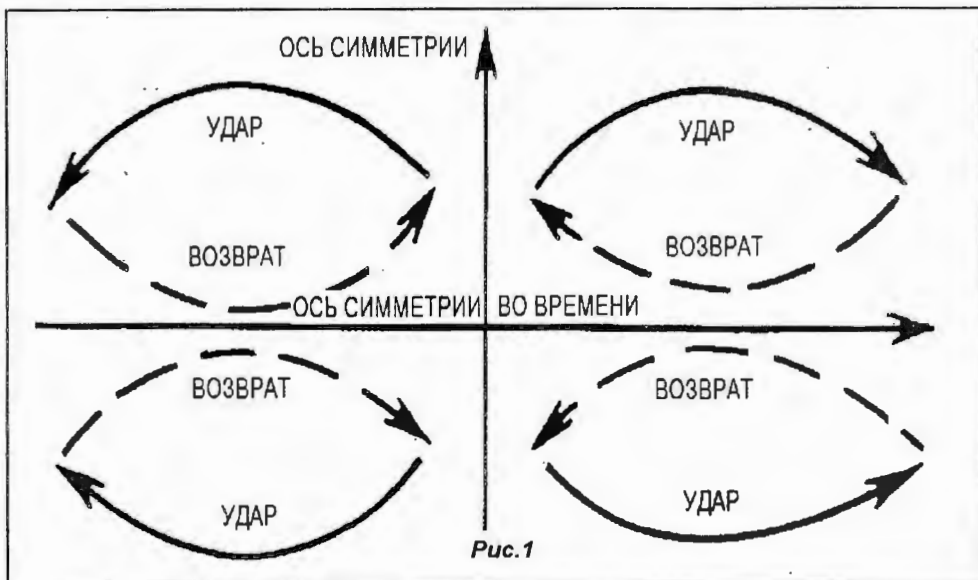

Рис. 1

— хлещущие удары не требуют напряжения и могут наноситься в течение длительного времени;

— отсутствие лишних эмоций, так как нет необходимости в концентрации.

Все это позволяет экономить силу и энергию, спонтанно контролировать внутреннее состояние, петь во время схватки, что невозможно в современных школах единоборств.

Помимо практических результатов (гимнастика для легких, развитие чувства ритма и пр.) достигаются и многие побочные (впрочем, не менее важные): "восточное" дыхание исключает игровое ведение тренировочных занятий, смех и шутки на татами не приняты, лица бойцов каменеют, превращаясь в бесстрастные либо жестокие маски; ну а наш кулачник ведет себя естественно и непринужденно, руководствуется не столько рассудком, сколько интуицией, обостренной благодаря свободным, ничем не скованным движениям.

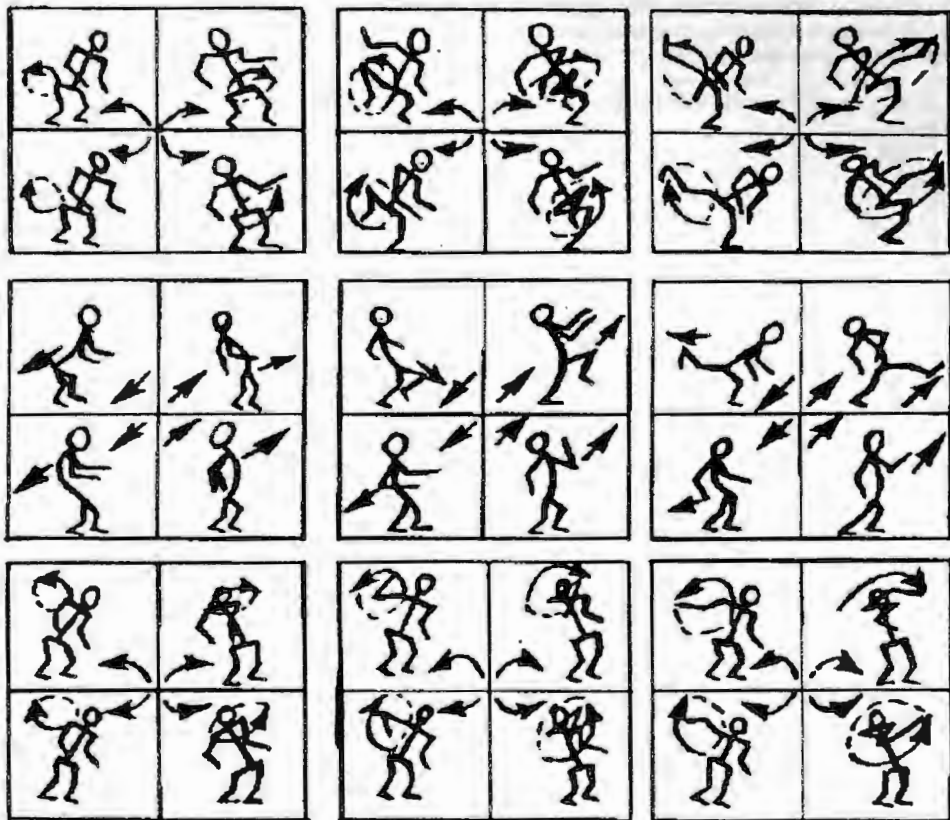
Кроме того, современные боевые системы по-разному, в зависимости от религиозных установок, искажают технику, продиктованную самой природой человека и его братьев меньших. Ту технику, которую мы наблюдаем в брачных танцах животных и древних национальных единоборствах. Восточное рациональное копирование в рукопашном бою зверей, птиц и насекомых — явление во многом искусственное, не имеющее глубоких исторических корней. А вот плясы ("ломания") — и не только у русских (у ханты, манси например) — есть подлинная архаика, восходящая к палеолиту.

Надо думать, в старину мастера Востока, как и русские кулачники, работали в разговорной стойке, выполнив предварительно, если позволяла ситуация, ритуальные па своей школы. (Разговорная стойка — положение, в котором застигла агрессия: сидя, лежа, в момент захвата, в окружении и т.д. Характеризуется полной расслабленностью; конечности чуть согнуты и незаметно "заряжены" — в обрядовом бою состояние "ломания". Термин позаимствован у армейских разведчиков). Нынешние же бойцы после каждой атаки забираются в жесткую "раковину", ограничивая себя и в техническом (несвободный удар — по заданной траектории напряженной конечностью; беспомощность на льду или в скользкой обуви), и в тактическом (неизбежные трудности при маневрировании), и в эмоциональном плане.

Еще одна характерная особенность русского кулачного боя — интенсивное использование инерционных сил (собственного веса и веса противника).

Представим плечевой (тазовый) пояс в виде маховика. Как нанести два мощных удара в связке (серию ударов)? Остановить маховик, начав раскручивать его в обратную сторону (что и делают во многих современных школах)? Но тогда теряется кинетическая энергия первоначального движения, гасится сила атаки. Очевидно, следует поступить так, как подсказывают законы физики и строение человеческого тела. Продолжать вращаться по ходу маховика, направляя конечности по эллиптической, а не линейной траектории, или перевернуть маховик, как пластинку, на 180 градусов. Тогда руки-ноги будут рабо-

ТАБЛИЦА СИММЕТРИИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ДВИЖЕНИЙ

тать без остановок — наподобие кривошипно-шатунного механизма (так называемая восьмерка).

Это и есть объемная конструкция боя. Следуя принципам симметрии, можно выделить из множества технических вариантов атак и "потягов" по четыре удара (блока) для каждого звена (плечо-таз, локоть-колени, кисть-стопа). В сумме — 24. Все прочие находятся либо внутри траекторий элементарных движений, либо представляют их комбинации.

Вышеуказанные движения сведены в таблицу. Она делится пополам горизонтальной осью симметрии верхних и нижних конечностей, а по вертикали каждый из трех столбцов разделен осью пространственной симметрии: удар вперед-назад в соответствии с ритмичной работой приводящих и отводящих мышц. Кроме того, квадратики схемы по горизонтали разбиваются надвое хронологической осью симметрии (т.е. траектория удара-возврата меняет направление). Есть еще симметрия самой траектории: возврата удару.

Примечания.

1. Первый столбец отражает начальную фазу движений, изображенных во втором, а тот, в свою очередь, — в третьем. Каждый из них имеет самостоятельное практическое значение. А все вместе дают полное представление о динамике удара.

2. Прямые удары, изображенные в квадратах второго горизонтального блока, следует рассматривать как промежуточную стадию движений "пляшущих человечков" на рисунках первого и третьего рядов, т.к. эти удары тоже наносятся по эллиптической траектории, но только в осевой плоскости.

3. Помимо симметрии в пространстве (относительно вертикальных осей) и во времени (относительно горизонтальных) находим на схеме центральную симметрию по диагонали.

4. Поскольку предплечья и голени имеют такую степень свободы, как вращение, каждый квадратик третьего столбца дробится еще на четыре. Для руки: разворот кисти на 90, 180 и 270 градусов, т.е. запястье, кулак, ладонь, низ кулака. Для облегчения восприятия таблицы эти движения не показаны.

5. На таблице изображена работа только правых конечностей. Попробуйте представить каждый рисунок в объеме с пространственным веером ударов.

А теперь рассмотрим основные типы связок.

Понятно, что симметричные во времени удары не могут образовать связку для одной конечности, ибо в таком случае неизбежна остановка. Значит, возможны два типа связок для одной руки (ноги) и четыре для двух (по количеству симметрий).

1. Линейно-симметричные удары (квадратики по горизонтали) образуют восьмерки из двух эллипсов, причем возврат-удар представляет собой единое движение по винтовой траектории. Так же волнообразно движется и все тело. Обычные восьмерки трехмерны, и плоскость второго удара поворачивается относительно первого на 45-90 градусов. Возможны четыре типа восьмерок, в зависимости от того, с какого удара начинается атака.

В учебном варианте мы находимся между двумя противниками, и оси эллипсов составляют одну прямую. В реальном бою восьмерка может быть согнута под любым углом и в любой плоскости за счет вращения тела в процессе удара.

2. Централно-симметричные удары одной конечностью (квадратики по диагонали) образуют замкнутую эллиптическую траекторию в вертикальной или наклон-

ной плоскости, которая может закручиваться, как лопасть, под углом до 90 градусов. Отличаются мощностью и скрытностью подготовки. Эффективны в ближнем бою.

Эти связки мы называем круговыми. Их тоже четыре. Они могут рассматриваться как "раскрученные" восьмерки, где траектории ударов повернуты относительно друга друга на 180 градусов.

3. Удары, симметричные во времени. Возможны при нанесении двумя конечностями: рука-рука, рука-нога, нога-нога и нога-рука. Эффективны в связках защита-атака, а также при раскрутках.

4. Линейно-симметричные удары двумя конечностями образуют такие же восьмерки, как и в первом варианте, а при развороте на 180 градусов (раскрутке) совпадают, т.е. второй удар идет вслед за первым по его траектории. Могут наноситься по двум точкам одновременно.

5. Централно-симметричные удары двумя конечностями также образуют восьмерки или совпадают при раскрутках. Наносятся одновременно или с минимальным интервалом.

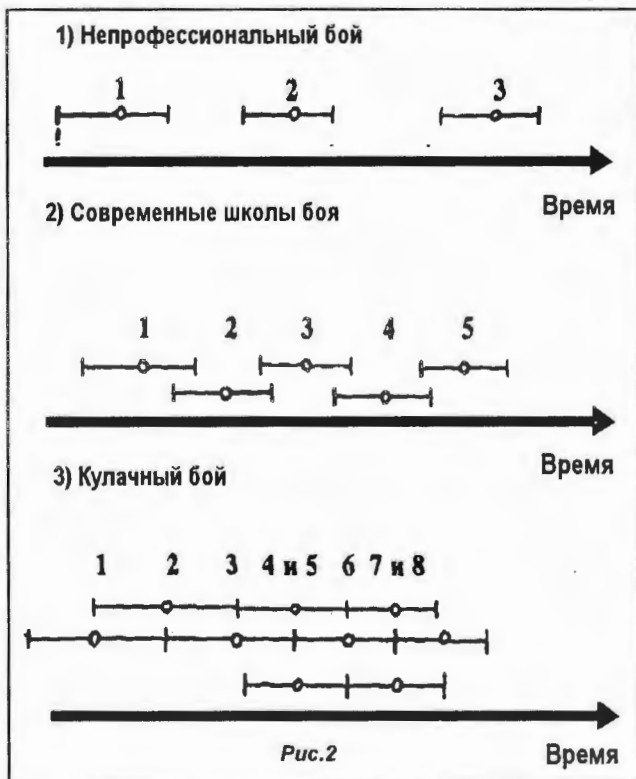
Все сказанное о связках в атаке относится и к защите.

Несколько слов о перемещении и тактике.

В кулачной технике при шаге вперед нога ставится всей стопой, носком вовнутрь, (а при шаге назад — носком наружу), с притопом, множащим силу ударов. Движение, в процессе которого раскручивается таз и корпус, завершается захлестом: атакующая рука идет от таза, нога — от груди.

Все перемещения складываются из "маятников" ("скок", "гойдок", "покач" и т.д.) и раскруток. В современных школах бойцы подобны локомотивам на рельсах — центр тяжести движется горизонтально. Кулачник "ныряет", как дельфин. Когда на "маянике" тело устремлено вверх, возрастает сила трения, позволяющая сделать мощное перемещение, а уже взлетев, за счет инерции возврата конечностей, легко разворачиваться в атаке. Сражаясь на льду, можно скользить, не отрывая ног.

Искусство боя включает также умение владеть дистанцией: маскировать свои действия, внезапно менять направления, быстро и неожиданно выходить на

линию атаки, предвидеть и использовать маневр противника и т.д.

Важно почувствовать, что бой это не просто серия движений конечностей и тела, а совокупность ударов и возвратов, органично вписанных в перемещения. Таким образом, сам стиль перемещений уже определяет технику.

Огромное значение в начале схватки имеет непрерывность пластики в связке: человек рефлекторно реагирует не на сами удары, а на смену их ритмов. Для этого следует представить контакт с поединщиком как промежуток между ударом и "потягом" и в определенном смысле как обмен информацией.

На этапе обучения основным принципом движения в "кругу" является выход на возврате в каждой из атак на следующего противника. То есть не нужно думать об ударе или защите (о том, с кем работаем в данный момент). Постоянно "сдвигайте" внимание вперед во времени, готовясь к столкновению с очередным соперником. Ставьте ногу на его осевую заблаговременно, еще в процессе нанесения удара по ближнему бойцу. Старайтесь выходить на нового поединщика спиной, дабы не выдать своих намерений взглядом и пластикой. Ваши маневры должны быть таковы, чтобы противники не могли предугадать, кто станет объектом следующей атаки. Сумеете выиграть хотя бы одно мгновение — успех вашей упреждающей атаки гарантирован.

Кулачный бой — это шахматный блиц, с той лишь разницей, что все фигуры движутся одновременно и каждая может оказаться ферзем. Вот почему наша программа заключается только в выборе направлений маневров и раскруток. Что касается ритмической организации, то она, как уже говорилось, строится на исполнении песен. Без этого наступает хаос ритмов, теряется инициатива, и уже не вы, а вам диктуют тактику.

Овладев искусством передвижения, открываете в себе способность к интуитивному ведению схватки, когда сознание полностью переключается на стратегию маневрирования, а тело, руки и ноги работают в автоматическом режиме.

Как говорилась в старинном заговоре ратника: "...и будет топор не в топор, бердыш не в бердыш, пика не в пик, рать не в рать... кручусь, верчусь от топоров, бердышей, пик, бойцов, борцов, татарской силы, казанской рати, черных Божьих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час и по сей день".

Ну а чтобы "отмахнуться", нужно помнить о методике защиты. Рассмотрим ее в сочетании трех фаз:

1. Вы увидели удар в стадии подготовки — можно вернуться или упредить, а

можно, дождавшись удара, использовать его энергию для контратаки.

2. Удар замечен в стадии его нанесения — можно успеть защититься или уйти.

3. Атаку противника вы прозевали — в этом случае все зависит от вашего умения расслабляться, маневрировать, держать удар и, преодолевая боль, наносить ответный. На определенном уровне подготовки третья фаза переходит в первую — вы упреждаете и замеченные, и незамеченные удары.

Следует подчеркнуть: техника работы "от защиты" уместна только в первом варианте. Системы, которые ограничиваются этой пассивной тактикой, ничего не могут предложить в "кругу". Групповую схватку выигрывает тот, кто решительно наступает.

Вот как выглядят разные типы боя по плотности атак (рис. 2); время контакта обозначено кружком, удара-возврата — отрезком.

В последнем варианте конечности работают синхронно: в момент, когда происходит первый контакт, начинается второй удар и т.д.

В соответствии с тремя фазами защиты выделим и три стадии кулачного боя:

1. Разговорная — выяснение мотиваций агрессии, необходимости и формы ее отражения. Хотя никаких действий здесь еще нет, но именно на этой стадии на 90, если не на все 100 процентов решается исход боя.

2. Активная — возможна лишь при условии собственной инициативы и решительности: первая связка (0,2-1 сек.) длится до начала реакции атакованного противника.

3. Бой как таковой — обмен ударами, "маятники" и раскрутки, случайные падения и обманные финты, контратаки. Наконец, бегство одного из противников, преследование. Победа!

У профессионала третья стадия не отличается от второй. У мастера все решается на первой.

На последующих уроках мы ограничимся описанием наиболее распространенных двухударных связок. Трех-, четырех- и более ударные получаются простым называнием цепи, различные звенья которой можно комбинировать по указанному принципу.

Разумеется, традиция не знала подобного анализа техники. Все преподносилось целиком. Мы прибегли к анализу лишь для учебной классификации. Синтез — за вами.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ,
преподаватель фольклорной студии.

Любовь моя — охота

Вынужденный перерыв

Как-то вечером раздался телефонный звонок.

— Отлучусь дней на двадцать, — услышал я в трубке глуховатый голос ветерана нашего охотничье-рыболовного коллектива полковника в отставке Владимира Михайловича Жукова, — так вы меня не теряйте.

— Опять на Саратовщину?

— Да, решил потропить зайца — самое время. И родные края проведать, тех, кто еще жив из земляков-фронтовиков.

— Не тяжеловаты ли для вас такие вылазки?

— Ничего, есть еще порох в пороховницах.

Этого немолодого уже человека знаю много лет. И сколько помню, он активнейшим образом занимается охотой. Как сам Владимир Михайлович утверждает, с ружьишком в поле он начал выходить лет в тринадцать. Получается, без малого шесть десятков годов отдано им любимому увлечению. Был, правда, в этой череде лет один довольно продолжительный перерыв в занятиях охотой. Вынужденный. И перерыв тот устроила война.

Великая Отечественная для красноармейца В. Жукова началась на рассвете 22 июня 1941 года, когда на его родную заставу Каларашского отряда, прикрывавшую участок границы с Бессарабией, обрушился шквал снарядов. Первыми же залпами враг накрыл казарму, склады, оборонительные сооружения. Была выведена из строя телефонная связь с соседями, старшим начальником. По заставе в несколько заходов отбомбились немецкие самолеты. После их налета под прикрытием нового артобстрела фашисты начали форсировать Прут. Несмотря на внезапность, на понесенные серьезные потери, пограничники заставы сумели отбить атаку. Но вслед за первым натиском последовал второй, третий. И они были отражены. Когда к мосту через реку попытались прорваться танки, пограничники взорвали опоры путевого провода. Отстреливаясь из пушек и пулеметов, танки попятились назад. А вместе с ними стала отходить и пехота.

Много воды с тех пор утекло, а Владимир Михайлович никак не может забыть то кошмарное утро, тот знойный июньский день, когда для страны закончился мир. Именно тогда он впервые увидел суровое и безжалостное лицо войны, ощутил сполна невосполнимую и неизбывную боль утраты боевых товарищей.

На долгом пути к Победе у В. Жукова — горькие дороги отступления, бои под Мелитополем, отмеченные ранением. Был участником битвы под Москвой. Здесь ему, адъютанту комполка, срочно произведенному в младшие лейтенан-

В.М. Жуков.

ты, довелось командовать взводом, направляемым в составе усиленной роты внутренних войск НКВД для затыкания образовавшейся брешы в обороне наших войск в районе Мало-Ярославца.

Жаркие это были денечки, хотя на дворе стоял канун зимы. Чекисты дрались самоотверженно. Не уступили ни пяди родной земли.

Жукову, когда выбыл из строя командир роты, пришлось исполнять его обязанности. У него прочно отложился в памяти такой весьма характерный для тех боев факт: выдвигались на передовую чуть ли не на десятке полторок, а оттуда он вывозил личный состав на двух машинах, причем неполных...

Наградой ему тогда стала медаль "За отвагу". К ней уже позже прибавятся и другие боевые знаки отличия — орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени.

Май 1945 года встретил старший лейтенант В. Жуков командиром роты. Жизнь его, пограничника, уже была тесно связана с внутренними войсками, так что война для него с праздничным победным салютом отнюдь не закончилась. Часть, где он служил, привлекалась для вооруженной борьбы с бандформированиями, националистическим подпольем на бывших под оккупацией территориях Западной Украины, Прибалтики. Командировки на боевые операции туда продолжались у Жукова вплоть до пятидесяти первого года.

Ясное дело, в то время было не до спортивной охоты. Вот и получилось так, что перерыв в занятиях любимым делом, объявленный войной, затянулся чуть ли не на десять лет.

Зато потом, когда учился в военном институте, служил в знаменитой ОМСДОН — дивизии особого назначения имени Ф. Дзержинского, использовал малейшую возможность, чтобы выбраться с ружьем на природу. Трофеи были самые разнообразные. Так, однажды подстрелил лисицу. Запомнилась она тем, что была... без хвоста. Видно, наткнулась на противопехот-

ную мину, которых немало осталось в местах бывших боев.

Был случай, когда во время охоты наехал на нору в снегу, в которой отсиживался русак. Ох и перепугал он тогда косога. Смех и только: заяц верещит, а придавленный лыжами, выбраться из лунки не может. Хоть бери голыми руками. Отпустил его Жуков, пожалел, не стал стрелять: и без того, дескать, досталось бедняге.

Конечно, для Владимира Михайловича, как и для любого другого любителя побродить с ружьем, важен и результат охоты. Так сказать, материальная сторона. Но он никогда добывание зверя, птицы не превращал в самоцель. Никто из его многочисленных товарищей по увлечению не припомнит, чтобы Михальч в ущерб кому-либо занял удобную позицию или палил направо-налево из жадности урвать побольше. Более того, случалось, после удачного выстрела Жуков, убрав степенно трофей, тут же разряжал ружье и оставшее время посвящал обучению молодых, просто общению с природой.

Последнее место службы В.Жукова — ГУВВ (Главное управление внутренних войск), куда он пришел с должности комбата. Здесь за ним также быстро утвердилась слава страстного любителя и пропагандиста охоты. Не случайно, надо полагать, сослуживцы по главку избрали вскоре Владимира Михайловича председателем охотничье-рыболовного коллектива. Его он бесспорно возглавлял ни много ни мало более 22 лет. За эти годы организованы десятки выездов на природоохранные мероприятия на охотничье-рыболовных базах, на открытия, закрытия охотничьих сезонов и посвященные им соревнования, на лицензионную охоту. А сколько офицеров, прапорщиков приобщил он к охоте и рыбалке, привил им привычку бережного, любовного отношения к природным богатствам Подмосковья! Один из них, полковник Николай Константинович Гончаров, рассказывал так-то:

— Общаясь с Владимиром Михайловичем, многое узнаешь. Много, снял я метким выстрелом утку, а потом долго искал ее, да так и не нашел. Жуков, видя мое огорчение, не стал назидать. Даже помогал прочесывать камыши. А вот когда сели отдохнуть, преподавал урок, что чисто битая над головой птица с высоты сорока метров, как в моем случае, падает от стрелка по направлению полета не ближе полста метров. А если там заросли? Стоит ли губить птицу, если ее не возьмешь. Перед каждым выстрелом нужно прикинуть место возможного падения дичи. Не поступать по принципу "ни себе, ни людям".

И все это говорилось по-доброму, по-отечески.

В другой раз, зимой, он подсказал, что в мороз расстояние, на которое можно уверенно поразить дичь, короче, чем летом. И объяснил почему.

Такие советы запоминаются на всю жизнь.

Сейчас полковник в отставке В.Жуков давно на заслуженном отдыхе. Но не теряет связь с родным охотничье-рыболовным коллективом, по-прежнему является одним из активнейших его членов. Занимается со вновь вступающими, помогает им подготовиться к сдаче охотминимума. Сам старается не пропускать плановых выездов в охотугодья.

Владимир Михайлович верен своему уже многолетнему пристрастию — охоте и рыбалке в родных саратовских местах. Здесь в деревне Грачевка Аркадакского района он родился в 1922 году. Как раз на Рождество Христово. Сюда выбирается на месяц-другой летом — половить рыбку, которая там, как ни странно, не перевелась. И зимой — на несколько недель, чтобы испытать непередаваемый восторг от походов по окрестным полям и перелескам с ружьем.

Поездки на родину В.Жуков непременно совмещает со встречами с фронтовыми товарищами. Немного их осталось. Достаточно сказать, что из 64 парней, в числе которых уходил из района на службу в сентябре 1940 года Володя Жуков, домой возвратились после 1945 года восемь человек. Ныне из тех сверстников в живых остались единицы...

В.Жуков со всеми поддерживает связь, оказывает им посильную помощь в решении возникающих проблем: кому документы о прибавке к пенсии справиться, кому запрос о подтверждении ранения подготовить, кому получить материальную помощь от местных властей.

О некоторых фронтовиках он подготовил и опубликовал материалы в местной аркадакской газете. Еще об одном собирается написать. Кто знает, может быть, именно желание встретиться с ним и позвало ветерана на родину, когда состоялся наш упомянутый выше разговор.

— Считаю своим долгом поведать о тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной, добывал потом и кровью Победу, — объяснил как-то в минуты откровения Владимир Михайлович. — К сожалению, нынче к фронтовикам отношение, особенно со стороны молодежи, зачастую бессердечное. А это — трудновосполнимый пробел в их воспитании, а значит, и в духовности всего общества в целом.

Нечаянно, к слову, Владимир Михайлович Жуков использует и для пропаганды своего хобби. В той же районной газете увидели свет его незатейливые рассказы об общении с природой, поучительные истории о повадках рыб, животных и птиц, памятных трофеях. В.Жуков — автор интересных публикаций об охоте и рыбалке в нашем журнале "На боевом посту", в журнале "Охотник". В частности, с журналом внутренних войск Владимир Михайлович сотрудничает с 1985 года. Скоро своеобразный юбилей. Отрадно, что ныне редкая подборка в "Калейдоскопе интересов", посвящаемая охотникам и рыболовам, выходит без материала В.Жукова. И они, как правило, оригинальны, подкупают искренностью. Читая их, веришь, что с тобой как бы беседует мудрый и добрый человек.

Пользуясь случаем, от всей души поздравляю полковника в отставке Владимира Михайловича Жукова с недалеким уже 50-летием Великой Победы. Желаю ему крепкого здоровья, почаще выбираться на природу. И как водится: ни пуха ни пера, ни клева ни задева.

К моим поздравлениям присоединяются все члены нашего охотничье-рыболовного коллектива ГУКВВ МВД РФ.

Полковник В.АФАНАСЬЕВ.

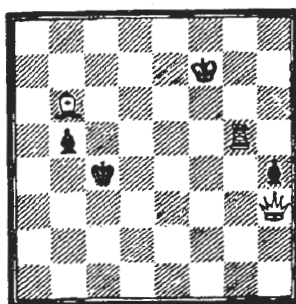

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

Художественные композиции

№ 7

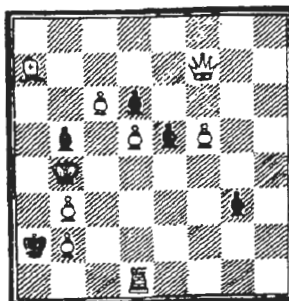
Публикуется впервые

Мат в 2 хода

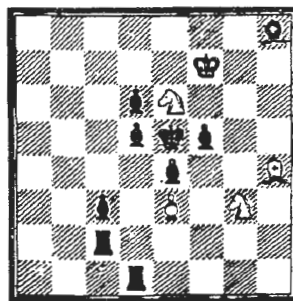
№ 8

Публикуется впервые

Мат в 3 хода

№ 9, 1994

Мат в 5 ходов

Задачи N 7, 8 предлагаем решить. Небольшая подсказка: в N 8 реализована бристольская тема, сущность ее — прокладка пути для матующей фигуры. Многоходовка N 9 давалась в конкурсе решений, посвященном 50-летию Великой Победы. Проводила его газета "Красная звезда". Конкурс оказался массовым, более 500 любителей шахмат приняли в нем участие. Задача N 9 вызвала всеобщий восторг, ее решение простое, но довольно симпатичное. 1.Kd4 Л:d4 2.Cg5 Лf2 3.Cf4+ Л:f4 4.Ke2!! , вилка.

Сообщаем решение задачи N 6 (На боевом посту, 1995, N 2): Крe1, Фг3,Лb5,Ch5, пп.b6,c2,f5,g4 — Кpg5, пп.c3,e3,f6,h6, мат в 3 хода. 1.Лb3!! Ход этот выглядит непонятным, но идея его быстро проясняется: 1...e2 2.Ф:c3! Крh4 3.Ф:f6X!, 2...Крf4 3.Фe3X! И так, первый ход — это засада за двумя черными пешками, трудность решения, следовательно, не аналитическая, а идейная.

Чемпионаты решателей

Комиссия по композиции ФИДЕ провела 17 чемпионатов мира по решению задач и этюдов. Они очные, проходят в течение двух дней, по три тура в день. В первом туре решаются три двухходовки, на их решение отводится 20 минут, во втором — три трехходовки (60 минут), в третьем — три этюда (100 минут). В трех турах второго тура участники решают по три задачи на кооперативный и обратный маты (50 минут на тур) и три многоходовки (80 минут).

Таков регламент очных чемпионатов мира, время в них имеет решающее значение. Его придерживаются и все другие чемпионаты — региональные и национальные. В нашей стране последний очный чемпионат решателей прошел в прошлом году в Твери. В нем также было шесть туров по три композиции в каждом, с контролем времени, указанном выше. Приводим позиции второго тура и предлагаем померяться силами с участниками прошедшего чемпионата России.

№ 1. Белые — Крe7,Фг7,Лc1,Сf1,Кd6,Ke5, пп.b4,b5,d7,e3,e6,h5 /12/, черные —

Крd5,Фа2,Cb1,Kd2,Ke8, пп.b3,b6,c5,d3,f5,h6 /11/, мат в 3 хода. № 2. Белые — Кра7,Лc5,Лh4,Ce1,Ce6,Ка3,Kd7, пп.a6,b5,g2,h5 /11/, черные — Крd3,Лg5,Са2,Cf6,Кc1,Kg8, пп.c4,d4,e2,e3,f5,h6 /12/, мат в 3 хода.

№ 3. Белые — Кoc7,Фh7,Ла1,Cb5,Cc3,Кc1,Kd1, пп.a2,e4 /9/, черные — Кра3,Ле2,Лf7,Ce6,Kg2, пп.b7,d3,d6,d7,f6 /10/, мат в 3 хода.

Если секреты этих трех задач вы откроете за 60 минут, то высокие спортивные звания вы можете завоевать, конечно, при желании и упорном труде. Дерзайте!

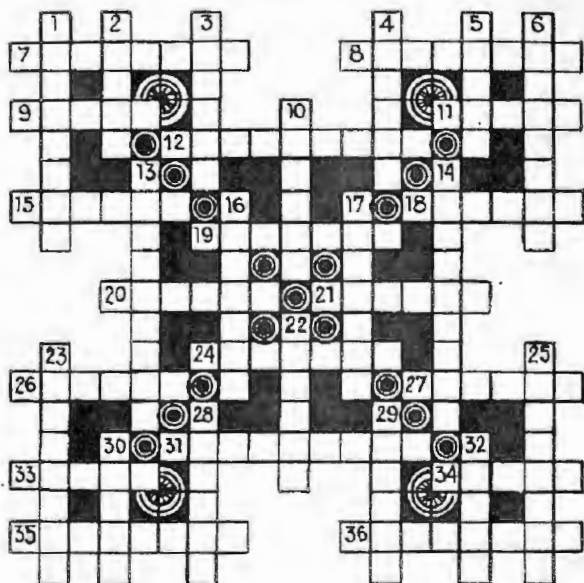
Немного из истории отечественных шахмат

Первый шахматный клуб в России возник в Петербурге в 1837 году. Его организовал Александр Дмитриевич Петров — выдающийся мастер и шахматный теоретик, пионер шахматной композиции. Первоначально клуб назывался "Общество любителей шахматной игры". Деятельность клуба регламентировалась специальным уставом, написанным А.Петровым. Любопытно некоторые положения устава. Так, число членов клуба ограничивалось числом клеток на шахматной доске. В члены клуба избирались общим голосованием, никакая игра, кроме шахматной, в клубе не допускалась. В клубе велась особая книга, в которую записывались примечательные партии и важные события.

В 1838 году клуб направил вызов Парижскому шахматному клубу на матч чемпионов России и Франции. Чемпионом России клуб назвал А.Петрова, а сильнейшим шахматистом Франции был в то время Л.Лабордонне. Предлагалось провести одновременно соревнование клубов по решению задач и этюдов. К сожалению, Парижский клуб не принял вызова и задуманное соревнование не состоялось. Такой была полтора века назад шахматная искра в России, давшая к нашим дням великое пламя!

КРОССВОРД

Посвящен Международному женскому дню 8 марта

По горизонтали:

7.Руководитель подпольной организации на псковской земле во время войны, Герой Советского Союза. 8.Роль Лидии Смирновой в кинофильме "Большая жизнь". 9.Героиня одноименной пьесы М.Горького. 11.Повесть Б.Полевого. 12.Штурман женского авиаполка, совершившая 243 боевых вылета, Герой Советского Союза. 15.Русская актриса и режиссер, игравшая во МХАТе, театре им. Ленинского Комсомола, театре им. Моссовета. 18.Скульптор, автор композиции "Рабочий и колхозница". 19.В армянской мифологии богиня любви и сладострастия. 20.Трилогия японской писательницы Ю.Миямото. 21.Повесть В.Пановой. 24.Первая русская летчица. 26.Автор романа "Спутники". 27.Роль С.Харитоновой в кинофильме "В трудный час". 31.Русская эстрадная певица, часто выступавшая с концертами на фронте. 33.В римской мифологии богиня брака и материнства. 34.Героиня картин Рембрандта и Тициана. 35.Актриса театра им. Моссовета, участница фронтовых концертных бригад во время войны. 36.Героиня пьесы А.Н.Островского "Не все коту масленица".

По вертикали:

1.Датская писательница, автор романа "Опасный возраст". 2.Дочь художника Агенора в повести И.Ефремова "На краю Ойкумены". 3.Летчица

женского авиаполка, совершившая 840 боевых вылетов, Герой Советского Союза. 4.Фронтовой кинооператор, снявшая документальный фильм "Разгром немецких войск под Москвой". 5.Персонаж пьесы А.Сафронова "Стряпуха". 6.Баллада В.Жуковского. 10.Персонаж трагедии В.Шекспира "Гамлет". 13.Командир авиазвена женского авиаполка, совершившая 805 боевых вылетов, Герой Советско-

го Союза. 14.Русская эстрадная певица, активный участник фронтовых концертных бригад во время войны. 16.Командир женского ночного авиационного бомбардировочного полка, Герой Советского Союза. 17.Санструктор стрелкового полка, в числе первых переправившаяся через Днепр, Герой Советского Союза. 22.Героиня одноименной пьесы К.Тренева. 23.Актриса Малого театра, участница фронтовых концертных бригад во время войны. 25.Автор поэмы "Царь—девица". 28.Американская танцовщица, жена С.Есенина. 29.Героиня балета П.И.Чайковского "Спящая красавица". 30.Автор поэмы "Пулковский меридиан". 32.Итальянская киноактриса, снявшаяся в кинофильмах "Луна", "Двадцатый век" и др.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 2

По горизонтали:

7.Гастелло. 9.Освенцим. 10."Соловьи". 11.Десант. 12.Медаль. 13.Симонов. 18.Захаров. 19.Кашеева. 20.Акулов. 21."Победа". 22."Каховка". 24.Новиков. 27.Застава. 32.Снаряд. 33.Рапорт. 34."Цимбалы". 35.Сражение. 36.Кантария.

По вертикали:

1.Разведка. 2.Ленино. 3."Дороги". 4."Кольцо". 5.Секрет. 6.Николаев. 8.Олово. 14.Катуков. 15.Головко. 16.Сафонов. 17.Неделин. 23.Авангард. 25.Операция. 26.Рябцев. 28.Алигер. 29.Табун. 30.Валько. 31.Ракета.

Составил Е.КУЛИКОВ.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет прием на военную службу по контракту во внутренние войска МВД России

На военную службу по контракту принимают граждане Российской Федерации в возрасте: лица мужского пола — от 18 до 40 лет; лица женского пола — от 20 до 40 лет (кроме имеющих ребенка в возрасте до 8 лет).

Военнослужащие по призыву, изъявившие желание поступить на военную службу по контракту, подают рапорт по команде, а граждане, пребывающие в запасе, и граждане женского пола, желающие поступить на военную службу по контракту, представляют районному (городскому) военному комиссару по месту воинского учета (жительства) следующие документы: личное заявление, автобиографию, копии документов об образовании и рождении, характеристику, справку домоуправления о составе семьи и месте жительства, фотографии. Женатые (замужние) кандидаты на службу по контракту, кроме того, представляют копии свидетельств о браке и рождении детей.

На военную службу по контракту принимают признанные при медицинском освидетельствовании годными к военной службе или годными к военной службе с незначительными ограничениями.

Отбор пребывающих в запасе и лиц женского пола, не состоящих на воинском учете, на военную службу по контракту осуществляется в два этапа:

на первом этапе (в военных комиссариатах) — профессиональный отбор кандидатов на службу по контракту;

на втором этапе (в воинских частях) — конкурсный отбор и прием кандидатов на службу по контракту.

Подготовка предложений командирам воинских частей о приеме или отказе (с указанием причин) в приеме кандидатов на военную службу по контракту осуществляется аттестационными комиссиями воинских частей на основании изучения личных дел, заключений о состоянии здоровья, результатов проверки физической подготовки и профпригодности граждан к военной службе.

Контракт о прохождении военной службы заключается:

с поступающими на воинскую должность, замещаемую солдатами (матросами), а также сержантами (старшинами), — на 3 года;

с поступающими на воинскую должность, замещаемую прапорщиками (мичманами), — на 5 лет;

с поступающими на воинскую должность, замещаемую офицерами, — на 5 лет.

Военнослужащим, поступившим на военную службу по контракту, законодательством гарантируется:

а) получение:

ежемесячного денежного содержания в зависимости от занимаемой должности и воинского звания;

единовременного денежного вознаграждения в размере не менее трех окладов денежного содержания по итогам календарного года за добросовестное исполнение должностных обязанностей;

выплаты на первоначальное обзаведение хозяйством в виде беспроцентной ссуды в размере до 12 окладов денежного содержания на срок до трех лет в случаях заключения контракта на 5 лет или при заключении первого брака;

Ежегодной денежной компенсации за санаторно-курортное лечение и организацию отдыха во время отпуска в размере шести минимальных размеров оплаты труда на самого военнослужащего и трех минимальных размеров оплаты труда на жену (мужа) и каждого несовершеннолетнего ребенка;

пособия в размере пятилетнего содержания при получении ими увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, исключающих для них возможность дальнейшего прохождения военной службы;

бесплатной медицинской помощи;

б) оплата занимаемой ими и проживающими с ними членами семьи жилой площади в домах государственного, муниципального и ведомственного жилых фондов и коммунальных услуг, независимо от принадлежности жилых помещений, а также установки и пользования квартирными телефонами в размере не более 50 процентов;

в) освобождение от уплаты подоходного налога с денежного довольствия, денежных вознаграждений и других выплат, получаемых в связи с исполнением обязанностей военной службы, а также от уплаты земельного налога и налога на имущество физических лиц;

г) обязательное государственное страхование на случай гибели (смерти) или увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученного в период прохождения ими военной службы;

д) бесплатный проезд к месту проведения основного отпуска и обратно, бесплатный проезд членов семей военнослужащих к месту использования отпуска и обратно один раз в год;

е) бесплатное пользование всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси);

ж) выбор постоянного места жительства в любом населенном пункте Российской Федерации при увольнении в запас или отставку.

Кроме того, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, пользуются и другими правами и льготами, предусмотренными законами Российской Федерации.

ПРИГЛАШАЕМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ ВО ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА!

**Будни Центрального
военного госпиталя
внутренних войск
МВД России**

Во спасение наше...

Высоким профессионализмом отличаются медицинские работники госпиталя полковники медицинской службы Е.Романов, подполковники медицинской службы С.Курдо, В.Губань, А.Орлов, старшая медсестра прапорщик Е.Пестюхина и многие другие. Благодаря им больные быстро возвращаются к полноценной жизни.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАКРЫТОГО ТИПА

ПРЕДЛАГАЕТ:

- Оружие охотничье гладкоствольное и нарезное.
- Боеприпасы охотничьи всех калибров.
- Револьверы и пистолеты газовые, отечественные и импортные — в широком ассортименте.
- Баллончики газовые.
- Кобуры оперативные.
- Средства защиты информации.
- Пусковые устройства для сигнальных ракет центрального и бокового боя.
- Спецсредства защиты: "Удар", шлемы, дубинки, спецкомплекты, бронежилеты.
- Ножи отечественных и зарубежных фирм.
- Форма камуфлированная.
- Различная пиротехника.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Адрес: 117279, Москва,
ул.Профсоюзная,93 А.

Время работы: 10.00—19.00,
суббота 10.00—17.00,
воскресенье — выходной.

Телефоны для справок:

(095) 335-01-33
— с 9 до 18 часов,
335-72-91
— круглосуточно.

В филиале фирмы (тел. 282-69-08)
можно ПРИОБРЕСТИ:

- Бетоносмесители циклические БЭ-25.
- Глубинные насосы различных модификаций.
- Пилорамы.
- Сепараторы.
- Механизмы для нарезки труб.
- Виброформовочные машины ВФМ-2М.
- Котлы паровые КТ-Ф-300.